

ISSN 2686-7494

Два века **Two centuries**
русской классики **of the Russian classics**
[Dva veka russkoi klassiki]

Научный журнал Academic Journal
Выходит с 2019 года Is published since 2019

2019 Том 1 № 1 2019 Volume 1 No. 1

Учредитель и издатель: Founder and publisher:
Институт A. M. Gorky
мировой литературы Institute
им. А.М. Горького of World Literature
Российской of the Russian
академии наук Academy of Science

Два века
РУССКОЙ
КЛАССИКИ

Редакционная коллегия журнала «Два века русской классики»

Главный редактор

Щербакова Марина Ивановна (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва)

Заместитель главного редактора

Виноградов Игорь Алексеевич (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва)

Ответственный секретарь

Андреева Валерия Геннадьевна (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва)

Редакционная коллегия

Гулин Александр Вадимович (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва), Гуминский Виктор Мирославович (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва), Ивинский Александр Дмитриевич (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва), Троицкий Всеволод Юрьевич (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва), Воропаев Владимир Алексеевич (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва), Генералова Наталья Петровна (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург), Захаров Владимир Николаевич (Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Российский фонд фундаментальных исследований, г. Москва), Коровин Владимир Леонидович (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва) Лебедев Юрий Владимирович (Костромской государственный университет, г. Кострома), Михайлова Наталья Ивановна (Государственный музей А. С. Пушкина, г. Москва), Мосалская Галина Владимировна (Удмуртский государственный университет, г. Ижевск), Николаева Евгения Васильевна (Московский педагогический государственный университет, г. Москва), Николаева Светлана Юрьевна (Тверской государственный университет, г. Тверь), Федоров Алексей Владимирович (издательство «Русское слово», г. Москва), Чернышева Елена Геннадьевна (Московский педагогический государственный университет, г. Москва)

Иностранные члены редакционной коллегии

Авидзба Василий Шамониевич (научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия», г. Сухум, Абхазия), Амберг Лоренцо (дипломат и посол Швейцарии, г. Женева, Швейцария), Боханд Мохаммад Латиф (посол Афганистана в России, г. Кабул, Афганистан), Гини Джузеппе (Университет им. Карло Бо, г. Урбино, Италия), Донсков Андрей Александрович (Славянская исследовательская группа при университете Оттавы, г. Оттава, Канада), Кавацца Антонелла (Университет им. Карло Бо, г. Урбино, Италия), Луцевич Людмила Федоровна (Варшавский университет, г. Варшава, Польша), Михед Павел Владимирович (Институт литературы им. Т. Шевченко Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина), Олджай Тюркан (Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция), Пиотровска Иоанна (Варшавский университет, г. Варшава, Польша), Саверченко Иван Васильевич («Институт литературоведения им. Янки Купалы» Национальной академии Наук Беларуси, г. Минск, Беларусь), Терзич Славенко (посол Сербии, г. Белград, Сербия)

The editorial board of the journal «Two centuries of the Russian classics»

Dba lixa

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ЦЕНТР
ИССЛЕДОВАНИЙ
И
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Editor-in-Chief

Scherbakova Marina Ivanovna (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow)

Deputy Editor-in-Chief

Vinogradov Igor Alekseevich (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow)

Managing Editor

Andreeva Valeria Gennadyevna (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow)

Editorial board

Gulin Alexander Vadimovich (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow), Guminsky Victor Miroslovovich (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow), Ivinsky Alexander Dmitrievich (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow), Troitsky Vsevolod Yuryevich (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow), Voropayev Vladimir Alekseyevich (Lomonosov Moscow State University, Moscow), Generalova Natalya Petrovna (Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg), Zakharov Vladimir Nikolaevich (Petrozavodsk state university, Petrozavodsk, Russian Federal Property Fund, Moscow), Korovin Vladimir Leonidovich (Lomonosov Moscow State University, Moscow), Lebedev Yuriy Vladimirovich (Kostroma State University, Kostroma), Mikhaylova Natalya Ivanovna (State Museum of A. S. Pushkin, Moscow), Mosaleva Galina Vladimirovna (Udmurt State University, Izhevsk), Nikolaeva Evgenia Vasilyevna (Moscow Pedagogical State University, Moscow), Nikolaeva Svetlana Yurevna (Tver State University, Tver), Fedorov Alexey Vladimirovich (Russian Word publishing house, Moscow), Chernysheva Elena Gennadyevna (Moscow Pedagogical State University, Moscow)

Foreign members of the editorial board

Avidzba Vasily Shamoniyevich (Abkhazian Encyclopedia research center, Sukhum, Abkhazia), Amberg Lorenzo (Diplomat and ambassador of Switzerland, Geneva, Switzerland), Bokhand Mohammad Latif (Ambassador of Afghanistan in Russia, Kabul, Afghanistan), Genya Giuseppe (University of Carlo Bo, Urbino, Italy), Donskov Andrey Aleksandrovich (Slavic research group at the university of Ottawa, Ottawa, Canada), Kavazza Antonella (University of Carlo Bo, Urbino, Italy), Lutsevich Lyudmila Fiodorovna (Warsaw university, Warsaw, Poland), Mikhed Pavel Vladimirovich (Institute of literature of T. Shevchenko of National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine), Oldzhay Tyurkan (Istanbul university, Istanbul, Turkey), Piotrovsk Ioann (Warsaw university, Warsaw, Poland), Saverchenko Ivan Vasilyevich ("Institute of Literary Criticism of Janka Kupala" of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), Terzich of Slavenko (Ambassador of Serbia, Belgrade, Serbia)

Содержание

6 Поздравление

Русская литература XVIII и XIX столетий

- 8 Крашенинникова О. А.** «Индекс отреченных книг»
архимандрита Маркелла Радышевского (к истории духовной
цензуры в России)
- 34 Виноградов И. А.** «Когда в товарищах согласья нет...»
А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. С. Уваров
- 104 Сизова И. И.** Лев Толстой в работе над романом «Декабристы»
- 118 Звигильский А. Я.** Новый перевод И. С. Тургенева в новом
журнале
- 128 Сытина Ю. Н.** О бытовании формулы « $2 \times 2 = 4$ » в русской
классике и о ее возможных истоках

Научная жизнь

- 148 Осипова Е. А.** К вопросу о русско-сербских литератур-
ных пересечениях. Рецензия на сборник научных статей
«Классики и современность: Гоголь, Тургенев, Горький. Сост.
А. [Александра] Вранеш, Л. [Лиляна] Маркович, А. [Алла
Геннадьевна] Шешкен». Белград, Москва, Тюмень, Воронеж,
2018. — 315 с.

Contents

6 Congratulation

Russian literature XVIII and XIX centuries

- 8 Krashennnikova O. A.** “Index of Forbidden Books” by Markell Radyshevsky, Archimandrite (On the History of Spiritual Censorship in Russia)
- 34 Vinogradov I. A.** “When there is no agreement between friends”
A. S. Pushkin, N. V. Gogol, S. S. Uvarov
- 104 Sizova I. I.** Leo Tolstoy in the novel “The decembrists”
- 118 Zvigil'skiy A. Ya.** The new translation of I. S. Turgenev in the new magazine
- 128 Sytina Yu. N.** The formula “two times two is four” in the Russian classics and its possible origins

Scientific Life

- 148 Osipova E. A.** To a question of the Russian-Serbian literary crossings. Review of the collection of scientific articles “Classics and modernity: Gogol, Turgenev, Gorky. Comp. A. [Alexander] Vraneš, L. [Lilly] Markovic, A. [A. G.] Seskin”. Belgrade, Moscow, Tyumen, Voronezh, 2018. — 315 p.

Редакция журнала «Два века русской классики» сердечно поздравляет с 80-летием **Андрея Александровича Донскова** — профессора, директора славянской исследовательской группы при университете Оттавы в Канаде. Много сил, внимания и времени Андрей Александрович отдал русской литературе, наследию русских классиков, которое и сейчас является отличительной особенностью нашей культуры в целом.

Жизненный и творческий путь Андрея Александровича Донскова — это путь патриота, человека внимательного, чуткого, необыкновенно трудолюбивого. Вдалеке от России Андрей Александрович чувствует дыхание русской жизни, на другом континенте, в Канаде он не устает поддерживать интерес к славянским языкам и русской литературе, к творчеству Л. Н. Толстого, активно участвует во множестве международных конференций и симпозиумов.

Редакция журнала «Два века русской классики» поздравляет юбиляра и желает Андрею Александровичу крепкого здоровья, энергии, сил, прекрасного настроения!

С разрешения А. А. Донского журнал публикует письмо юбиляру от посла Российской Федерации в Канаде.

ПОСОЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В КАНАДЕ

Оттава, «2» марта 2019 г.

Дорогой Андрей Александрович!

От всего коллектива Посольства и от меня лично примите сердечные поздравления по случаю Вашего 80-летия!

Ваш жизненный путь неразрывно связан с сохранением морально-нравственных ценностей «Русского мира» для последующих поколений соотечественников и всех тех, кому небезразлична история нашей Родины.

Благодаря Вашему подвижничеству и неустанному труду по сохранению уникального, имеющего поистине мировое значение, литературного наследия Льва Николаевича Толстого Оттавский университет стал ключевым центром славистики и славяноведения в Северной Америке. А Ваши бесчисленные монографии и статьи о классике русской литературы вошли в золотой фонд отечественного толстоведения.

От всей души желаем Вам, дорогой Андрей Александрович, крепкого здоровья, счастья, хорошего настроения и новых творческих успехов.

С искренним и глубоким уважением,

А. ДАРЧИЕВ

АНДРЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ДОНСКОВУ

«Индекс отреченных книг» архимандрита Маркелла Радышевского (к истории духовной цензуры в России)

Статья выполнена в рамках работы над проектом «Литературное наследие М. Радышевского: исследования и тексты» № 17-04-50044 при финансовой поддержке РФФИ

Аннотация: В статье освещается малоизвестная сторона общественной деятельности выдающегося духовного писателя и публициста архимандрита Маркелла Радышевского — виднейшего представителя оппозиционно-консервативного крыла русского духовенства XVIII в. В 1727–1728 гг., находясь в числе братии петербургского Александро-Невского монастыря, Радышевский выступил с последовательной критикой неправославных изданий, выходивших с 1722 по 1725 гг. в типографии Александро-Невского монастыря по прямому указанию Феофана. В статье впервые вводятся в научный оборот критические маргиналии архим. Маркелла к цитатам, выбранным им из различных книг петровского времени, главным образом, из «Феатрона» В. Стратемана в переводе Гавриила Бужинского, а также из «Книги о блаженствах», «Духовного Регламента» Феофана Прокоповича и др. Критика Радышевским книг, зараженных лютеранской и кальвинской ересью, послужила началом возникновения духовной цензуры в России. В статье впервые устанавливается связь между критическими замечаниями Радышевского и последовавшими запретами части критикуемых изданий в правительственных указах. В приложении к статье впервые публикуются возражения Радышевского к тексту книги «Феатрон, или позор исторический» и к другим изданиям петровского времени.

Ключевые слова: Маркелл Радышевский, Феофан Прокопович, типография Александро-Невского монастыря, критика изданий 1722–1725 гг., «Феатрон или позор исторический», духовная и политическая цензура, лютеранская ересь.

Информация об авторе: Крашенинникова Ольга Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: krasheninnikova.61@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 01.05.2019

Дата публикации статьи: 27.07.2019

Для цитирования: Крашенинникова О. А. «Индекс отреченных книг» архимандрита Маркелла Радышевского (к истории духовной цензуры в России) // Два века русской классики. 2019. №1. С. 8–33.
DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-8-33

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Olga A. Krashennnikova
Moscow, Russia

“Index of Forbidden Books” by Markell Radyshevsky, Archimandrite (On the History of Spiritual Censorship in Russia)

Article is executed within work on the project “The literary heritage by M. Radyshevsky: researches and texts” No. 17-04-50044 with financial support of the RFBR

Abstract: The article highlights a little known side of the social activities of the prominent spiritual writer Archimandrite Markell Radyshevsky, the most prominent representative of the oppositional and conservative line of the Russian clergy of the eighteenth century. In 1727–1728, being among the brethren of the St. Petersburg Alexander Nevsky monastery, Radyshevsky made consistent criticism of non-Orthodox publications that appeared from 1722 to 1725 in the printing house of Alexander Nevsky monastery by direct order of Theophan Prokopovich. For the first time the critical marginalia of Archimandrite Markell to quotations selected from various books of Peter’s time, mostly from “Theatron” by W. Stratemann translated into Russian by Gavriil Buzhinsky, and also from the “Book of blessings” and “Spiritual Regulations” by Theofan Prokopovich and others are introduced into scientific circulation. Radyshevsky’s criticism of books infected with Lutheran and Calvin heresy marked the emergence of spiritual censorship in Russia. The article for the first time establishes a connection between the critical remarks of Radyshevsky and the subsequent prohibitions of some publications in government decrees. In the supplement to the article Radyshevsky’s objections to the text of the book “Theatron, or Historical Theatre” and other books of Peter’s time preserved in the materials of his investigation file are published for the first time.

Keywords: Markell Radyshevsky, Theophan Prokopovich, the printing house of Aleksandro-Nevsky monastery, criticism of the publications of 1722–1725, “Theatron, or Historical Theatre”, spiritual and political censorship, the Lutheran heresy.

Information about the author: Olga A. Krashennnikova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: krashennnikova.61@mail.ru

Received: May 1, 2019

Published: July 27, 2019

For citation: Krashennnikova O.A. “Index of Forbidden Books” by Markell Radyshevsky, Archimandrite (On the History of Spiritual Censorship in Russia).

Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, no 1, pp. 8–33. (In Russ.)

DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-8-33

Краткий период конца 1720-х — начала 1730-х гг., пришедший на смену эпохе петровских реформ, был периодом обострения идейно-богословской полемики в образованных кругах русского общества. В эти годы более уверенно зазвучали голоса сторонников реставрации допетровских норм церковной жизни, мечтавших о возвращении патриаршества, громче стала их критика спорных воззрений церковных реформаторов. Верховный тайный совет в период междоусобия, под влиянием нового состава Священного Синода, отменял многие указы и нововведения Петра I, вызвавшие неприятие в церковной среде.

Наиболее отчетливо основной конфликт эпохи проявился в идейном противостоянии и многолетней вражде двух ключевых фигур эпохи, ее идеологов — Феофана Прокоповича и Маркелла Радышевского, возглавивших два крыла русской церкви: реформаторское и консервативное.

Так 11 декабря 1727 г. последовал второй раунд полемики архимандрита Маркелла Радышевского с архиепископом Новгородским Феофаном Прокоповичем. Первый этап полемики начался 5 июля 1726 г. с того, что Радышевский, находясь под следствием в Преображенской канцелярии, подал И. Ф. Ромодановскому 49 пунктов о «противностях» Феофана православной церкви. Обвинения Радышевского касались исключительно личных воззрений архиепископа Феофана, граничивших с ересью. В ходе полемики Феофан был вынужден по требованию императрицы Екатерины I отвечать на поданные Радышевским пункты. Несмотря на суровый вердикт императрицы от 8 декабря 1726 г., по которому Радышевский якобы напрасно оклеветал Феофана и его следовало «за его сумнительные продерзкие слова держать в Санкт-Петербургской крепости... под крепким караулом до Указа», уже 26 июня 1727 г. был издан указ Верховного тайного совета об освобождении Радышевского из-под стражи и зачислении его в число братии Невского монастыря.

Оказавшись с 1 августа 1727 г. в числе насельников Александро-Невского монастыря, Радышевский не торопился примириться с Феофаном. Однако теперь направление его критики изменилось, и он обратил свое полемическое перо не на личность самого Феофана, но на спорные, еретические, с точки зрения Радышевского, издания, выходившие с 1722 г. в типографии Александро-Невского монастыря по прямому указанию Феофана.

Возможным побудительным мотивом для критики этих книг стал указ Верховного тайного совета от 4 октября 1727 г. о закрытии Невской типографии и переводе ее в Москву для печатания церковных книг под надзором Синода. Правительственные указы впредь предписывалось печатать в Петербурге при Сенате, исторические и переводные книги — при Академии, а церковные издания — как и раньше, в Москве. В указе указывалась и причина закрытия типографии — допущенные там «погрешения и противности Закону и Церкви», которые следовало исправлять в московской типографии: «и печатать только одне церковныя книги, как издревле бывало, в одном месте на Москве под ведением Синодским, и чтоб никаких в печатании тех книг погрешений и противности, как Закону, так и Церкви быть не могло, того Синоду по должности своего звания смотреть прилежно» [*Полное собрание законов*. Т. VII: 873–874, № 5175]. Таким образом, конец 1720-х гг. мы можем считать началом возникновения духовной цензуры в России. Если ранее большинство выпускаемых книг получало единоличную апробацию и одобрение самого Петра I или Феофана, то теперь подобные книги должны были быть рассмотрены Синодом.

Однако издания, выпущенные в петровскую эпоху, в условиях изменившейся общественной ситуации зачастую могли пересматриваться и по политическим мотивам. Примером этого являлась критика Радышевского составленной префектом Славяно-греко-латинской академии Гавриилом Бужинским и напечатанной в 1725 г. в Александро-Невской типографии «Службы благодарственной на воспоминание заключенного мира между империею Российскою и короною Свейскою». В новосоставленной службе в стихирах, которые помещались на литии, Радышевским было отмечено «великое поношение высокой чести блаженный памяти Государя царевича Алексея Петровича» в следующих словах: «Сердце Авесоломле дела отеческие вся возненавидевшее и самому ему отцу своему смерти желающее». В шестой же песне

канона было напечатано: «Боже, яко же избавил еси раба Твоего Петра от кровопролития сыновня» [*Дело об архимандрите Маркеле Родышевском*. Ч. 9: 465 об. 466]. В тексте этой службы, а также в Синодском указе 1726 г. о подметных письмах царевич иносказательно назывался Авессаломом, т. е. заговорщиком, восставшим против своего отца (2 Царств, 18) (Алексей Петрович, как известно, ранее был обвинен в политическом заговоре против Петра I). Понятно, что в период подготовки венчания на царство сына Алексея Петровича Петра II уничижительные выражения в адрес его отца были недопустимы. После соответствующего доношения Радышевского экземпляры службы на умирение России со Швецией были изъяты Синодом (см. свидетельство об этом в нашей публикации ниже). Критике подверглось также сочинение Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей», в котором обосновывалось право монарха назначать себе преемника и отменять по собственной воле принцип наследования царской власти по мужской линии. Так, Радышевский отмечал, что в книге Прокоповича «показывается в некоторых местах противность наследствия Его Императорского Величества» [*Дело об архимандрите Маркеле Родышевском*. Ч. 9: 466]. Указом Верховного тайного совета от 26 июля 1727 г. книга Прокоповича «Правда воли монаршей» была запрещена.

Через два месяца после выхода указа об упразднении Александр-Невской типографии, 11 декабря 1727¹ г. Радышевский написал доношение в Верховный тайный совет о еретических книгах, издававшихся в типографии Невского монастыря с 1722 г. В доношении говорилось следующее:

«Понеже вера есть общее и собственное всякаго человека добро, и буде кто дерзнет веру вничтожать и испровергать, того ради всяк должен, аки за свое истое добро вступит(ь)ся и оборонять оное и поборствовать по оном добре, не бояся ни изгнания, ни смерти, и самой лютейшой, яко же о том в Святом Писании имеем собственные повеления и законы Божия.

Обретаются в нас в России книги новоизданнии в разных годах, начен от 1722-го году даже доселе печатни, а именно: о блаженствах Христовых кривотолковии, о обливании, Букварь с десятословием и протчии печатни поучения. А чии таковии книги суть, и коего издателя и творца, того не положено имени. Да дерзнено там же превысочайшим высокославныя

¹ По другим сведениям — 19 декабря 1727 г.

памяти и вечныя достойнаго императора Петра великаго ствердить онии свои книжицы указом, и таковым своим подлогом имя его опорочить // (л. 437 об.) преславное. А в тых книжицах прямых много есть лютеранских и калвинских учений, и от вселенских патриархов онии книжицы, ниже от всероссийских архиереев и учителей православных не засвидетельствованы. И таковым книгам велено указом обучатися и в церквах их велено читать и ставленником наизусть изучатися и протчим школьником, где ни будь школы, си есть в России по епархиям и монастырям. А сим учением многии могут калвинскою и лютерскою повредитися ересью и от церкви святой отпасти. И таков грех превеликий падет не токмо на властелинах, о том ведущих, но небрегущих о общем сем и совершенном всех добре, но и на тых падет же, котории ведают подлинно разорение общаго добра, еже есть веры святой, та не доносят, ни обличают и изъясляют злая учения и злохитрая злоковарных учителей. Я, член сий православной восточной веры и участник тогожде добра, от чтения уведав и познав великую быти в тых вышеозначенных книгах калвинскую и лютерскую ересь и убоявся страшнаго суда Божия и прещения Господня сего — раб, ведый волю Господина своего, но не творяй ю (аки бы рек ведый о ересях, но не избличаяй оных), биен будет много, да не убо и я, о сем уведавый, истязан буду много. Того ради возражение краткое на онии книжицы написав, Верховному Тайному Совету по должности моей, понеже и я участник православия и член общаго онаго добра, еже есть веры (чтоб мне не сказано: что тебе до того дела), совестно извещаю и доношу с возражением, да благоволит милостивно приказать оные книги вси, котории показаны выше, собрать и, повелев собору, собранному в России от пастырей и учителей прямых и истинных, засвидетельствовать, и потом, по засвидетельствовании, и книги онии от церкви отринуть и того, кто писать и вносить в церковь таковии соблазны дерзнул, соборне от общества церковнаго отлучить, дабы церковь учителями таковыми и учениями не повреждалася» [*Дело об архимандрите Маркелле Радышевском*. Ч. 9: 438-439, см. также *Чистович, 1868: 231–232*]¹.

В процитированном доношении Радышевского перечислялись прежде всего книги, напечатанные в Александро-Невской типографии, автором которых был сам Феофан: «Христовы о блаженствах проповеди толкование», СПб., 1722, «Истинное оправдание православных

¹ Через год точно такое же доношение Радышевский адресует императору Петру II.

христиан, крещением поливательным во Христа крещаемых», СПб., 1724, «Первое учение отроком» СПб., 1722. Автор доношения предлагал собрать особый архиерейский собор для рассмотрения и освидетельствования книг. Документ метил прежде всего в Прокоповича, которого Радышевский предлагал как еретика отлучить от церковного общения. Для этого в тот момент сложились благоприятные политические условия. Двор готовился к венчанию Петра II на царство, и в это время особенно усилилось влияние старомосковской партии — партии сторонников ранее опальной Евдокии Лопухиной (бабки Петра II), недавно вновь объявившей себя царицей. Как считал Прокопович, смелость критики Радышевского объяснялась покровительством, оказываемым ему архиепископом Ростовским Георгием Дашковым, вице-президентом Синода, который возглавлял партию консерваторов, недовольных церковной политикой Феофана, и заправлял в эти годы всеми делами Синода. Георгий Дашков был близок к царице Евдокии, пользовался поддержкой Верховного тайного совета и практически подчинил совет своему влиянию. Хорошо известно, что архиепископ Георгий Дашков в то время реально претендовал на сан патриарха в случае восстановления института патриаршества. Радышевский же казался Феофану простым орудием в руках Дашкова.

Сопоставляя хранящиеся в следственном деле Радышевского протоколы его допросов разных лет, приходим к выводу, что список упоминавшихся им еретических книг с годами расширялся. Так, Радышевским в разное время квалифицировались как еретические такие сочинения Феофана, как «Книжица, в ней же повесть о распре Павла и Варнавы с иудействующими и трудность слова Петра апостола о неудобносом законном иге пространно предлагается» (впервые была напечатана Н. Новиковым: М., Унив. тип. у Н. Новикова, 1784); «О браках правоверных с иноверными», СПб., 1721; «Розыск исторический, коих ради вин и в яковом разуме были и нарицались императоры римстии как язычестии, так и христианстии, понтифексами или архиереами многобожного закона», СПб., 1721; «Духовный регламент», М., 1722 и др.

Кроме того, критике Радышевского подверглись сочинения Гавриила Бужинского «Последование исповедания», М. Синод. Тип., 1723; упоминавшаяся уже «Служба благодарственная на воспоминание заключенного мира между империею Российскою и короною Свейскою»,

СПб., 1725, а также его переводы с латинского языка книг: Стратеман В. «Феатрон, или Позор исторический», СПб., 1724 и Пуффендорф С. «Введение. В Гисторию Европейскую», СПб., 1718, СПб., 1723. При переводе текста последней книги переводчик — Гавриил Бужинский — присоединил к оригинальному сочинению Пуффендорфа его продолжение — главу 11, «О России, или Обще о Московии», написанную не Пуффендорфом, но добавленную к основному тексту немцем И. Д. Эленшлегером (с. 404-411). В этой главе Эленшлегер не только пренебрежительно высказывался в отношении брата Петра I, царя Иоанна Алексеевича («болший его брат Иоанн, неудобства ради телеснаго и умнаго к царствованию неугоден был» — [Пуффендорф: 406]), но и уничижительно отзывался о российском народе в целом: «Зазорны и неверодержателны суть, свирепы и кровежаждущие человецы, в вещех благополучных безчинно и нестерпимую гордостию возносятся <...>, ко прибыле и лихве, хитростно собираемой, никий же народ паче удобен есть. Рабский народ рабско смирятися и жестокостию власти воздержатися в повиновении любят...» [Пуффендорф: 407]. Не удивительно, что в царствование Анны Иоанновны первое русское издание книги Пуффендорфа оказалось под запретом. В 1731 г. императрица Анна приказала изъять петровские издания «Введения в историю» «для надлежащаго во оных исправления», а 25 июля 1738 г. вновь повелела отбирать отдельные экземпляры первого издания книги у частных лиц [Пекарский: 326–327, 438].

Помимо политических мотивов запрета тех или иных книг петровского времени, многие из этих изданий подверглись критике с точки зрения чистоты православного вероучения. Главным поводом для критики книг 1720-х гг. стали рассыпанные на их страницах многочисленные высказывания лютеранского толка. Особенно много недопустимых еретических и кощунственных высказываний было отмечено в русском переводе книги немецкого протестантского богослова и историка Вильгельма Стратемана (1629–1684) «Феатрон, или Позор исторический» («Theatrum historicum», 1656), выполненном в 1720 г. с латинского языка префектом Славяно-греко-латинской академии Гавриилом Бужинским и напечатанным в 1724 г. в типографии Александро-Невского монастыря. В книге восхвалялась реформаторская деятельность Лютера и резко критиковалось папство. Строгий ревнитель православного благочестия, каковым являлся архимандрит Маркелл

Радышевский, увидел в этой книге недопустимый пиетет перед фигурой Лютера и других протестантских учителей, неуместное цитирование кощунственных высказываний западных богословов в отношении Божией Матери и христианских святых, одобрение многих сторон лютеранского вероучения: отрицания иконопочитания, православной обрядности, монашества, поклонения святым. Помимо «Феатрона», богословской критике Радышевского подверглось также неправославное учение Феофана Прокоповича о спасении, об оправдании человека одной верой, искаженное толкование евангельских блаженств, которое тот изложил в своем трактате «Христовы о блаженствах проповеди толкование» (СПб., Тип.Александро-Невского монастыря, 1722 г.).

В своем доношении в Верховный тайный совет 19 декабря 1727 г. Радышевский упоминал, что написал краткое возражение на новоизданные книги. В материалах Следственного дела архим. Маркелла нам встретилось небольшое сочинение Радышевского, которое, возможно, и является тем самым возражением на еретические издания последних лет, составленным им в 1727 г., а также и в 1728¹ гг. Сочинение представляет собой критические маргиналии к цитатам, выбранным из различных книг, главным образом, из «Феатрона», а также из «Книги о блаженствах», «Духовного Регламента» и др. Отобранные Маркеллом отдельные, наиболее яркие цитаты со всей очевидностью демонстрируют неправославный характер указанных сочинений. Интересно отметить, что в качестве аргументов для своего опровержения Маркелл широко использует богословское наследие своих предшественников: цитирует «Православное исповедание» митр. Петра Могилы, «Камень веры» митр. Стефана Яворского. Впоследствии, в период пребывания Радышевского в Симоновом монастыре весной-летом 1730 г., на основе этих первоначальных кратких маргиналий были созданы обширные богословско-публицистические трактаты, посвященные подробной критике «Духовного Регламента» и петровского Указа о монашестве 1724 г. В материалах следственного дела Радышевского упоминалась также некая «тетрадь», содержащая опровержение на «Книгу о блаженствах» Феофана Прокоповича, но текст этого сочинения, к сожалению, до нас не дошел.

¹ В последней части заметок Радышевского имеются ссылки на страницы печатного издания «Камня веры» митр. Стефана Яворского, которое вышло в свет в октябре 1728 г. Значит, эта часть замечаний могла быть составлена Радышевским не ранее ноября-декабря 1728 г.

Читая возражения, составленные непримиримым идейным противником Прокоповича и Бужинского, приходишь к мысли о том, что какими бы личными или политическими мотивами не руководствовался Радышевский, ведя свою игру против Феофана, выбранные им цитаты со всей очевидностью свидетельствовали о лютеранской направленности обсуждаемых книг, а лаконичные и точные комментарии их оппонента полностью подтверждали обоснованность и правомерность православной критики указанных сочинений.

Критика Радышевским изданий петровского времени не осталась незамеченной властями. В 1731 г., как мы уже упоминали, императрицей Анной Иоанновной была запрещена книга Пуфендорфа, а позднее, при императрице Елизавете Петровне высочайшим указом 23 мая 1749 г. был изъят из обращения «Феатрон». Причиной запрета последнего из изданий послужило то, что в нем содержались похвалы Лютеру и выражалось пристрастие к идеям протестантизма, а также помещались «бранные лютеранские нападки» не только на католичество, но и на творения отцов восточной церкви. Особенное негодование вызвало кощунственное выражение в адрес Божией Матери, помещенное на 382 л. издания (на это место первый указал Радышевский в своей критике). Конфискованные экземпляры «Феатрона» были отосланы в Александро-Невский монастырь.

Представляется, что публикация критических замечаний Маркелла Радышевского на издания петровского времени будет полезна как наглядная иллюстрация к истории религиозно-богословской полемики конца 1720-х — начала 1730-х гг. — времени пересмотра протестантско-реформаторского литературного наследия петровской эпохи и зарождения собственно духовной цензуры в России.

Приложение

РГАДА. Ф. VII. Оп. I. № 221. Ч. VII (1). Лл. 27–37¹.

И оной Маркело Радышевской показал тако.

В книгах печатных во время синодского ведомства многие проти-
во(с)ти право(с)лавной цр҃кви обретаются, а каковые, о том значит

¹ При воспроизведении текста рукописи в круглые скобки заключаются выносные надстрочные буквы, в угловые — восстановленные публикатором буквы, а также утраченные фрагменты текста (отточиями <...>); имена собственные передаются в соответствии с нормами современной орфографии.

ниже сего под нумерами, которые назначены для скорого прии(с)ка-
ния в означенных книгах, [и колико до окончания противную речь че-
сти, толико и нумер мерностию показан].

В книге Феатроне¹ печатной
црковною печат<ь>ю

На оные книги возражение право(с)
лавной церкви

№ 2

В предо(с)ловии показана похвала ве-
ликая оно(й) книге, тако увидит всяк в сем
Феатроне всяя жизни <св>оея состояние
и познает путь к вечному веселию, имже
даждь, превышний владыко, нам шество-
вати и прочая.

Из еретических книг [какова есть
Феатрон] не токмо кто из правоверных
может увидети жизни своя со(с)тояние,
но много паче получит по(в)ре(ж)дение
душевное, а оная кнѣга еретическая, и о та-
ковых кнѣга(х) возбранила свѣтая цркъв не
токмо оных печати, но ни(же) че(с)ти их,
о чем показано имен(н)о в книге право(с)
лавного исповедания на (с)транице 72².

№ 105

Бысть и чудо на браце в Кане ме(н)
шия Галилеи [на нем же пове(с)туетца
от нецѣи(х)], яко Иоанн апо(с)тол жених
бысть, невеста (же) Мария Магдалина. //
(л. 27 об.)

Святая право(с)лавная црковъ Иоан-
на Бѣослова девствин(н)иком истин(н)ым
признавает. Мария (же) Магдалина Хр(с)
том Г(с)дом избавлена бе бесов, и как бы
оная по таком великом чудеси могла за
мужа посягнути, ибо црковъ оную Марию
про(с)лавляе(т) ра(в)ноапо(с)толною,
но сие у люторо(в) внесено того ради,
что(б) никто чи(с)тоты де(в)ства своего
[показано во апокалипсисе] не хранил. //
(л. 27 об.)

¹ Стратеман В. Феатрон, или Позор исторический, изъявляющий по-
всюдную историю Священного писания и гражданскую чрез десять ис-
ходов и веки всех царей, императоров, пап римских и мужей славных и
прочая.../ Пер. с лаг. Гавриил (Бужинский). СПб.: Тип. Александро-Не-
вского монастыря, авг. 1724. 478 лл. (Stratemann W. Theatrum historicum
exhibens Memoriae juvandae causa, per decem Exitus et per secula, omnes
Reges, Imperatores, Pontifices Romanos...Ienae: Saher, 1656).

² Святитель Петр Могила, митр. Киевский. Православное исповедание
Кафолической и Апостольской Церкви Восточной. Радышевский мог
пользоваться одним из четырех изданий книги: Православное исповеда-
ние веры соборная. М.: Печатный двор, март 1696; М.: Синод. Тип., янв.
1709; СПб.: Синод. Тип., июнь 1717; СПб., Синод. Тип., июль 1722.

№ 124

Вторая ча(с)ть содержит архиепископов, аще и не весьма злых, но обаче преданий человеческих изо(б)ретателей и а(н)тихри(с)товых пре(д)течей тридеся(т) четьре от Селиве(р)ста даже до Вонифатия тре(т)чьяго¹.

№ 127 на обороте

О(т)метали тако(ж)де Бжество Хри(с)тово и от Девы роже(с)тво, сказующе его ис плотского совокупления Осифа с Мариею рожденного, вышняго пророков, но простаго члв́ка.

№ 141

Ибо Хр(с)тос не Бог, но про(с)ты члв́к бысть, о(т) семени члв́ческа рожден, иже протчих члв́ков токмо правдою превзыде.

№ 144

Учаше, елико быти лице в Бжестве, еже овогда О(т)ц, овогда Сн̄, овогда Дх̄ Св̄тый нарицается, о(т)сюду учаху // (л. 28), яко сам О(т)ц сни(де) во утробу Дв̄ы, сам о(т) нея родися, сам пострада и са(м) есть Хр̄(с)тос.

№ 160 на обороте

Ное(т) (?) в Смирне во Асии рожден, Праксия ересь⁵ обновил, едино токмо лице различными именами наречен(н)ое сказыва(л) быти того(ж)де О(т)ца, Сн̄а и Дх̄а Святаго, во плоти рожденного и страдавшего учи(л).

Нарицает Феатро(н) святаго Се(л)вистра папу ри(м)ского², Григория Велико-го³, Льва, папу римского⁴ и протчих св̄тых явно пре(д)течами а(н)тихристовы(ми) и преданий человеческих изобретате(л)ми [еже есть все(л)е(н)ских соборо(в) правых узаконителей], и сия убо хула не токмо на оные, но и на все(х) о(т)цев, бывших при вселенских соборах, в чем простому народу немалой соблазн.

Хотя сие и еретики говорили, но таких скве(р)ных <речей> печатать не над<...>, а паче что оные печатаны <...> цр̄ко(в)ною печат<ь>ю, в чем немало(й) со(б)лаз(н) про(с)тому народу.

На сию хулу во(з)ражение вышпи-сан(н)ое довлеет.

Сия суцая на Бг̄а хула и ере(с), понеже всю Св̄тую Троицу в лицах разрушает, того ради многих неискусных христиа(н), паче же простых // (л. 28) и догматов цр̄ковных не ведущих в сумните(л)ство и в соблазн и в ереси великии вводити может.

Довлеет на сию хулу и ере(с) в вышпи-сан(н)ые возраженияи.

¹ Вонифаций III, папа Римский с 19 февраля по 12 ноября 607 г.

² Сильвестр, папа Римский — епископ Рима в 314–335 гг., христианский святой, почитаемый в лике святителей.

³ Святитель Григорий Великий, папа Римский (Двоеслов), епископ Рима в 590–604 гг., христианский святой, великий латинский отец церкви.

⁴ Лев, папа Римский — епископ Рима в 440–461 гг., христианский святой, великий латинский отец церкви.

⁵ Праксий — вымышленный персонаж богословского трактата раннехристианского теолога К.С.Ф. Тертуллиана (155/165–220/240) «Против

№ 181

Се евился (?) члѣк про(с)толюди(м) и свидетелствующу Иерониму¹, едва начала пи(с)ме(н) видети могл, утверждаше учением своим скве(р)ным, яко преч(с)тая Дѣво Мария по рождестве Хр(с)товом со Иосифом пло(т)ски смесися и многих сынов породила.

№ 183

И сия 4 соборы, еже есть Ко(н)стантинопо(л)ский, 2 на едино во оцов в лето 548е, Ко(н)ста(н)тинополский 3, на оста(н)ки Евтихианския ереси лето 681, Никейский второй на иконоборцо(в)// (л. 28 об.), бывши лета 787 и собор 4 Ко(н)ста(н)тинополский, бывши лета 870², творими быху уже о(т) цркви недугующия и на ра(з)личныя ча(с)ти разделшиися, иже не о(т) все(х) и не совсем приняты суть, ниже равную че(с)ть с первейшими четырьми имети могут.

Никакой ну(ж)ды право(с)ла(в)ная црковь не имеет, чтоб в дополнение прежних це(р)ков(в)ных обрядов взаимодействовать из еретических кнѣг, а паче таких ужасных, порицательных слов на Матерь Бжюю вносить, в чем простому народу превеликой есть соблазн, ибо <к>оторые книги црковно<й> печатью печатаю(т)ца, то оныя вменяютца за правильные церковные.

Сия на церковь святую явная // (л. 28 об.) хула и простому народу соблазн.

Праксея». Учение Тертуллиана о Боге и Христе построено им в ответ на идеи некоего еретика Праксия. Предполагают, что имя было выдуманно богословом, поскольку означает «мошенник». Праксий ошибочно признавал «монархию» (самодержавие) Бога: Бог един, и поэтому Отец, Сын и Дух — «одно и то же».

¹ Иероним Стридонский (Блаженный Иероним) (342–419/420) — церковный писатель, создатель канонического латинского текста Библии. Почитается как святитель и один из учителей Церкви.

² Второй Константинопольский собор (Пятый Вселенский) был созван в 553 г. в Константинополе, он подтвердил осуждение ереси Нестория и осудил ересь Евтихия. Третий Константинопольский собор (Шестой Вселенский) был созван в Константинополе в 680–681 гг. и осудил ересь монофелитов; Никейский второй (Седьмой Вселенский) был собран в 787 г. в Никее против иконоборчества; Четвертый Константинопольский собор (869–870) признается Западной церковью как VIII Вселенский, на нем был низложен патриарх Фотий; восточные же церкви признают 4-м Константинопольским собором собор, созданный в 879 г. и восстановивший общение между Восточной и Западной церквями.

№ 208

Многии грече(с)тии о(т)цы с Златау-
стым в то(м) погрешении [еже есть в ере-
си попе(л)лаги(н)ства] пре(ж)д<е> воста-
ния Пелагия¹ быти разуметися.

№ 223

Но му(ж) сей свѣтый [сие о святом Гри-
гории Двоеслове³] егда и(з)лиш(ш)е веро-
ятный бы(с)ть ра(з)личны(м) погрешени-
ям дверь о(т)верзе и прочая.

№ 250

Мн(с)три нѣшнии суть не потребных
<нрзб.> // тяже(с)те(и) жилища, вертепы
поги(б)ши(х) человеко(в), ленивых чрев,
иже ниже Бг҃у, ниже члѣво(м) работати
могут и по(д) прикровением благоче(с)
тия в пра(з)но(с)ти и лени(в)стве пребы-
вают.

Свѣтая восточная цр҃ковь и соборы ея
Иоанна Златаустаго² и про(т)чих свѣтых
о(т)цев греческих истин(н)ы(ми) право(с)
лавными исповедуе(т), а ереси никакой не
по(д)лежащих, у люторо(в) же сие введено
того ради, что(б) православной <на>ро(д)
о(б) оных свѣтых о(т)цах сомнителен был.

Погрешениям ра(з)личны(м) дверь
о(т)верзати не святых мужей, но ерети-
ко(в) есть путь. Како же убо сей Григо-
рий, исповедуемый о(т) самы(х) против-
нико(в) и свѣт и греше(н) показа(н), а он
непогрешите(л)но вся книги написал, ко-
торые собо(р)не свѣтая цр҃ковь приняла и
хулнико(в) все(х) проклятию предала, сие
же у люторов склонению к № 208-му.

Монаше(с)тво со(б)ствен(н)ым бла-
говолением Бж҃иим и промыслом о цр҃кви
своей свѣтой и спасении болшем ея изо(б)
ретено // (л. 29), о чем многие цр҃квные
книги изъясляют(т), и на соборе(х) все(х)
вспоминается, что епископо(м) быти
о(т) монашества, и аще бы о(т)ринути
монаше(с)тво, то кто може(т) епископом
быти? Сие же Лютор⁴ написал, ненави-
дя монашества, поне(ж)е о(н) был монахом,
а потом оное о(т) себя о(т)вергнул, и егда
бы о(з)наченными поношениями мона-
ше(с)тво всем ненавиждимо было, о(т) чего
и право(с)славным монахом может со-
блазн произыти.

¹ Пелагий (ок. 360 — после 431) — знаменитый ересиарх IV в., утверждавший идею свободы воли человека и отрицавший учение о Божественной благодати и первородном грехе. Учение Пелагия получило название пелагианства. Во второй пол. XVI в. возник термин «полупелагианство», закрепленный за учением преп. Иоанна Кассиана Римлянина (ок. 366 — ок. 435), который занимал промежуточную позицию между Пелагием и блж. Августином по вопросу о свободе воле человека и Божественной благодати.

² Иоанн Златоуст (ок. 347–407) — патриарх Константинопольский, христ. святой, один из трех Вселенских святителей и учителей Церкви.

³ См. прим. 7.

⁴ Мартин Лютер (1483–1546) — христианский протестантский богослов, глава Реформации в Германии, основоположник лютеранства.

№ 251

Якоже иконоборцы древни во(с)точнии во умалении излишнем, яко и иконопоклон(н)ики западни погреша в во(з)величении излишнем и иконам бже(с)твен(н)ую честь во(з)даша и не токмо ло(б)занием, но и жертвами, купно и каждения(ми) почтоша, пред ними на земли про(с)тираютца, свечи вжигают, мелкоткан(н)ыми материями и багряницею, перстнями и перлами, цветами и ве(н)цами украшают и прочая.

№ 252

Уставлено на нем, се же есть на соборе Ко(н)стантинском о(т) собра(в)ши(х)ся, яко ходатайство свѣтых есть единая прямая ба(с)нь, и почитание моще(й) и ико(н) во Свято(м) Писании ни единого имее(т) основания.// (л. 29 об.)

№ 281

Аще новых ересей век десятой и не произведе, обаче забабонство [иже есть суеврие] и зело умножися, о(т) них же суть литургии еди(н)ствен(н)ыя [еже есть о(т) священников то(к)мо, кроме причастников инных мирских совершаемья], иже число и честь чрез небрежение епископо(в), лакомство же священников и зело возрасте.

№ 290

Сей видя образ дебелый оный прису(д)ствия Хр(ѣ)това в святом причастии, его (же) папешники пресущество нарицают, яко ниже словесы узаконения, ниже с правым разсуждением может состоятися и прочая.

Право(с)лавная црковь ико(н) не бгговторит, но че(с)ть во(з)дае(т), во(с)помяная первоо(б)разного [о че(м) в кйге Каме(нь) веры¹ про(с)тран(н)о показано]. Означен(н)ое же поношение у люторов внесено для о(т)ринования свѣтых икон, о(т) чего и ис право(с)лавных про(с)тому наро(ду) может собла(з)н произойти.

О(т)вет показан против № 251.

(л. 29 об.)

На сей нумер вышепоказанной же о(т) вет.

Не токмо римляне, но и наша вся восточная право(с)лавная црковь пресущество, еже есть премеменение хлеба и вина в тело и кровь Г(ѣ)дню, приемлет и учит, что та(к) вои(с)тинну есть и не дебелое [еже есть грубое и невеже(с)твен(н)ое или глупое сие учение есть], но самое прямое, соборами вселенскими утвержден(н)ое, чего было переводчику и вносить при перево(де) не надлежало для охранения о(т) соблазна.

¹ «Камень веры Православно-Кафолической Восточной Церкви» — богословско-полемический трактат митр. Стефана Яворского (1658-1722), направленный против лютеранского вероучения. Первое издание, на страницы которого ссылается Радышевский, вышло в 1728 г. (М.: Синод. Тип., окт. 1728).

№ 294

Первый в цркви века 4 (г) быти глаголется Феодорит¹, иже егда // (л. 30) еще бысть несториани(н), Духа Святаго о(т) самого О(т)ца исходити глагола(л). Но сие Феодорита погрешение сокровенно быти и прочая. [и ниже сего напечатано на том же нумере при конце]: при сем нѣе к сему су(т) принуждению Греки, яко Дѣа Свѣтаго о(т) О(т)ца чрез Сѣа происходит соизволяют.

Феодорит не погрешил, что Дѣа Святаго о(т) самого// (л. 30) О(т)ца исходити говорил, сам бо Спа(с) глаголет во И<о>анне в главе 15: Дѣ истин(н)ый, иже о(т) О(т)ца исходит², тако же и вси учителя святии тако исповедают.

№ 333 и 334

Свидетели истин(н)ии.

Виклефиты.

Иоанн Виклеф³ [и прочая] во многих право разумел, но обидою времен [сие есть напрасно] между еретики почтен есть, который иконы и (?) святых почитание, пресуществление воды и вайи по(с)вящения, мандика(н)ския законы [сие есть монахов], клириков, собствен(н)о живущих [еже есть неженатыи], исповедь // (л. 30 об.) наедине о(т) духовного о(т)ца, цркви и притворы, излишше блистающии, одеждыи святыя, перлами насажденныя, свѣтых помощь или моли(т)вы, часы Каноническия [еже есть 1, 3, 6 и 9 час, вече(р)ню, завтрению], праздников множество и прочия хулил и о(т)вергал.

Аще сей сумо(з)брод Викле(ф) и ученики его за таковое пребе(з)закон(н)ое учение о(т) Феотрона праворазумными показаны, то воистинну// (л. 30 об.) оная книга вся душепагубная и достойная всескорого истребления.

№ 368

Мартын Лютер свет и ооздравшее богословий писания Лютерова прилежно да чтутся, ибо на единой стране ха(р)тии твердого и богословскаго учения часто боліе обретается, нежели во многих отеч(с)ких писаниях.

Оними и подо(б)ными похвалами книги Феотрон Лютера злочестиваго хи(т)ро церкви святе(и) во(с)хваляет, дабы его не хулила, но во учителя б приняла и его бы учение все правильное и и(с)тин(н)ое быти при(з)нала и чтущих бы оную книгу к его бы учению во всем склонились.

¹ Феодорит Кирский (386–457) — христианский богослов, представитель антиохийской школы богословия, защитник несторианства. Некоторые написанные им до Халкидонского собора несторианские сочинения были осуждены Пятым Вселенским собором как еретические.

² Ин. 15:26.

³ Джон Уиклиф (1320/24–1384) — английский богослов, профессор Оксфордского университета, реформатор и предшественник протестантизма, основатель учения виклифитов.

№ 380

Богодухновенный Лютор// (л. 31) учитель бого(с)ловии глаголе(т)ся, иже нам путь истин(н)ого благочестия и свободы хри(с)тианские о(т)верзл и прочая.

На сие //(л. 31) означен(н)ой (же) о(т) вет.

№ 382

Между иными учил [сей есть епископ могути(н)ский Алберт¹⁸], яко аще бы кто по невозможности и Матерь БЖ<ию> насильство<нрзб.> обаче и <утрата текста>

Горе, им же соблазн вводити в мир [по (с)ловеси Спасову] и лутше бо жерно(в) камень обесити на выю и ввергнутися в море писателю и переводчику таковых скверных ху(л) и словес мерских на Пресвятую Двѹ Б(д)цу, нежели соблазнять народ право(с)лавный сицевыми скве(р)ными в мир изданными <...ху>лами.

№ 3...<утрата текста>

Доктор Мартин Лютор превеликий оный бѣслов, свѣщенный бѣсловии ви(т)теберско(й) академии учитель пу(б)личный [и прочия]// (л. 31 об.) [и ниже сего] сия бяху блаженного Лютера послед(д)няя словеса.

На сие показан// (л. 31 об.) о(т)вет выше № 368.

№ 422

Хула на все бѣжество Троицы Святой лета Хр(с)това 1611 Конрат Фо(р)стий¹⁹[и прочия] защищал догматы свои о естестве Бѣжи, яко оное в себе не(с)тъ бесконечное, но токмо по ра(з)смотрению нашему паки, яко всякая ипоста(с) [еже есть в лице] в Бѣестве сво(и)ственное суще(с)тво имее(т), яко Бѣ в себе несть вечныи, ниже бе(з)страстный.

Перевотчик оной книги за такие великие хулы на Бѣа, аще бы жив был, то истин(н)е достоин бы бы(л) смерти, ибо са(м) Бѣ хулителей имени своего повелевае(т) смерти предавати, понеже хотя и противные оное в то(и) книге написали не для собла(з)на народного, не должно бы ему сего в тою книгу вносить.

Да и вся <...> Феатрон страшных, <...>ведимых и премноги<...> <ис>полнена есть ересей и со<...> и злых и бѣомерских<...>, еретических, к тому ж <печ>агана без о(т)говорок... и бес показания яс<...>ших и без воничтожени<я>... лжей, <...утраты текста>, того ради весма и потребна истребити оную достойно о(т) цѣкви свѣтые// (л. 32)

¹ Альберт Буксгевден (1165–1229), рижский епископ в 1199–1229, основатель Риги.

² Конрад Ворсций (1560–1622) — голландский богослов, автор трактата «Tractatus theologicus de Deo, sive de natura et attributis Deu» (Steinfurti, 1610),

(Л. 32)

В книге о (б)лаженствах Христовых¹, печатанной цр̄ковною печатью, которая едва не на все(х) листа(х) всем своим учением склонна к еретичеству, но токмо [краткости ради] главнейшия ереси оной zde показаны.

Во(з)ражение право(с)лавной церкви.

№ 10

Сию до(б)родетель [сие есть нищету дх̄овную] убл̄жая, Г(с̄)дь обещанием своим описуе(т), бл̄женство ея обещает бо ей цр̄ствие нб(с̄)ное, сие (ж) не того ради, аки бы самая таковая дх̄овная нищета достойная собою была цр̄ствия нб(с̄)наго, туне подаст нам БГ бл̄годать свою, и бл̄годати его плоды прощение грехов и жи(з)нь вечную не за цену некую, о(т) на(с) приемлемую, // (л. 32 об.) и не по своему до(л)женству [и столко, а не о(б)разно гл̄голюще о сем], но по щедротам мл(с)ти и мл(с̄)рдию своему.

Первая бл̄годать дается при крещении чл̄вку туне, но оную чл̄вк приняв, творят самовластием своим, з бл̄годатию БЖией совокупившися корысть и приобретение и данную бл̄годать при крещении св̄том умножает трудами свои(ми) или делами добрыми.

Сам Хр(с̄)тос Г(с̄)дь в Матфеи в главе 25 сие учение утверждает преданием иному 5 таланто(в), иному двои(х), иному 1. Два бо первии, приемши талант, умножили оный талант, еже есть бл̄годать БЖию, при крещении данную, а приемши 1 талант, доброго ничего делать и трудиться в купли не восхотел и ничего не умножива(л), за что и того таланта, данное себе при крещении [сие есть при крещении БЖией], лиши(л)ся. И не туне [еже есть не за веру токмо едину во Христа Г(с̄)да бе(з) добрых де(л)] // (л. 32 об.) по крещении дается о(т)пущение грехов и цр̄(с̄)тво нб(с̄)ное, но за веру купно и за добрые дела, о чем вся православная цр̄ковь исповедует. И показано о том в к̄ниге православного исповедания номер 1.

№ 28

Утверждает вышереченное проти(в)ное цр̄кви учение по(с)лание(м) Павла Св̄таго апо(с)тола главами и стихами 3:4 и 11².

И лютеры сими (ж) Па(в)ловы(ми) словами подобное сему учению утверждают.

в котором отрицал всемогущество, вездесущие, всеведение и неизменяемость Бога, а также необходимость благодати и жертвы Христа. Идеи Ворсция были восприняты как еретические даже среди реформатских богословов.

¹ Феофан Прокопович, еп. Новгородский и Нарвский. Христовы о блаженствах проповеди толкование. СПб., Тип. Александро-Невского монастыря, 24 апреля 1722 г.

² Гал. 3: 5-11, Гал. 2:16.

№ 33

Купно жаелает и жа(ж)дет правды, то есть прощения и оставления грехов и, ведая, яко сие подае(т) БГ за кро(вь) и смерть ходатая Христа, верую во Хр(с)та получае(т) правду оную.

Кѣга православного Исповедания в номере Т-м в вопросе Т-м¹ пишет: хотяи члѣк наследити жизнь вечную, до(л)жен хранити веру правую и дела добрая, иже бо два сия имать есть добры христианин и имать извечну надежду живота вечного. Убо христианин добры(й) не токмо получает правду оную, еже есть оставление грехов и жизнь вечную верую во Хр(с)та, но верую и делами добрыми.

№ 132

В право(с)лавном исповедании во (в) торо(й) части напечатано тако: второе, тако подобае(т) помышля(ти), яко за бл҃гия дела, я(же) рехо(м) творящии не токмо во(с)приму(т) на небеси вечное бл҃женство, но и в мире се(м) привременная бл҃гая во(с)приемлюще, со (б)л҃говоление(м) Б҃жи(м) имею(т) и zde бл҃женство.// (л. 32)

№ 64

(Л. 33) Прямы девственник, которые не точию тело свое о(т) смещения, но и сердце о(т) во(ж)деления пло(т)скаго сохрани(л), ибо Хри(с)то(с) любодейцем и того нарицает, которой аще и не телом, обаче помыслом и во(ж)делением коснулся жены. Кто таковы бы(л) девственник, кроме Хр(с)та Иисуса и Пречистыя Ево Матере, мы до(з)нати и не може(м).

№ 51 книги Собора Иерусали(м)ского² пределе(л) шесты поместного Иерусалимского Собора в пределе 6: Глаголет многи о(т) праотец и пророк и тмищнии инии, елицы о(т) сущих в сыны истин(н)ы, б҃жественныи (же) Предотеца и по изрядно(му) слову Матерь Б҃га Слова и при(с)нодева Мария не искусиша сицевым и подо(б)ным си(м) прегрешении [еже есть убивств, деторачении, прелюбоде(й)ств, блудов, ненавистей] и с҃бии Иоан Б҃гослов свидете(л)ствуе(т) во апакалепсисе в главе 14: быти 144 тысячи девственнико(в) не осквернивши(х)ся с женами³.

¹ Святитель Петр Могила, митр. Киевский. Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной. Часть первая. О вере. «Вопрос 1. Что должен иметь православный и кафолический Христианин, чтобы наследовать жизнь вечную? Ответ: Правую веру и добрые дела».

² Иерусалимский (Вифлеемский) Собор — поместный собор Иерусалимской Православной церкви, созданный при патриархе Досифее II в 1672 г. Собор осудил кальвинское «Исповедание веры», изданное от имени константинопольского патриарха Кирилла Лукариса.

³ Откр. 14: 1–4.

№ 74

Вся правды наша [еже есть дела добрии] весма и по всему не могу(т) быти чистыя.

№ 74

(Л. 33 об.) Понеже совершенного в жити сем безгрешия достигнути не можем.

№ 85

Приво(д) из по(с)лания Павла апостола к Колосае(м), глава 2: Да никто (же) ва(с) осу(ж)дае(т) о ядении и о питии и про(т)чая.

и ни(же): аще убо умро(с)те от стихи мира, почто аки живуще в мире стязаетеся: не коснися, ни(же) вкуси³, // (л. 34)

Да и в про(т)чи(х) бжественны(х) писаниях много о сем написано, проти(в) которы(х) новопечатанная кнѣга блженств противно му(д)рствует и приводит все(х) к слабому житию.

В Камене веры напечатанныи № 1001:

Дела праведны(е) поистинне суть блгаая и праведная, не имущая греховного порока, ни(же) могут нарещися грехами, и таковыми стяжаваетца живот вечный, ибо терпение Иова праведного никоего пороку не имело и протчия тамо множайшия доводы о(т) свты(х) о(т)цех показаны// (л. 33 об.)

В Камень (же) веры № 976.

Всяк члѣвк праведны в житии сем, Бжжею блгодатию укрепляемыи, может со(х)ранити зако(н) десягословия.

Тамо (же) № 979:

И самая может [хртианин] превзыти заповеди, так Златоуст учит в беседе 8 о покоянии и во (н)равоучении 39:

Сам Христос Спаситель в Матфеи в главе 11¹ глаголет: Иго мое блго и бремя легко есть.

Во Второзаконии в главе 11: да любиши Г(с)да Бга твоего и сна(б)деши заповеди и оправдания Его², убо по сим словесам Б(ж)и(м) и свтаго Златоуста(г) может хри(с)тиянин право(с)лавный исполнити заповеди вси Бжи, и оныя превзыти, последователно в сем может совершенного бе(з)грешия достигнути.

Постыжимся по уставу свтыя цркви весма подобает хранити качество [еже есть во(з)держание о(т) мяса и сыра, ма(с)ла крав<ь>аго, млека, яиц и рыбы по различию постов], а в блженствах оная написана к невоздержанию и к слабости.// (л. 34)

¹ Мф. 11:30.

² Втор. 11: 1.

³ Кол. 2: 16; 20–21.

№ 85 же на обороте.

Которыми словесы и из на инны(х) местех подобными о(т)водит ап(с̄)тл о(т) стязания оны(х), которыя о переборе времен и брашен, аки о ну(ж)ной ко сп̄сению вещи препиралися и прочая.

№ 132

Несумненно ведаем, что где во исторія(х) написано, како мученик укоря(л) и бе(з)честил мучителя, повести таковыя ложныя суть и не деялося так, как пишется, но легкомысленнии и неискуснии писате(л)<и> по свое(му) мнению и мечтанию написали о(т) себе и на (с)в̄тъя мученики злая на себе мнимая до(б)рая деяния на(л)гали.

Сим <...утраты текста> евангелския проповеди и апосто<...> ния и протчи(х) велики(х) о(т)ца писа<...> о верне(и) шия повести о(т)метающа. В Евангелии о(т) Луки в главе 13, егда некии о(т) фарисей рек Иис̄у: хоще(т) тя Ирод убити, о(т) веща(в) Иис̄: рц̄йте лису тому¹, и посему не токмо мученики, но и са(м) Хр(с)тос укорял Ирода, Деяния, глава 7: Егда восхитили на убиеение св̄таго первомученика Стефана архиереи и к̄нзи высочайшии и старцы, на сонмище свое, он не токмо их, но и о(т)цев и(х) укорял и бе(з)честил, глаголя: жестоковыйнии и нео(б)резан(н)ии ср̄дц̄<ем> и ушесы, вы при(с)но Дх̄у св̄тому противитесь, яко (же) и о(т)цы в̄ши, тако и вы² и пророк Илия самого ц̄ря Ахава и о(т)ца Его о(б)личал и укоря(л): ты рече ра(з)вращаяй Израиля и до(м) о(т)ца твоего³.

Да и вси св̄тии мученики Дх̄о(м) св̄ты(м) движими, не за себе, но за Хри(с)та Г(с̄)да, бе(з)честован(н)ого о(т) мучителей, укоря(ли) мучителей и бе(з)чести(ли) по словеси Сп̄сову: егда ведоми будете к ц̄ре(м) и владыка(м) имене моего ра(ди), не пещытесь, что о(т)вещаете или что во(з)глаголите, не вы бо будете глаголати, но Дх̄ О(т)ца в̄шего глаголя в ва(с)^{4/} (л. 34 об.).

(Л. 34 об.) В к̄нге Пуфендорфе, где пишет о российском Г(с̄)дрстве⁵, великая хула напечатана на монаршеское лице, чему Бг̄ь сам в Ветхом и

¹ Лк. 13:32

² Деян. 7: 51.

³ 3 Цар. 18:18.

⁴ Мф. 10: 19–20.

⁵ Введение в историю Европейскую чрез Самуила Пуфендорфия, на немецком языке сложенное, таже чрез Иоанна Фридерика Крамера на латинский предложенное, ныне же повелением великаго государя царя

Новом Завете во(з)бранил быти, писано бо тако: не прикаса(й)теся помазанным моим¹ и прочае на множа(й)ших месте(х) написано. И хотя бы ин<ност>ранной кто и дерзнул не сво<его>Г(с̄)дря порицать, но его Г(с̄)др<...>м поданным ве<...*утраты текста*> не подлежи(т) таковых бе(з)де<...> народу писменно ра(з)<...>.

В кнѣге о умирении России с Г(с)дрство(м) Швецким² напечатана хула цр̄вичю Алексею Петровичу, и того ради оные книги по доношению Родышевского и(з) народа в Синод собраны.

В книге Регламенте Дх̄о(в)ном³ противности цр̄кви св̄теи напечатано. В присяге членов дх̄о(в)но(й) коллегии:

Аз, нижеименован(н)ый, о(т)вещаюся и кленуся всемогущи(м) Бг̄о(м) [и прочая]// (л. 35)

[В Ма(т)феи главе 5] сам Хри(с̄)тос Г(с̄)дь рек: слышасте, яко речено бысть, древним не должну кленешися, во(з)даси (же) и Г(с̄)деви кля(т)ве твоя, аз же глголю вам: не клянитесь ни небо(м), ни землею, // (л. 35) ни Иерусалимом, ни(же) главою твоею кленися, буди (же) слово ваше е(й), е(й), ни, ни, свыше же сего о(т) неприя(з) ни есть⁴.

И по вышереченному слову вси апостоли и св̄ти вси не дерзали клятися именем Бж̄им и протчим, токмо сими словами: ей, ей, и ни, ни. А в о(з)наченной Присяге Синоцкой показано, что не токмо протчими запрещенными клятвами определяют клятися, но и самы(м) Бг̄ом кленутся.

№11

(Л. 35) Розыскать вно(вь) сложенныя и слагаемыя окафисты и ин(н)ыя служ(ж)бы и моле(б)ны, которые наипаче в наша

Первое сие умышление на вси соста(в)ленныя о(т) блгочестивых и св̄тых мужей каноны, стихеры, акафисты и службы, еже

и великаго князя Петра Перваго, всероссийскаго императора, на российский с латинскаго преведенное. Печатано в Санктпитебургхе, 1718, декабря в 5 день». Глава «О России, или Обще о Московии». С. 404–411.

¹ Пс. 104:15.

² Служба благодарственная на воспоминание заключеннаго мира между империею Российскойю и короною Свейскою. СПб., тип. Александроневского монастыря, 1725.

³ Регламент, или Устав духовной коллегии 25 января 1721 г. — закон, изданный в форме манифеста Петром I и определявший правовое положение Православной церкви в Российской империи. См. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. VI. [СПб.], 1830. С. 314–346. № 3718. Второе издание: Духовный Регламент. М.: Синод. Тип., 23 февраля 1722 г.

⁴ Мф. 5: 33–37.

времена в Малой России сложены суть, немалое чим су(т) ли оная сложения Писанию Свѣщенному согласная и не имее(т) ли нечто в себе слову Б̄жию проти(в)ное или хотя нечто непри(с)то(й)ное и пра(з)дносло(в)ное//

№ тот (же)

(Л. 35 об.) Тако (ж) определить, что онаы многочисленныя моления хотя бы и прямыя были, о(д)нако не суть всяко(му) должныя [и прочая], дабы по времени не вошли в зако(н) и совести бы человеческо(й) не отягощали.

№ то(т) же, 11

Смотрить истории свѣты(х), не су(т) ли некия, о(т) ни(х) ложно вымышленныя, сказующия чего не было, или христиа(н)ско(му) православному учению противныя, или бездельныя и смеху досто(й)ныя пове(с)ти и таковы(х) повести о(б)личить и запрещению предать [и прочая].

№ 12

Со(б)ственно (же) и прилежно розыскивать подобает // (л. 36) оныя вымыслы, которые члѣвка в недо(б)рую практи-

бы их помалу собрав и вину какую пригнав, все(х) истребити и перевести, и сия зело коварная хитрость <...>шася самым делом, понеже пре(ж)де со(б)рания акафистов и не и(з)следовав оных, указы от Синода изданы¹, что ак <...*утраты текста*> Гробу Г(ѣ)дню, Кресту, <...> и прочих, и сие коварно ведено по(д) таки(м) видом, дабы монашеское и мирское келе(й)ное правило о(т)решить.

Сие показано к самой слабости жития монахов и мирских, дабы не отягощали себе дѣховными трудами, но жили бы во увеселении. Что (же) показано, яко бы о(т) молитв совестя(м) тягость, то никако быти может, понеже и(з)вестно есть: кто болши плоть свою покарят молитвою и постом, то более крепость имеет и всегда в радости Бжественной пребывает, помня, яко вместо тру(д)ных свои(х) обещано, еже око не ви(де) и ухо не слыша, яже уготова Бг̄ъ любящи(м) его².

Сие вымышленное коварство, дабы истори<и> свѣты(х) все(х), еже есть, всеконечно перевести, и того ради указами из Синода запрещени Че(т)ии Минеи, не печата(ть) Пролог, почернили Ефрема <...*утраты текста*> церквах читати³.

Всякое дело до(б)рое или злое есть о(т) намерения // (л. 36) человеческого, и бу(де) намерение имеет в пяток не делать

¹ Указ 20 марта 1721 г. «О непродаже листов разных изображений, служебников и канонов, изданных без дозволения Синода, и об отбирании оных в Церковный Приказ» // Полное собрание законов Российской Империи, изданных с 1649 г. Т. VI. [СПб.], 1830. С. 373. № 3765.

² 1 Кор. 2:9.

³ Имеется в виду указ Св. Синода 1723 г. «О чтении в церквах в великий пост вместо прежних от книг Ефрема Сирина и от сборника и прочих чтения, читать новопечатные буквари с толкованием заповедей Божиих» // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. VII. [СПб.], 1830. С. 26. № 4172.

ку или дело ведут и о(б)раз ко спасению лестно пре(д)лагают, например, не делать в пяток и прочая.

Тако (ж) со(б)ственно аки ва(ж) не(й)шия паче иных времен слу(ж)б почитать обедню Блговещенскую, утреню Воскресенскую и вечерню Пя(т)десятницы, сия наприме(р) воспоминаю(т)ся, ибо оныя немногих и просты(х) повре(ж)дают.

№ 14

О мощах свѣтых, где какие явятца быть су(м)нителны, розскивать, мно(го) бо и о сем наплутано [и прочая].// (л. 36 об.)

Тако (ж) много гвоздей Кр(с)та Г(с)дня и много млека Пр(с)втыя Б(д)цы, смотреть (же), нет (ли) и у нас такого бе(з)делья.

(Л. 36 об.)

Тетрать о монашестве¹ вся в себе имеет многия противности цркви свѣтой и со оной тетраты при сем пре(д)лагается копия, того ради на всякую противность со(б)ственно показаны во(з)ражения кнгою, о(т) Радышевского и(з)данною².

При сем (же) Радышевской о(б)сѣявил: в вышепоказанных (де) книга(х) противности восточныя цркви о(б)сѣявлены весьма кратко, дабы не утрудить чтением, а ежели повелено будет пространно о(б)сѣявить, то во оных (же) кнга(х) можно и(з)яснить многия проти(в)ности црковныя.

Означенные (де) книги, а имянно: Регламент Дхвонной, книга о блженств<ах> Христовы(х), о(б)ъявление о монаш<е>стве сочинены новгородским архиереем Феофаном, а кнги (ж) Пуфендорф, Феатрон

ничего, но млтва(ми) и постами и иными до(б)рыми делами и празнованием дхвонным [а не телесным во всяки(х) греха(х)] пра(з)новати, сие воистинну зело преи(з)ряд(д)но и бгбугодно делает таковы<й>.

Почитать (же) паче прочи(х) служе(б) обедню Блговещенскую, утреню Воскресенскую и вечерню Пя(т)десятницы для ра(ди) величества и множества ра(ди) сла(д)кого пения в ни(х) и ради о(т)мены и зна(т)не(й)шаго и великого паче прочи(х) времен чтения, никого не повре(ж)даю(т), но и бгбодухновенно и свѣто зело есть сие.

Таки(м) хитрым коварство(м) хотели все мощи свѣтых уго(д)ников российский(х) и прочи(х) и всю свѣтныю, почитаемую // (л. 36 об.) о(т) православны(х) перевести.

¹ Именной указ Петра I, данный Синоду: «О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении Семинарии и госпиталей» 31 января 1724 г.// Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. VII. [СПб.], 1830. С. 226-233. № 4450.

² Радышевский составил обширное возражение на петровский указ о монашестве 1724 г., текст которого сохранился в материалах его Следственного дела (РГАДА. Ф. VII. Оп. I. № 221. Ч. 6 и ч. 8).

Гисторически(й) переведены с латынского на словенский язык бывшим префектом Гаврилом, да им (же) и(з)дана к̄н̄га о умирении России з Г(ѣ)дрство(м) Швецким, токмо (де) о(з)наченные к̄н̄ги ц̄р̄ковною // (л. 37) печатью напечатаны по бл̄гословию Св̄т̄е(й)шаго Синода, а паче сведом о них был помянутой архиерей Феофан, понеже (де) бе(з) позволения Ево никакой книги не составлено и не перевозено и печати не предавано.

Да сверх (де) оных книг другие имеютца противныя ц̄р̄кви св̄тей к̄н̄ги, сочиненныя о(з)наченным (же) архиереем Феофаном, а именно:

1. Букварь с толкованием десяти заповедей Ветхого закона¹.
2. о поливании².
3. о (б)раках³.
4. по(н)тифекс⁴
5. о глобусах печатная по сои(з)волению Св̄т̄е(й)шаго (ж) Синода.⁵

И ежели (де) о имевши(х)ся во оных к̄н̄га(х) ц̄р̄ковны(х) противно-стя(х) повелено будет ему Родышевскому и(з)<ъ>яснить, то (де) покажет он о том по(д)линно.

Список литературы

1. Дело об архимандрите Маркеле Родышевском, обвинявшем Феофана Прокоповича в неправославии, о переводе книги патера Рибейры, о противниках Прокоповича...// Российский Государственный Архив Древних Актов. Ф. VII. Оп. I. №. 221. Ч. 7, 9.

¹ [Феофан Прокопович]. Первое учение отроком. СПб, 1722

² [Феофан Прокопович]. Истинное оправдание православных христиан, крещением поливательным во Христа крещаемых. СПб., 1724.

³ [Феофан Прокопович]. О браках правоверных с иноверными. СПб., 1721.

⁴ [Феофан Прокопович]. Розыск исторический, коих ради вин и в яковом разуме были и нарицалися императоры римстии, как язычестии, так и христианстии, понтифексамиили архиереами многобожнаго закона; а в законе христианстем, христианстии государи, могут ли нарещися епископи и архиереи, и в каком разуме. СПб.: Печатано в Санктпетербургской типографии 7 июля 1721.

⁵ Пюйгенс Хр. Книга мирозрения, или Мнение. О небесноземных глобусах и их украшениях. Напечатаса в Санктпитербургской типографии 1717 году, Октября 27 дня. 2 изд.: М., 31 марта 1724.

2. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. [СПб.]: Тип. 2 Отд-я Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. VI (1720–1722), т. VII (1723–1727).

3. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1862. Т. II. 694, XXV с. 438.

4. Пуфендорф С. Введение в историю Европейскую чрез Самуила Пуфендорфия... сложное: Печатано в Санктпитебурхе 1718, декабря в 5 день (пер. Гавриила Бужинского). 558 с.

5. Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1868. 762 с.

References

1. Delo ob arkchimandrite Markele Rodyshevskom obvinjavshem Feofana Prokopovicha v nepravoslavii, o perevode knigi patera Ribeiry, o protivnikakh Prokopovicha...[Case of Archimandrite Markel Rodyshevskiy, who accused Theophan Prokopovich of non-orthodoxy, about the father Ribera's book translation, about the opponents of Prokopovich...]. Rossiiskiy Gosudarstvennyi Arkhiv drevnikh Aktov [Russian State Archive of ancient Acts], f. VII. Op. I, no 221, parts 7, 9 (in Russian, unpublished).

2. Polnoye Sobraniye zakonov Rossijskoi imperii s 1649 g. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire from 1649], [St. Petersburg]: 2 Otdeeleniya Sobstv. e. i. v. kantselarii Publ., vol. VI (1720–1722), vol. VII (1723–1727), (in Russ.).

3. Pekarskiy P. P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom [Science and Literature in Russia at the Time of Peter the Great]. St. Petersburg, T-vo "Obshchestvennaya pol'za" [Social benefit society Publ.], 1862, vol. II.694 p., XXV p. (In Russ.).

4. Pufendorf S. Introduction to the European History through Samuel Pufendorf... folded (Samuelis Pufendorfii Introductio ad Historiam Europaeum). St. Petersburg, 1718, December 5. (In Russ., translated from Latin by Gavriil Buzhinskiy). 558 p.

5. Chistovich I. A. Feofan Prokopovich i yego vremya [Theophane Prokohovich and his Time]. St. Petersburg, Imp. Akademia Nauk Publ., 1868. 762 p. (In Russ.).

**«Когда в товарищах согласья нет...»
А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. С. Уваров**

Аннотация: В статье заново ставится ряд кардинальных проблем наследия А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Анализируется роль и значение памфлета Пушкина против С. С. Уварова «На выздоровление Лукулла» в общем контексте политических взглядов поэта. Освещаются обстоятельства создания и характер последующего восприятия пушкинского стихотворения. По-новому переосмысливается соотношение между еще одним политическим произведением поэта, одой «Вольность», и одноименным стихотворением А. Н. Радищева. Подчеркивается принципиальное, малоисследованное различие между двумя одами. Рассматривается общая полемика Пушкина и Гоголя с взглядами Радищева. Коренной ревизии подвергнуты также искаженные представления о немаловажных воззрениях Пушкина как теоретика и историка литературы. Подробно анализируется многолетний историко-литературный спор поэта с его современниками о мнимом «ничтожестве» русской словесности. Устанавливается, что, вопреки расхожим мнениям идеологов последующей эпохи, Пушкин отнюдь не разделял западнические и декабристские суждения о «ничтожестве литературы русской», но, напротив, являлся защитником «монархического» наследия отечественной словесности XVIII в. — того наследия, которое либерально настроенные литераторы нового поколения объявили, за оды русских писателей царям, несуществующим. На основании многочисленных свидетельств подчеркивается, что Пушкин, Гоголь и Уваров разделяли одни и те же общественно-политические и религиозно-патриотические взгляды. Однако, находясь в одной «парадигме», все трое по разным причинам не нашли общего языка для совместной деятельности на поприще просвещения России.

Ключевые слова: Пушкин, Уваров, Данте, Радищев, Гоголь, биография, творчество, интерпретация, радикализм, консерватизм, монархизм, патриотизм, духовное наследие.

Информация об авторе: Виноградов Игорь Алексеевич, ORCID 0000-0002-9151-4554 — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: info@imli.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 15.03.2019

Дата публикации статьи: 27.07.2019

Для цитирования: Виноградов И. А. «Когда в товарищах согласья нет...» А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. С. Уваров // Два века русской классики. 2019. №1 С. 34–103. DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Igor A. Vinogradov
Moscow, Russia

“When there is no agreement between friends” A. S. Pushkin, N. V. Gogol, S. S. Uvarov

Abstract: The article reposes a number of fundamental problems of the heritage of A. S. Pushkin and N. V. Gogol. The role and significance of Pushkin’s pamphlet against S. S. Uvarov “For the Recuperation of Lucullus” in the general context of the poet’s political views are analyzed. The circumstances of the creation and the nature of the subsequent perception of Pushkin’s poem are highlighted. The relation between another political work of the poet, an ode to “Liberty”, and the poem of the same name by A. N. Radishchev, is being reinterpreted in a new way. The fundamental, little-studied difference between the two odes is emphasized. The general controversy between Pushkin and Gogol with the views of Radishchev is considered. Distorted ideas about Pushkin’s important views as a theorist and literary historian were also subjected to fundamental revisions. A long-term historical and literary dispute between the poet and his contemporaries about the supposed “insignificance” of Russian literature is analyzed in detail. It is established that, contrary to the popular opinions of the ideologues of the subsequent epoch, Pushkin did not share Westernistic and Decembrist opinions about the “insignificance of Russian literature” at all, but, on the contrary, Pushkin was a defender of the “monarchical” heritage of Russian literature of the 18th century - the heritage that the liberal-minded writers of the new generation declared, due to the odes of Russian writers to the kings, to be nonexistent. Based on numerous testimonies, it is emphasized that Pushkin, Gogol and Uvarov shared the same socio-political and religious-patriotic views. However, being in the same “paradigm”, all three for various reasons did not find a common language for joint activities in the field of education in Russia.

Keywords: Pushkin, Uvarov, Dante, Radishchev, Gogol, biography, creativity, interpretation, radicalism, conservatism, monarchism, patriotism, spiritual heritage.

Information about the author: Igor A. Vinogradov, ORCID 0000-0002-9151-4554, DSc in Philology, Chief Researcher, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: info@imli.ru

Received: March 15, 2019

Published: July 27, 2019

For citation: Vinogradov I. A. “When there is no agreement between friends” A. S. Pushkin, N. V. Gogol, S. S. Uvarov. Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, no 1, pp. 34–103. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103

I

Известная сатирическая ода А. С. Пушкина «На выздоровление Лукулла» написана почти два столетия назад — в 1835 г. Появившаяся в столь далекое время, она тем не менее до сих пор вызывает вопросы и возбуждает недоумения. Пушкинский памфлет обличает неидеальные частные черты одного из выдающихся государственных деятелей России, одного из высокопоставленных лиц из окружения Императора Николая I, тогдашнего министра народного просвещения С. С. Уварова. Обличительная ода Пушкина явилась вскоре после того, как Уваров по инициативе Государя сформулировал, а затем обратил к современникам знаменательный призыв строить жизнь на коренных русских началах Православия, Самодержавия, Народности. Именно эта хронологическая близость между начинаниями Уварова и последовавшим резким памфлетом Пушкина сообщает пушкинскому произведению острую, не утихающую «интригу».

Пушкинский памфлет примечателен прежде всего тем, что с самого своего возникновения стал в руках противников уваровской триады, «испытанным» идеологическим оружием в разобщении русского общественного сознания. Обращение к пушкинской сатире служило и служит для критиков традиционных отечественных ценностей основанием для заявлений о якобы критическом отношении Пушкина не только к личности Уварова, но и к Самодержавию в целом — к одной из важнейших основ русской самобытности.

Безусловно, реальный — не радикализированный идеологами последующей эпохи Пушкин не укладывается в эти интерпретации. Поэт-«аристократ», потомок «бояр старинных» Пушкин [Пушкин, 1948. Т. 3. Кн. 1: 261], порой выступавший, по целому ряду вопросов, в качестве «оппозиционера» власти, был мыслителем определенно консерватив-

ного направления. С предельной искренностью Пушкин заявил о своих глубоких патриотических и монархических убеждениях в письме к П. Я. Чаадаеву 1836 г.: «Хотя лично я сердечно привязан к Государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками (т. е. как человек с освященными традицией убеждениями. — *И. В.*) — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» [*Пушкин, 1949. Т. 16: 393*].

Как же в таком случае совместить сатирический выпад Пушкина против министра Уварова и его неизменные, не внушающие сомнения патриотизм и монархизм — исконную верность поэта началам Православия, Самодержавия, Народности? Каково подлинное место сатирического памфлета поэта против министра?

Первая публикация оды «На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому» на страницах «Московского Наблюдателя» была во многом спонтанной, обусловленной временным раздражением Пушкина против Уварова. Вскоре поэт сам раскаивался в необдуманном поступке.

Но явившееся таким образом стихотворение — содержащее, по оценке известного русского философа В. С. Соловьева, «грубое личное злословие» в адрес министра, представляющее собой «жертву», которую Пушкин принес не музам, а «демону гнева» [*Соловьев: 149*], — как нельзя кстати пришлось критикам самодержавной России. Ода «На выздоровление Лукулла» сразу по появлении заняла одно из первых мест в числе произведений, распространяемых в обществе с целью желаемого свержения «царизма». Первая, после публикации 1835 г., перепечатка памфлета была сделана в 1856 г. А. И. Герценом в лондонской «Полярной Звезде» [*Герцен: 23–24*]. Еще раз напечатать пушкинскую оду в России пытался в 1857 г. приятель В. Г. Белинского либерал П. В. Анненков [*Щеголев, 1931: 363, 366*].

Подлинное отношение Пушкина к власти мало интересовало радикальных идеологов. В критике самодержавия отрицателям нужен был лишь авторитет поэта. Именно поэтому позволить обществу «забыть» необдуманную пушкинскую сатиру на Уварова — которой сам поэт желал «заслуженного <...> забвения» [*Пушкин, 1949. Т. 16: 384*], — было недопустимо. Напротив, по логике радикалов, следовало еще и еще раз напоминать о пушкинском конфликте с Уваровым, а из памфле-

та «На выздоровление Лукулла» сделать произведение «программное», «образцовое» — даже с эстетической точки зрения.

При этом пропаганда пушкинской оды «На выздоровление Лукулла» была лишь одним из звеньев общей работы. Пушкин был хоть и едва ли не главной, но не единственной фигурой, которая использовалась в игре. Радикальная критика во многом и самим своим «родоначальникам» — декабристам — из которых многие были в дружбе с Пушкиным — тоже навязывала образ далекий от реальности. Декабристы, будучи сторонниками дворцового переворота — готовые осуществить эту цель любыми средствами, вплоть до цареубийства (как в недавние времена Павла I), в большинстве своем, по своим убеждениям, оставались патриотами, защитниками России — многие из них отличились ранее в Отечественной войне 1812 года. (Оставляем в данном случае в стороне вопрос о том, насколько соответствовало интересам страны декабристское понимание патриотизма.) Декабристы, как и Пушкин, по существу, тоже имели мало общего с последующими «борцами с царизмом» — Белинскими, Чернышевскими, Писаревыми и пр. Принадлежа, подобно Пушкину, к известным дворянским родам, декабристы, питая честолюбивые политические амбиции, по сути, отстаивали перед лицом самодержавия интересы узкой «боярской» аристократии.

Вполне беспристрастное свидетельство о «боярском» духе декабризма оставил в своих мемуарах один из «прогрессивных» деятелей той поры — знакомый К. Маркса, В. Г. Белинского и Н. А. Некрасова, «либеральный человек Николаевского времени» (как он сам себя называл) Г. М. Толстой. В 1863 г., на закате жизни, Григорий Толстой писал о декабристском заговоре: «...Боже мой, что это было за время! В редком доме не оплакивали отца, сына, племянника, мужа, брата или друга, а между тем в них же проклинали бунтовщиков! Мне не раз удавалось слышать такие рассуждения: “Да! Надо сознаться, что люди окончательно развратились! Подумайте, кто у нас бунтует? Нищие, оборванцы, что ли? Пьяницы, Санкулоты что ли? — Нет, сударь, нет! Первые Русские фамилии: Князья Одоевские, Волконские, Голицыны, Оболенские, Графы Чернышovy! Да и кого тут нет? Все лучшие фамилии замешаны в этом проклятом заговоре! А спросить бы их, чего им недоставало? Мы сами Князьки, мы сами Царьки! Так нет, этого мало — будем бунтовать! У меня тоже племянника взяли, славный был малый; но признаюсь, что мне не столько жалка, сколько садка вся эта

проклятая история». Для исторической верности скажу, что эти слова произнесены были при мне родною теткою <декабриста> Василия Петровича Ивашева» [Виноградов, 2019 (а): 239–240].

Нуждается в пояснении слово «санкулоты» — или санкюлоты, употребленное старшей родственницей декабриста. Так звали во времена Французской революции 1789–1799 гг. революционных представителей «третьего сословия» — от *фр. sans-culottes*, «без кюлотов» (без особых штанов-«кюлотов», которые носили только аристократы). Соответствующие размышления о революционном «третьем сословии» встречаются и у самого Пушкина. Поэт тоже задумывался над тем, почему в радикальном движении в России место «бесштанного» третьего сословия занимают не «нищие, оборванцы», не «пьяницы», а известные дворянские роды. В 1834 г. в беседе с великим князем Михаилом Павловичем Пушкин говорил: «Что касается до *tiers état* <*фр. третье сословие*>, что же значит наше старинное дворянство с именами, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристокрации и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много» [Пушкин, 1949.Т. 12: 335].

Как истинный патриот, гордящийся тем, что является представителем преданного престолу служилого дворянства, Пушкин отделял себя не только от записных радикалов, но даже от той близкой ему родовой аристократии, которая по каким-то причинам исповедовала радикальные взгляды. О родовитых — украшенных «лентами и звездами» — «мстителях»-цареубийцах — нанесших «преступные» смертельные «удары» Павлу I — и идет речь в знаменитой пушкинской оде «Вольность», написанной Пушкиным в восемнадцатилетнем возрасте, в 1817 г. В этом стихотворении, опять-таки, последующие радикальные интерпретаторы, опираясь на авторитет Пушкина, без достаточных оснований видели себе некое оправдание. Пушкинская ода в свою очередь была напечатана Герценом в 1856 г. в «Полярной Звезде», вместе с памфлетом «На выздоровление Лукуллу» (это стало первой публикацией пушкинского стихотворения) [Герцен: 3–6].

В отличие от оды А. Н. Радищева с одноименным названием, где порицается и «власть царска», и «вера» — и прямо призывается «мсти-

тель» на царей [Радищев: 4], пафос пушкинской оды принципиально иной. Наряду с провозглашаемым стремлением «на тронах поразить порок» (чему исключительное внимание уделяет Радищев), Пушкин, *возражая* своему предшественнику, одновременно сообщает и о том «ужасе», который внушают ему мстительные ниспровергатели «тронов».

Даже элементарное здравомыслие не позволило бы «аристократу» Пушкину повторять Радищева, быть последователем его крайних, вполне «анархистских» идей. Полемизируя с Радищевым, с его одой «Вольность», Пушкин в 1836 г. в статье «Александр Радищев», предназначенной для журнала «Современник», писал о Французской революции: «Мог ли чувствительный и пылкий Радищев не содрогнуться при виде того, что происходило во Франции во время *Ужаса*? Мог ли он без омерзения глубокого слышать некогда любимые свои мысли (заключенные в оде «Вольность». — *И. В.*), проповедаемые с высоты гильотины, при гнусных рукоплесканиях черни?» [Пушкин, 1949. Т. 12: 34].

Слова Пушкина об «ужасе» мщения как отличительной черте Французской революции прямо повторил в том же 1836 г. Гоголь, принимавший активное участие в издании «Современника». В рецензии на книгу М. П. Погодина «Исторические афоризмы», напечатанной в первом номере журнала, Гоголь писал: «Попытку к революции в других государств<ах> отвадила Франция примером ужаса бывшей революции» [Гоголь, 1952. Т. 8: 567].

Об этом же «ужасе» и идет речь в раннем стихотворении Пушкина, оде «Вольность», полемически противопоставленной «Вольности» Радищева. Вопреки предложению Радищева «ликовать» по поводу казни царя («Ликуйте, склепанны народы, / Се право мщенье природы / На плаху возвело царя» [Радищев: 5]), Пушкин в своем стихотворении напоминает о том, как в 1793 г. вероломной казни был предан король Людовик XVI, что послужило приходу к власти «самовластительного злодея» Наполеона. Последнего Пушкин называет в стихотворении «ужасом мира» и «стыдом природы». Далее в пушкинской оде повествуется о родственном «ужасу» Французской революции не менее поражающем «ужасе наших дней» — обстоятельствах отечественного «мщения тирану» — убийства заговорщиками Императора в 1801 г.:

«Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны... <...>
О стыд, о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары,
Падут преступные удары,
Погиб увенчанный злодей» [Герцен: 5–6].

«Стыдом» и «ужасом» называет восемнадцатилетний, «ранний» Пушкин те радикальные средства, которые с увлечением проповедовал борец с «тиранами» Радищев.

Как известно, ода Пушкина «Вольность» в 1820-х гг. широко ходила по России в списках. Дошла она в те годы и до «студентов» Гимназии высших наук в Нежине, где учился Гоголь (см.: [Виноградов, 2017. Т. 1: 512, 552]). Неудивительно поэтому, что в статьях Гоголя 1830-х гг. встречаются явные реминисценции этого пушкинского стихотворения. Судя по этим переключкам, в оде Пушкина Гоголя привлекли именно слова об «ужасах» беззаконного, «преступного» мщения — слова, характеризующие поэта принципиальным противником цареубийства и революции. Очевидно так, — а не иначе, не по-герценовски, — врез с навязанными позднее интерпретациями, прежде всего и понимали пушкинскую оду «Вольность» большинство современников поэта.

Очевидным пересказом строк пушкинской оды являются многочисленные размышления Гоголя о мстительных убийцах, являвшихся в истории во времена недостойных правителей. В частности, эти размышления содержатся в гоголевских статьях «Ал-Мамун» и «О Средних веках», помещенных в 1834 г. в сборник «Арабески». В первой статье рассказывается о неразумном арабском калифе, вызвавшем своим деспотическим правлением среди подвластного ему народа «оппозиционный фанатизм, который растерзал массу, <...> посеял плевелы в недрах государства, <...> дал нож и яд ненависти в руки испуганных последователей ислама, <...> произвел множество ослепленных сект и ужаснее всего секту карматианов, долго еще свирепствовавшую под именем Сирийских Убийц во время крестовых походов» [Гоголь, 2009. Т. 7: 354]. — Строки Гоголя еще более проясняет сохранившийся в его бумагах отрывок из неизвестной, задуманной в 1832 г. драмы, где герой, убивший своего обидчика, размышляет: «Он был гнусен, но был человек. А человек разве имеет право

судить человека? Разве кроме меня нет Высшего Суда? Разве я был назначен его палачом? Убийство! Честный ли человек он был, подлец ли, но я все-таки убийца... Убийца не имеет права жить на свете. (*Застреливается.*)» [Гоголь, 2009. Т. 7: 127].

Продолжением пушкинских размышлений о политических оппозиционерах — «потаенных убийцах» — являются строки Гоголя из второй статьи — «О Средних веках», — повествующие о наказании «тиранов» по приговорам «подземных судей». Предупреждая правителей об «ужасе» возможного возмездия, Пушкин писал:

«Внемлите истине цари,
Ни наказанья, ни награды,
Ни мрак темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды!» [Герцен: 6].

Повторяя это предупреждение поэта, Гоголь в статье «О Средних веках» замечал: «...Возникают <...> страшные тайные суды, <...> являющиеся уже не совестью перед ветреным миром, но страшным изображением смерти и казни. Ни сила, ни обширные земли, ни даже самая корона <...> не отменяют произнесенного ими приговора. Незнаемые, <...> под сырым сводом глубокого подземелья <...> эти подземные судьи <...> произносили обвиняющее слово... <...> Напрасно властитель грозю могущества своего затрудняет к себе приближение, напрасно его золото... <...> — неумолимый кинжал настагает его на конце мира...» [Гоголь, 2009. Т. 7: 185].

Несомненной аналогией к «страшному изображению смерти и казни», которое оставили как память о себе средневековые «тайные суды», является написанная тогда же Гоголем повесть «Вий». Здесь также речь идет о мести и убийстве. Сначала — об убийстве ведьмы-панночки распутным бурсаком Хомой Брутом — героем, носящим имя известного из древней истории царевубийцы. Затем следует еще одна смерть: она настагает Хому Брута глубокой ночью за несправедную жизнь и убийство панночки. Наказание совершается, как и в статьях «Ал-Мамун» и «О Средних веках», «ослепленным» «подземным» персонажем — демоническим мстителем Вием.

Попутно наконец объясняется и происхождение одной загадочной, давно занимающей исследователей фразы в черновике «Вия». В опи-

сании избитой до смерти ведьмы в черновом автографе встречается весьма неожиданная (в частном контексте рассказа) фраза об «угнетенном народе»: «...Душа его начинала как<-то> болезненно мучиться [по мере того, как глядел на нее <...>]. Как будто бы вдруг <...> кто-нибудь запел песню об угнетенном народе» [Виноградов, 2019 (6): 142] (в окончательной редакции: «...песню похоронную» [Гоголь, 2009. Т. 1–2: 655]). По замыслу Гоголя, «ужас» «Вия» заключается не только — и не столько в устрашающих явлениях нечистой силы, сколько в «угнетении», убиении грехом в человеке образа и подобия Божия. «Мертвые души» «Вия» — блудник-грешник Брут и падшая, демоническая красавица-ведьма. Их «сражение», в котором «тиран» и «тираноубийца» по ходу рассказа меняются местами, строится Гоголем по аналогии с политическими «ужасами» — борьбой деспотов и их мстителей. Хотя аналогия между «бытовым» содержанием «Вия» и вопросами политики весьма отдаленна, «неожиданна», она тем не менее несомненна. Политика относится здесь к истории бурсака так же, как древняя римская история отзывается в его имени. Сходное напоминание об «ужасах», тоже имеющих отношение, на первый взгляд, только лишь к частной «беспорядочной жизни» героев — а отнюдь не к политике, — Гоголь оставил несколько лет спустя в «Театральном разъезде после представления новой комедии»: «Зачем один отец, желая исторгнуть своего сына из беспорядочной жизни, не тратил слов и наставлений, а привел его в лазарет, где предстали пред ним во всем ужасе страшные следы беспорядочной жизни?» [Гоголь, 2009. Т. 3–4: 450]. Согласно этому авторскому толкованию, изображенный в «Ревизоре» «частный ужас» героев комедии — облеченных властью гражданских чиновников (а также «ужасы», греховная жизнь, представленная в других произведениях Гоголя, — в «Вии», «Носе», «Мертвых душах»), имеет, по глубокому убеждению писателя, ближайшее, непосредственное отношение к жизни самого государства. На эту связь «политики» с состоянием «частной» нравственности Гоголь прямо указывал позднее в неотправленном письме к В. Г. Белинскому: «...Правительство состоит из нас же: мы выслуживаемая и составляем правительство. Если же Правительство огромные корпорации воров, <...> думаете, этого не знает никто из Рус<с>ких?..» [Гоголь, 2009. Т. 14: 386].

Итак, весьма показательно, что сразу в четырех гоголевских произведениях — в статьях «Ал-Мамун», «О Средних веках», в отрывке

из неизвестной драмы, в повести «Вий» — мы видим такое же переплетение и чередование убийств и тиранств, какое Пушкин изобразил ранее — не оправдывая ни того, ни другого — в оде «Вольность» в образах «зверей»-царевубийц и казнимого ими «увенчанного злодея».

Ни Пушкин, ни Гоголь, несмотря на кажущуюся «законность» возмездия «тиранам», никогда не извиняли, подобно Радищеву, «подземных» мстителей за исполняемую ими демоническую роль. Но осуждая совершаемые тираноубийцами политические преступления, Пушкин и Гоголь в то же время наблюдали и неумолимую историческую неизбежность появления этих вершителей казни при пагубном возрастании тиранов. Подобная «амбивалентность» и сказалась вполне в созданном Гоголем образе Вия, представляющего собой как бы вполне «справедливого» — соответствующего безнравственному поведению семинариста-бурсака, но оттого не менее «ужасного» по своей природе мстителя.

Еще один яркий «амбивалентный» пример «законно» совершаемого «беззакония» — или «беззаконно» вершимого «закона» — являет собой у Гоголя описание в «Тарасе Бульбе» одного из обычаев Запорожской Сечи: «...Более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключающий тело им убиенного, и потом обоих засыпали землей. Долго потом все чудился ему страшный обряд казни и все представлялся этот живо засыпанный человек вместе с ужасным гробом» [Гоголь, 2009. Т. 1–2: 325]. — Это описание прямо напоминает сцену «казни» Хомы Брута, оставленного наедине с гробом убитой им панночки.

Размышления об «амбивалентности» казни — ее справедливости, но при этом глубоком ужасе — занимали Гоголя с самого начала творческого пути. Уже в юношеской поэме «Ганц Кюхельgarten», написанной в те годы, когда он познакомился с пушкинской одой «Вольность», писатель размышлял о звездах, ниспосылающих «добрым мир, а злым — яд гибельный упрека» [Гоголь, 2009. Т. 7: 46], — и о «мудреце», размышляющем над том, «кому за доблести бессмертие готово, кому позор, кому венец» [Гоголь, 2009. Т. 7: 19]. Эта же тема впоследствии была воплощена Гоголем в повести «Майская ночь» в положительном образе казака Левко — указывающего, подобно «ужасному» Вию, героине-утопленнице на ее «губительницу» мачеху; в «страшнейшем фан-

томе» «Кровавого бандуриста» [Гоголь, 2009. Т. 7: 93] — «подземном» заступнике плененной, «угнетенной» девушки; в сравнении воина-казака, защитника Малороссии, с «подземным гномом» в черновых набросках статьи «Взгляд на составление Малороссии» [Гоголь, 1952. Т. 8: 598]; в образе «ужасного» — для предателя Андрия — отца в «Тарасе Бульбе» [Гоголь, 2009. Т. 7: 223].

Сюда же относится явление вестника о настоящем ревизоре в финале «Ревизора», которое совершается подобно приходу «каменного гостя» в трагедии Пушкина или финальному явлению Вия в повести Гоголя. По словам Н. Н. Асеева, Вий «появляется <...> в конце повести <...> вроде фельдъегеря в развязке “Ревизора”» [Асеев: 158].

«Совпадение», «смещение» во всех этих случаях, по «функции», настигающих грешника в качестве справедливого возмездия сил — «сходство», по совершаемому действию, наказующих положительных героев с образом демонического Вия — объясняется по крайней мере двумя обстоятельствами.

Во-первых, Гоголь в своих размышлениях о возмездии, по-видимому, опирался на святоотеческое представление о том, что наказателями преступника могут быть не только демоны, но и ангелы, — которые при этом являются для грешника не менее «ужасными». Если для героев-грешников встреча с потусторонним миром предстает как «ужасный, черный» [Гоголь, 2009. Т. 7: 92], «зловещий» [Гоголь, 2009. Т. 8: 330], «подземный голос» [Гоголь, 2009. Т. 1–2: 448], то, в отличие от Хомы Брута, для старосветского Афанасия Ивановича, преданного «любви»-привычке к отшедшей подруге, — это «таинственный зов» [Гоголь, 2009. Т. 1–2: 301] (который, заметим, в то же время пугает самого рассказчика «Старосветских помещиков»); для казнимого за веру Остапа Бульбы — это уже желанный ответ на мольбу об укреплении духа, приносящий утешение в предсмертные минуты (заставляя, опять-таки, «вздрыгнуть» «весь миллион» собравшегося на зрелище казни народа [Гоголь, 2009. Т. 1–2: 407]).

С другой стороны, жестокость, «кровавость» наказания, «ужас» Гоголя перед «страшным обрядом» заслуженной казни — «заживо засыпанным человеком вместе с ужасным гробом» — позволяют говорить о гоголевском понимании зла как беззакония, пожирающего самого себя, т. е. с духовным представлением об одинаково демонической природе озлобленных тиранов и их не менее жестоких мстителей.

Очевидно, что, сравнительно с Радищевым, Гоголь и Пушкин обнаруживают гораздо более глубокое понимание зла — оба в обличении тиранов отнюдь не усматривают «законного» оправдания их убийц.

Пожалуй, можно указать на наиболее вероятный источник размышлений Пушкина и Гоголя об одинаковой природе тиранства и тираноубийства. Выразительный пример «самопожирания зла» оставил в своей знаменитой «тройственной» поэме Данте — поэт, одинаково почитаемый и Пушкиным, и Гоголем. В «Божественной комедии» Данте изобразил, как в последнем поясе последнего круга ада терпят наказание самые отъявленные грешники. Здесь первый отступник от Бога падший ангел Люцифер грызет трех своих «последователей» — Иуду, предавшего Христа, и Брута и Кассия, предавших Цезаря (см. песнь 34, ст. 61–67). Очевидную реминисценцию этих образов дантовской поэмы представляют строки повести Гоголя «Страшная месть», сообщающие народное предание о том, как где-то в Карпатах, «в безвыходной пропасти, которой не видал еще ни один человек, страшющийся проходить мимо, мертвецы грызут мертвеца» [Гоголь, 2009. Т. 1–2: 242]. (Примечательно, что гоголевский «начальник гномов» мститель Вий до сих пор в русских и украинских народных преданиях не обнаружен. Зато установлено, что в этих же преданиях демоническим персонажем с опущенными до земли веками является Иуда; см.: [Франко]; [Виноградов, 2000: 102–104].)

Как известно, Данте, создатель трактата «Монархия», был, — равно, как и Пушкин, и Гоголь, — убежденным монархистом. Для Пушкина Данте являлся прежде всего представителем «аристократической», консервативной Европы. Именно в таком качестве Пушкин представил своего итальянского предшественника в пространном наброске одной из незавершенных статей, относящейся к 1833–1835 гг. Пушкин противопоставлял здесь Данте «площадной» французской литературе. (В суждениях о Данте Пушкин, очевидно, повторял выводы С. П. Шевырева в его диссертации «Дант и его век», напечатанной в 1833–1834 гг. в «Ученых Записках Императорского Московского Университета» (№ 5–11); см. ниже.) Пушкин писал: «Романтическая поэзия пышно и величественно расцвела по всей Европе. Уже Италия имела [тройственную] поэму, в которой все [христианские] предания, всё знание, все страсти, вся духовная жизнь воплощены были чудн<ой> силою поэта... <...> — а у французов Вильон <Франсуа Вийон> воспевал в

площадных куплетах кабаки, воровство и виселицу, <...> и почитался первым народным поэтом!» [Пушкин, 1949. Т. 11: 269, 511]. Далее Пушкин, говоря о засилье французского влияния, с горечью восклицал: «Европа, оглушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. <...> ..Италия отрекается от гения Dante...» [Пушкин, 1949. Т. 11: 272].

II

По поводу обращения Пушкина и Гоголя к наследию итальянского поэта, — конкретно, в связи с оценкой Пушкиным в одной из его незавершенных статей Данте как «консерватора» — пристального внимания требует еще одна важная проблема. В подробном освещении нуждается еще одна сторона Пушкина — на этот раз как историка и теоретика литературы. После длительного периода радикальных интерпретаций наследия поэта практически неизученной, почти неизвестной осталась неизменная консервативная позиция Пушкина в понимании путей развития отечественной словесности. «В тени» остался патриотический пафос Пушкина, неизменно отстаивавшего, вопреки разоблачительным инвективам Радищева и последующей декабристской критики, подлинные интересы русской литературы как стратегической союзницы российской государственности.

Незавершенная статья Пушкина, откуда взяты цитированные строки о «консерваторе»-Данте, уже давно, начиная с тридцатых годов XX в., носит в пушкиноведении сомнительное произвольное название <О ничтожестве литературы русской> (до этого статья печаталась с названием: <О русской литературе, с очерком французской>; см., в частности: [Пушкин, 1911. Т. 5: 292]). Новое условное название дал пушкинской статье в 1934 г. — т. е. спустя сто лет после ее написания — известный советский литературовед С. М. Бонди (см.: [Бонди: 432, 438–439, 442]).

Несмотря на уважение к трудам авторитетного исследователя, следует со всей определенностью подчеркнуть, что в данном случае либо чутье подвело маститого пушкиниста, либо сама эпоха, агрессивная в отношении к патриотическому наследию «старой» России, не позволи-

ла ученому иначе представить статью Пушкина. Закрепившееся с тех пор в собраниях сочинений поэта и в исследовательской литературе предложенное С. М. Бонди название неозаглавленного пушкинского наброска всякий раз «кричащим» противоречием бросается в глаза любому непредвзятому исследователю пушкинского наследия.

Действительно, в пушкинских бумагах сохранился небольшой набросок, точнее, план из нескольких пунктов, неизвестного замысла, который носит авторское название «О ничтожестве литературы русской» [Пушкин, 1949. Т. 11: 495–496]. С. М. Бонди предложил распространить это название на *другой*, пространный набросок (почти статью) Пушкина (в свою очередь посвященный литературе). Исследователь полагал допустимым «отождествить или по крайней мере тесно сблизить» эти два черновых пушкинских отрывка [Бонди: 442]. Основания для подобного решения у С. М. Бонди, безусловно, были. Но принадлежность двух разрозненных фрагментов из бумаг Пушкина к одному замыслу еще не является достаточным основанием для того, чтобы рабочее название одного прилагать к другому. Некорректно название кратких тезисов, проспекта, плана работы переносить на окончательный текст статьи. Если бы Пушкин считал название своих тезисов «О ничтожестве литературы русской» подходящим для самой статьи, то он так ее и назвал бы. Но Пушкин оставил статью неозаглавленной, а значит заглавие, данное в рабочем порядке проспекту, для самой статьи не годилось, должно было быть другое. Автор любого произведения не согласился бы с тем, если вместо окончательного названия его работы в печати появилось бы первоначальное, приблизительное заглавие.

Кроме этих общих соображений, предложенному С. М. Бонди решению противоречит сам замысел пушкинской статьи, каким мы его знаем из сохранившихся набросков. Так, уже в плане статьи (с названием «О ничтожестве литературы русской») имеется следующее важное замечание: «...Французская обмелевшая словесн[ость] envahit tout» (вторгается во все; *фр.*) [Пушкин, 1949. Т. 11: 496]. В неозаглавленном наброске этим строком соответствует не менее примечательное размышление Пушкина о том, что «под небом полуденной Франции пробудилась поэзия, не имевшая ничего общего с величавою поэзиею греческого и латинского мира»: «Рассматривая произведения французской поэзии <...>, нельзя не сознаться в бесплодной ничтожности сего мнимого изобилия. <...> Ни один из франц<узских> поэтов не

дерзнул быть самобытным... <...> ...Легкомысленная и невежественная публика была единствен<ною> руководительницею и образовательницею писателей. В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному. Жалкий народ!» [Пушкин, 1949. Т. 11: 502–504, 269]. Далее в незавершенной статье — названной С. М. Бонди «О ничтожестве литературы русской» — Пушкин еще *шесть* раз упоминает о «ничтожности» французской литературы (см.: [Пушкин, 1949. Т. 11: 504, 509–512]).

Отмеченная переключка между планом и статьей позволяет не только с достаточной уверенностью судить о характере целостного пушкинского замысла, но даже определить его «возраст». Он насчитывает, ни много ни мало, более десяти лет.

Еще в 1822 г. в заметке «О французской словесности» Пушкин замечал: «Что такое фран<цузская> слов<есность>. <...> ...Как можно ей подражать: ее глупое стихосложение — робкий, бледный язык, — вечно на помочах, Руссо в одах дурен — <напротив>¹ Державин. Не решу, какой словесности отдать <предпочтение>, но есть у нас свой язык; смелее! обычаи, история, песни, сказки — и проч.» [Пушкин, 1949. Т. 12: 192].

В последнем замечании Пушкина — в обращенном к самому себе призыве быть «смелее» в разработке темы — явно угадывается намерение написать сравнительную статью о русской и французской литературе — не в пользу последней. Уже из этих пушкинских строк становится ясным, что название позднейшего краткого наброска «О ничтожестве литературы русской» заключает в себе критику чужих взглядов на этот счет и пронизано авторской иронией. Речь идет о только кажущемся для постороннего взгляда «ничтожестве»; на самом деле Пушкин собирается оспорить это негативное мнение.

В 1824 г. в письме к князю П. А. Вяземскому Пушкин вновь замечал: «...Все сборники новых стихов, именуемых романтическими, — позор для французской литературы» [Пушкин, 1937. Т. 13: 529].

В 1830 г. в пушкинских заметках появляется отрывок, свидетельствующий о тогдашней неудачной попытке написать задуманную еще в 1822 г. статью о превосходстве отечественной словесности над французской. Поскольку в ту пору изучение истоков отечественной

¹ Позднее, в конце мая — начале июня 1825 г., Пушкин в письме к А. А. Бестужеву отмечал: «...Крылов <...> в басне столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж. Б. Руссо» [Пушкин, 1937. Т. 13: 178].

литературы было только начато, то Пушкин пришел к неутешительному выводу: «Приступая к изучению нашей словесности, мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники, сравнить их с этою бездной поэм, романсов, ироических и любовных, простодушных и сатирических, коими наводнены европейские литерат<уры> средних веков. Нам приятно было бы наблюдать историю нашего народа в сих первоначальных играх разума, творческого духа... <...> Мы увидели бы разницу между простодушною сатирою франц<узских> *trouveurs* <труверы; *фр.*> и лукавой насмешливостию скоморохов... <...> Но к сожалению — старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь — и на ней возвышается единственный памятник: Песнь о Полку Иг<оре>». Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной» [Пушкин, 1949. Т. 11: 184].

Тем не менее, несмотря на неудачу 1830 г., спустя два года, в 1832 г., Пушкин вновь возвращается к отложенной статье о русской и французской литературах. На этот раз «программу» статьи Пушкин изложил в письме к М. П. Погодину: «Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, <...> что романы А. Vigny <А. де Виньи> хуже романов Загоскина; что их журналы — невежды; что их критики почти не лучше наших Теле-скопских и графских. Я в душе уверен, что 19 век, в сравнении с 18-м, в грязи (разумею во Франции). Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией» [Пушкин, 1948. Т. 15: 29].

Согласно с этой программой, Пушкин в том же году писал: «Всем известно, что французы народ самый anti-поэтический. Лучшие писатели их <...> доказали, сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно» [Пушкин, 1949. Т. 11: 219]. — В то же время замечание в письме к Погодину, что французские журналы — «невежды», прямо отозвалось позднее в строках статьи 1833–1835 г. о «невежественных» европейских журналах [Пушкин, 1949. Т. 11: 513].

В свое время пространную, «апологетическую» статью по поводу отношения Пушкина к французской литературе, словно извиняя поэта за критику в ее адрес, написал пушкинист Б. В. Томашевский (см.: [Томашевский]). Эта статья, безусловно, до сих пор не утратила своей научной ценности, однако пушкинская мысль о пагубности

подражания французской либеральной литературе была определенно «размыта» советским исследователем — погружена в обширном перечне действительных и предполагаемых заимствований Пушкина из французской литературы. Вопреки суждениям поэта исследователь даже заявлял, будто в критике вольтерьянства Пушкин пользовался суждениями, «не вполне передававшими его собственные убеждения» [Томашевский: 40] — что «недовольство» Пушкина французской литературой якобы свидетельствует «лишь о крайней» его «заинтересованности» [Томашевский: 2].

На самом деле «заинтересованность» Пушкина заключалась в другом. Важно обратить внимание на то, что название тезисов неозаглавленной статьи — «О ничтожестве литературы русской» — строится Пушкиным, с помощью инверсии, в том же торжественном стиле, что и название знаменитого труда Н. М. Карамзина по отечественной истории. Пушкин, как бы дополняя сочинение историографа, готовит в параллель «Истории государства Российского» не менее важную «Историю литературы русской». (Одновременно Пушкин поручил написать «Историю русской критики» Гоголю [Пушкин, 1949. Т. 12: 324].)

Позднее, 19 октября 1836 г., Пушкин в письме к П. Я. Чаадаеву заявлял: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. <...> ...И (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?» [Пушкин, 1949. Т. 16: 393].

Возражая на мнение о нашей якобы «исторической ничтожности», Пушкин сходным образом в 1833–1835 гг. в неозаглавленной статье также собирался опровергнуть чужое мнение о «ничтожестве» отечественной словесности — указав на действительное «ничтожество», сравнительно с ней, другой литературы, французской. И содержание, и сама тональность незаконченной статьи указывают на то, что, давая ее краткому плану рабочее заглавие «О ничтожестве литературы русской» (по-видимому, делая это в расчете на дальнейшее уточнение и исправление), поэт, безусловно, подразумевал *мнимое* ничтожество русской словесности. Существенный вес и высокий статус отечественной литературы он и собирался раскрыть во второй, ненаписанной части работы.

По мнению французского исследователя, в своей незавершенной статье Пушкин намеревался доказать, что «русская поэзия более древ-

няя, чем французская» [Моро: 153]. Вряд ли это так. Вследствие тогдашней неизученности литературы Древней Руси на «древности» русской поэзии Пушкин в то время не настаивал. Как и в оставленном отрывке 1830 г., в 1833–1835 гг. он также с сожалением констатировал: «Европа наводнена была неимоверным множеством поэм <...> и проч.; но старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и *Слово о Полку Игореве* возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» [Пушкин, 1949. Т. 16: 268]. (Появлению этих строк предшествовала заметка в черновом наброске статьи: «Ничтожество древних наших памятников» [Пушкин, 1949. Т. 16: 500].)

Замысел Пушкина, безусловно, заключался в том, чтобы показать величие и достоинство русской литературы *восемнадцатого* века — «явившейся вдруг <...>, подобно русскому дворянству, без предков и родословной» [Пушкин, 1949. Т. 11: 184].

Ниже мы еще раз остановимся на том, как неосмотрительно предложенное С. М. Бонди условное название пушкинской статьи сослужило самому исследователю дурную службу — привело его к столь же неверным суждениям о характере пушкинского замысла. Но уже и сейчас очевидно, что оставшееся в рукописи, не предназначенное для печати рабочее название проспекта статьи следует привести, при обнаружении ее безымянных черновых набросков, в соответствие с действительным содержанием работы, т. е. с взглядами самого Пушкина. Полагаем, что вместо заглавия <О ничтожестве литературы русской> незаглавленные наброски правильнее называть <Мнения о ничтожестве литературы русской>. Это с очевидностью подчеркнет полемический (а не «утвердительный») характер пушкинской статьи.

Чрезвычайно важное значение в этой связи имеет то, что свои итоговые полемические заметки о мнимой бедности русской литературы Пушкин писал в тот самый значимый период в истории России, который был отмечен провозглашением Уваровым в качестве основ народного образования начал Православия, Самодержавия, Народности. Значимость размышлений Пушкина о мнимом «ничтожестве» русской литературы возрастает многократно, если учесть, что из трех «уваровских» составляющих последняя — Народность — отводилась в то время

именно литературе. Русская литература объявлялась в 1834 г. в качестве *главной* выразительности Народности. 4 декабря 1832 г. Уваров поставил задачу придать литературным журналам направление «сходственное с видами правительства» [Уваров: 352], а спустя несколько месяцев, в 1833 г., литература была названа ключевой составляющей Народности. Это принципиальное положение было высказано 31 августа 1833 г. на торжественном заседании Петербургского университета двумя его ведущими профессорами — П. А. Плетневым, представлявшим «голос» историко-филологического факультета (см.: [Плетнев]), и Н. И. Бутырским, деканом философско-юридического факультета (см.: [Бутырский: 56, 58]). Свои речи профессора — оба писатели — произнесли в присутствии Уварова — и, несомненно, выражали не только собственные воззрения на литературу, но и взгляды самого министра. Оба выступления были вскоре обнародованы в первом номере основанного в 1834 г. Уваровым «Журнала Министерства Народного Просвещения».

III

В свете официально провозглашенного в 1834 г. высокого статуса отечественной словесности — как *главной* выразительности Народности — контрастнее оттеняется и тот круг современников, которым Пушкин намеревался адресовать свою оставшуюся незавершенной статью — чье полемическое мнение «о ничтожестве литературы русской» он собирался оспорить в работе, начатой в 1820-х гг.

Парадоксально, но мнение об отсутствии в России «своей» — национальной литературы обсуждалось главным образом в кругах тех литераторов, которые были наиболее ориентированы на Запад — т. е. *не* на традиционные русские ценности. Хотя радовали эти литераторы, на первый взгляд, исключительно за национальную литературу, демонстрировали внешне патриотические намерения, однако если приглядеться, то пафос их восклицаний о «ничтожестве» отечественной словесности скрывал интерес в появлении в России не просто «своей», но *определенного* типа «своей» литературы — отражающей интересы либерального, оппозиционного круга русского общества.

Едва ли не первым вопрос о *такой* «национальной» литературе поставил в 1801 г. литератор Анд. И. Тургенев, сын известного вли-

ятельного масона И. П. Тургенева, старший брат декабриста-эмигранта Николая Тургенева и убежденного западника Александра Тургенева. Ставя задачу «дать другой оборот нашей литературе», Андрей Тургенев восклицал: «О русской литературе! Можем ли мы употребить это слово? Не одно ли это пустое название, тогда когда вещи в самом деле не существуют. Есть литература французская, немецкая, аглинская, но есть ли русская?» [Тургенев: 44]. Одновременно в размышлениях либерала возникает характерная, свойственная в дальнейшем большинству сторонников мнения о «ничтожестве» русской литературы нота: предшествующая русская литература — а имелась в виду именно литература XVIII столетия, на защиту которой и встал в 1820–1830-х гг. Пушкин, — эта литература неудовлетворительна, «ненациональна» для Тургенева тем, что расточает «похвалы» русским монархам: «...Что можешь ты узнать о русском народе, читая Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова, Карамзина... <...> Карамзин <...> более вреден, нежели полезен нашей литературе...» [Тургенев: 44, 46]; «Смею сказать, что Ломоносов, творец российской поэзии, истощая все дарования на похвалы монархам, много потерял для славы своей» [Лотман: 334].

Приятель К. Ф. Рылеева, член Северного общества А. А. Бестужев в 1823 г. писал: «Оставив <...> бесплодное поле русского театра, бросим взор на степь русской прозы. <...> ...Невольно останавливаешься, дивясь безлюдью сей стороны, — что доказывает младенчество просвещения. Гремущка занимает детей прежде циркуля: стихи, как лезть слуху, сносны даже самые посредственные... <...> От сего-то у нас такое множество стихотворцев (не говорю, поэтов) и почти вовсе нет прозаиков...» [Бестужев (а): 26]. Спустя два года, в 1825 г., из уст Бестужева в адрес отечественной словесности последовал приговор: «...У нас есть критика и нет литературы...» [Бестужев (б): 488].

На эти слова Бестужеву отвечал тогда же Пушкин. Поэт «вернул» бестужевский приговор в адрес самого Бестужева, высказавшись в том смысле, что на самом деле у нас нет не литературы, а достойного уровня критики, чтобы ее оценить, т. е. явно упрекнул в предвзятости самого радикального критика: «У нас есть критика, а нет литературы. Где же ты это нашел? именно критики у нас и недостает. Отसेл <неудовлетворительные> репутации Ломоносова и Хераскова... <...> Кумир Державина $\frac{1}{4}$ золотой, $\frac{3}{4}$ свинцовый, донныне еще не оценен.

<...> Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который в басне <...> выше Лафонтена... <...> Нет, фразу твою скажем наоборот: литература кой-какая у нас есть, а критики нет» [Пушкин, 1937. Т. 13: 177–178].

Тогда же, возражая Бестужеву, Пушкин намеревался написать статью. От этого полемического замысла в его бумагах сохранился лишь черновой набросок, который поэт не озаглавил, но которому исследователи дали впоследствии вполне «законное» условное название — <Возражение на статью А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов»> [Пушкин, 1949. Т. 11: 25]. Этот пушкинский набросок, в свою очередь, может рассматриваться в качестве одного из звеньев давнего замысла поэта. Набросок содержит в себе многое из того, над чем размышлял Пушкин начиная с 1822 г. и о чем писал позднее в неозаглавленной статье, которой С. М. Бонди дал опрометчивое название <О ничтожестве литературы русской>. В незавершенных набросках 1833–1835 г., как и в неоконченной статье <Возражение на статью А. Бестужева...>, поэт намеревался в полной мере изложить свои *возражения* на мнения Бестужева и его сторонники о бедности отечественной словесности.

В 1824 г. В. К. Кюхельбекер, единомышленник и приятель Бестужева, в статье «О направлении нашей Поэзии, особенно лирической, в последнее время», напечатанной в альманахе «Мнемозина», тоже выступал за «народность» (за «Поэзию народную», «присвоившую себе все сокровища ума Европы и Азии» [Кюхельбекер (а): 38, 40, 42]) — и опять-таки — в унисон возражениям Тургенева против «похвал монархам», т. е. против одической поэзии Ломоносова и Державина, — ратовал за создание новой «гражданской» оды, в которой воплотилось бы «главное преимущество», «изобретение и новость» «Романтической Поэзии» — «свобода» [Кюхельбекер (а): 39] (см. также: Архипов, Базанов, Левкович: 834)].

От Пушкина на эту статью Кюхельбекера (и на ее продолжение в следующем выпуске «Мнемозины»; см.: [Кюхельбекер (б): 160]) тоже последовало возражение. Черновой набросок задуманной тогда поэтом статьи исследователи тоже озаглавили позднее вполне адекватно: <Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине»> [Пушкин, 1949. Т. 11: 25].

Вслед за Анд. Тургеневым, Бестужевым и Кюхельбекером мнение об отсутствии в России литературы высказал в 1829 г. И. В. Киреевский — будущий славянофил, но в то время еще юный «европеец», апологет «ти-

пографщика Новикова» (руководителя и сотрудника И. П. Тургенева), последователь немецкой философии и ценитель французской словесности. (Последнюю Киреевский, в отличие от пушкинских оценок, одобрял за «тесную связь литературы с жизнью»; за «вкус, приличность, остроумие, чистоту языка» [Киреевский, 1979: 68, 73]). В своем «Обозрении русской словесности 1829 года» Киреевский заявлял: «...Если просвещенный Европейец <...> спросит нас: “Где литература ваша?..” <...> сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы» [Киреевский, 1979: 77–78].

Киреевскому Пушкин тоже немедленно возражал. Прочитировав его строки, Пушкин не без иронии отметил: «...Там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное <...> *Обозрение Словесности*, там есть словесность — и время зрелости оной уже недалеко» («Денница. Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем» [Пушкин, 1949. Т. 11: 109]).

В 1826 г. юный поэт и «любомудр» Д. В. Веневитинов — тоже последовательный адепт немецкой философии — в своей статье «О состоянии просвещения в России» (опубл. в 1831), в свою очередь, утверждал: «...Положение наше в литературном мире — положение совершенно отрицательное» [Веневитинов, 1980: 276].

В 1834 г. Кс. А. Полевой в запрещенном вскоре «Московском Телеграфе» также писал: «У нас нет Литтературы, потому что книги Русские не выражают вполне России. <...> Для человека, для поэта девятнадцатого столетия чужд и тесен язык наших старых писателей. <...> Попытки Жуковского и Пушкина в подражании Русским сказкам — неудачны...» [Полевой: 118, 134, 131]. — Достаточно сравнить с этим мнением Полевого суждение о русских сказках Жуковского и Пушкина, вынесенное в 1831 г. Гоголем. Посылая тогда Жуковскому экземпляры только что вышедшей книжки собственных «сказок» — первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки», Гоголь писал: «Сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно <...> начало чуть не свело меня с ума (имеются в виду «Сказка о царе Берендее» и «Сказка о спящей царевне». — И. В.). И Пушкин окончил свою сказку! («Сказку о царе Салтане». — И. В.) <...> Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол, на славу векам, да поклоняются потомки и да имут место, где возносить

умиленные молитвы свои» [Гоголь, 2009. Т. 10: 165–166]. — Гоголевские строки несут в себе вполне определенные новозаветные реминисценции. Св. апостол Павел в Послании к Ефессянам пишет: «Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе...» (гл. 2, ст. 19–21) (см. также: 1 Петр. 2, 4–5).

В том же 1834 г. мнение либералов, Анд. Тургенева, Бестужева, Кюхельбекера, Веневитинова, И. Киреевского, Кс. Полевого, об отсутствии в России «национальной» литературы — т. е. на самом деле литературы «вольнлюбивого» толка — было не менее однозначно высказано В. Г. Белинским в самой первой его критической работе, принесшей ему известность, — в статье «Литературные мечтания». Статья была написана Белинским вскоре после провозглашения Уваровым общенациональной программы. С подспудной, подцензурной критикой официального курса и выступил Белинский своей статьей. Чтобы согласиться с существованием русской национальной литературы критику не достаточно творчества М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, Г. Р. Державина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского, самого Пушкина и многих других, перечисленных в его статье русских писателей и поэтов [Белинский, 1953. Т. 1: 22, 24]. Белинский заявлял: «...Мы всё еще молимся и поклоняемся многочисленным богам нашего многолюдного Олимпа и нимало не заботимся о том, чтобы справляться почаще с метриками, дабы узнать, точно ли небесного происхождения предметы нашего обожания. <...> История нашей словесности есть <...> история неудачных попыток, посредством слепого подражания иностранным литературам, создать свою литературу...» [Белинский, 1953. Т. 1: 55, 87]; «...У нас нет литературы» [Белинский, 1953. Т. 1: 22].

Подобными эпатажными заявлениями Белинский прямо возражал на статью П. А. Плетнева «О народности в литературе», которая, как отмечалось, 31 августа 1833 г. была прочитана в качестве речи на торжественном собрании Петербургского университета, в присутствии Уварова, а затем напечатана в первом номере основанного министром журнала. В частности, замечая о том, что «для Карамзина еще не наступило потомство» [Белинский, 1953. Т. 1: 56], критик сам подсказывал

читателю, что имеет в виду статью Плетнева. Последний в своей речи, используя выражение из стихотворения Пушкина «Наполеон» (1821), замечал, что для Н. М. Карамзина, «по выражению Поэта, уже настало потомство» [Плетнев: 28].)

В официальной, программной статье «О народности в литературе» Плетнев утверждал: «...Словесность, представила нам первый и прекрасный образец народности. <...> ...Истинная, действительная История народа есть его Литература...» [Плетнев: 5]. Главными выразителями народности Плетнев называл Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина и Крылова.

Споря с Плетневым, Белинский о Ломоносове и Державине, напротив, заявлял: «...Ломоносов<...> прельщенный блеском иноземного просвещения, <...> закрыл глаза для родного... <...> ...Он паялил и корчил русский язык на образец латинского и немецкого... <...> ...Что такое его *похвальные слова*? Набор громких слов и общих мест, <...> плоды заказной работы... <...> ...У Державина <...> все отличается одним общим колоритом: <...> всё представляется в преувеличенных, гиперболических размерах. <...> ...Его *невежество* было причиною его *народности*... <...> Подражатели Ломоносова, Державина и Хераскова оглушили всех громким одопением...» [Белинский, 1953. Т. 1: 43–44, 50–51].

В своей речи Плетнев почему-то не назвал Пушкина. Первым, кто восполнил это упущение Плетнева, был Гоголь, который в 1835 г. в статье «Несколько слов о Пушкине», напечатанной в сборнике «Арабески», подчеркнул глубокую народность Пушкина: «Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа» [Гоголь, 2009. Т. 7: 275]¹.

¹ Само по себе это определение Гоголем «истинной национальности» поэта ничего оригинального не представляло. Такое же представление о народности применительно к пушкинской поэзии высказывали ранее, во второй половине 1820-х гг., Д. В. Веневитинов, Н. И. Надеждин, Кс. А. Полевой, М. А. Максимович, И. В. Киреевский (см.: [Трубицын: 413–416]; [Киреевский, 1828: 193–196]). Достаточно привести высказывание Веневитинова 1825 г.: «Я полагаю народность не в черевичах, не в бородах и проч. <...> но в самих чувствах Поэта...» [Веневитинов, 1825: 38]. Принципиальная новизна Гоголя заключалась в «актуальности»

Белинский в «Литературных мечтаниях», напротив, по поводу Карамзина и Пушкина тоже высказывался неодобрительно: «...Имя Карамзина бессмертно, но сочинения его, исключая “Историю”, уже умерли и никогда не воскреснут!.. <...> Подобно Карамзину, Пушкин был встречен громкими рукоплесканиями... <...> Но <...> “Борис Годунов” был последним великим его подвигом... <...> ...Пушкин <...> умер... <...> По крайней мере, судя по его сказкам, по его поэме “Анджело” и по другим произведениям, <...> мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю» [Белинский, 1953. Т. 1: 60, 71, 73].

Из всех писателей и поэтов Белинский безоговорочно хвалил только А. С. Грибоедова, который, по словам критика, «заклеймил» изображенные в «Горе от ума» лица «мстительною рукою палача-художника» [Белинский, 1953. Т. 1: 81]. Таким же «страшным и мстительным художником» Белинский назвал князя В. Ф. Одоевского: «Как глубоко <...> измерил он неизмеримую пустоту и ничтожество того класса людей, который преследует с таким ожесточением...» [Белинский, 1953. Т. 1: 97].

Особо критик сетовал по поводу недостаточного, по его мнению, уважения общества к «просветителю» Новикову (подвергшемуся, как известно, одновременно с Радищевым, преследованию Екатерины II) — «которого вся жизнь, вся деятельность была направлена к общей пользе»: «Кому не известно, хотя по наслышке, имя Новикова? Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом необыкновенном и, смею сказать, великом человеке!» [Белинский, 1953. Т. 1: 53].

Подводя итог, Белинский заявлял: «...Нам нужна не литература, которая без всяких с нашей стороны усилий явится в свое время, а просвещение! И это просвещение не закоснит...» [Белинский, 1953. Т. 1: 102].

Далее в статье Белинского «Литературные мечтания» следует фраза, которую, по мнению позднейших комментаторов, принадлежит не ему самому, а, возможно, Н. И. Надеждину [Белинский, 1953. Т. 1: 526] — «редактору-издателю» «Молвы», где была напечатана статья критика: «Да! у нас скоро будет *свое* русское, народное просвещение; мы скоро докажем, что не имеем нужды в чуждой умственной опеке. Нам легко это сделать, когда знаменитые сановники, сподвижники

такой постановки вопроса, в приложении мысли о народности поэзии Пушкина к «текущему моменту», к провозглашенным Уваровом началам Православия, Самодержавия, Народности.

царя <...>, являются <...> возвещать <...> священную волю Монарха, указывать путь к просвещению в духе *Православия, Самодержавия и Народности...*» [Белинский, 1953. Т. 1: 102].

Кому принадлежит эта подцензурная фраза, Надеждину или Белинскому, в конце концов не столь важно. Недосказанное, по цензурным соображениям, в «Литературных мечтаниях» Белинский вполне изложил позднее в других статьях, где недвусмысленно выразил свое подлинное отношение началам, провозглашенным Уваровым, — «министром погашения и помрачения просвещения в России», как характеризовал Уварова Белинский в своих частных письмах [Белинский, 1956. Т. 12: 103].

В 1835 г. в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”)» Белинский заявлял: «Литература наша, началась веком *схоластицизма*, потому что направление ее великого основателя <Ломоносова> было не столько художественное, сколько ученое, которое отразилось и на его поэзии, вследствие, его ложных понятий об искусстве. <...> Сам Державин заплатил, к несчастью, слишком большую дань этому направлению, чрез что много повредил и своей самобытности и своему успеху в потомстве. <...> Потом только и слышно было, как наши лирики, *упиваясь одонием*, по выражению одного из них, в своих громогласных одах, взапуски заставляли *плясать реки и скакать холмы...* Это было главное, характеристическое направление» [Белинский, 1953. Т. 2: 259].

Позднее, год от года становясь все безапелляционнее в своих суждениях, Белинский заявлял о Державине: «...Возьмите его торжественные оды: что это такое? <...> ...Кто станет теперь читать эти торжественные оды?»¹; «...*Народного* Державина теперь никто не читает... <...> И что мирового сказал Державин?»²; «Ломоносов не нужен публике; она не читает не только его, но даже и Державина...»³; «...Что <...> мы видим в этом периоде русской литературы? — Пустое и бесплодное подра-

¹ Белинский В. Г. Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы [Белинский, 1953. Т. 2: 9].

² Белинский В. Г. Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого. 1839. Санкт-Петербург [Белинский, 1953. Т. 3: 504].

³ Белинский В. Г. Собрание сочинений М. В. Ломоносова. С.-Петербург. В тип. Императорской Российской Академии. 1840 [Белинский, 1954. Т. 4: 378].

жание, схоластическое, враждебное обществу и жизни направление и случайные проблески дарований — не больше. Видим словесность, но не видим литературы»¹; «...Державин поздно ощутил свою силу, а ощутив, обнаружил ее в исполинских и бесплодных проявлениях... <...> ...Это только имя — не больше; поэт, а не поэзия... <...> ...Поэзия Державина <...> чужда всякого содержания»²; «...Державин <...> мертв для современного общества...»³; «...Державин всего менее заботился о стихе, а так как начал писать очень поздно, то и не мог овладеть ни языком, ни стихом... <...> Державин был певцом царствующего дома в России, <...> он принадлежал к другому веку... <...> ...Общество не нуждалось в стихах Державина и не понимало их... <...> ...В отношении к лести нельзя строго судить Державина: он жил в такие торжественные и хвалебные времена, когда *петь* и *льстить* значило одно и то же...»⁴; «На него обратила внимание Императрица... <...> Этого было достаточно, чтобы всё и все признали стихи Державина за гениальнейшее произведение... <...> ...Тогдашнее общество только убивало в нем талант и мешало ему развиваться»⁵; и т. д., и т. п. — Отдельные положительные суждения Белинского о Державине, две-три сомнительного рода похвалы в адрес поэта (см.: [Курилов: 84–86]), безусловно, отнюдь не выкупают общей массы негативных отзывов критика о державинском (и ломоносовском) наследии.

Гоголь характеризовал многочисленные выступления Белинского против Державина как свидетельство недостойного критика «неуважения к Державину». Когда эти гоголевские слова дошли до Белинского, то последний в письме к В. П. Боткину от 31 марта 1842 г. не без раздражения защищался: «*Неуважение к Державину возмутило мою душу чувством болезненного отвращения к Гоголю...*» [Белинский, 1956. Т. 12: 90].

¹ Белинский В. Г. Русская литература в 1840 году [Белинский, 1954. Т. 4: 416].

² Белинский В. Г. Русская литература в 1841 году [Белинский, 1954. Т. 5: 528, 530].

³ Белинский В. Г. Речь о критике [Белинский, 1955. Т. 6: 291].

⁴ Белинский В. Г. Сочинения Державина. Четыре части. Санкт-Петербург. 1843 [Белинский, 1955. Т. 6: 610, 650–652].

⁵ Белинский В. Г. Сочинения Державина. Биография писана Н. А. Полевым. Издание Д. П. Штукина. Санкт-Петербург. В тип. Константина Жернакова. 1845 [Белинский, 1955. Т. 9: 296].

В 1835 г. в статье, посвященной гоголевским «Арабескам» и «Миргороду», Белинский вступил в спор и с Гоголем, резко критически отозвавшись о его статьях, помещенных в первом сборнике. В основе неприятия Белинским «ученых статей» Гоголя тоже лежали идеологические причины. С первых своих статей Белинский вступил в литературу как убежденный западник, апологет петровских преобразований, откровенно сочувствующий протестантизму. В 1836 г. он, в частности, сравнивая «Северную думу» — протестантизм — с католицизмом и Православием, без обиняков называл ее «истинным знанием» [Белинский, 1976. Т. 1: 322] (в печать это признание не попало и было опубликовано впервые только в 1969 г.). В «Литературных мечтаниях» критик замечал о русском народе: «Крепко стоял он за Церковь Божию, за веру праотцев <...> Но <...> это была жизнь <...> односторонняя <...> Петр был совершенно прав...» [Белинский, 1953. Т. 1: 37, 39]; «...Русская жизнь до Петра Великого была слишком <...> односторонна...» [Белинский, 1953. Т. 1: 93]. В статье «О стихотворениях г. Баратынского» (1835) Белинский добавлял: «...Народ довольствовался скудной житейской философией, лениво наследованною им от праотцев <...> был чужд всякого движения вперед, всякого стремления к совершенствованию...» [Белинский, 1953. Т. 1: 321]. Подобное отношение к русской национальной культуре и ее сокровищнице — Православию, где духовное и нравственное совершенствование человека полагается целью всей его жизни, не было неожиданностью для Белинского. Все это он высказывал и ранее, и с еще большей безапелляционностью, вполне предвосхищая обороты и интонации будущего Хлестакова. В 1830 г. он писал матери: «Маменька, Вы уже в другом письме увещеваете меня ходить по церквам... <...> Шататься мне по оним некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел... <...> Я пошел по такому отделению, которое требует, чтобы иметь познание и толк во всех изящных искусствах. И потому я прошу Вас уволить меня от нравочений такого рода: уверяю Вас, что они будут бесполезны» [Белинский, 1956. Т. 11: 35].

В своем западничестве Белинский выступал лишь против «слепой подражательности» и ратовал за создание «нашими руками» и «на родной почве» национального «просвещения», в основе которого лежала бы, однако, идея европейского прогресса (см.: [Белинский, 1953. Т. 1: 38, 43–44, 53–55, 101–102]). Истолковав повести Гоголя в «Арабесках»

и «Миргороде» как проявление этого национального «просвещения» (приведшего от «гимна», «поэмы» и «молитвы» «младенчествующего человека» к современным — якобы заменившим их — «повести и роману» [Белинский, 1953. Т. 1: 262–268, 271–272, 284]), другими словами, найдя в гоголевских произведениях, по замечанию Я. М. Неверова, «свою любимую реальную поэзию» [Неверов: 433] (в противовес «идеальной» — древнего источника «религии и нравственности» [Белинский, 1953. Т. 1: 265]), Белинский столкнулся с открыто выраженным иным отношением к идее прогресса в гоголевских статьях.

Таким образом, Белинский, не одобрявший русскую литературу XVIII в. за «гимны» и оды царям, определенно «в пику» начинаниям министра, вразрез с «официальным» пониманием народности, представленным именами Плетнева, Пушкина, Уварова, Шевырева, Бутырского, Межевича (см.: [Межевич]), Гоголя и др., объявил в 1834 г. русскую литературу не существующей¹. Подразумевал под этим критик, конечно, не саму словесность — к тому времени уже довольно богатую, — а то, что в ней не было еще той пропагандистской литературы, отрицающей традиционные ценности, «отцом» которой — главой «натуральной школы» — сам критик стал несколько лет спустя.

По утверждению С. М. Бонди, Пушкин «бросил» свою сопоставительную статью о русской и французской литературах после того, как в конце 1834 — начале 1835 г. прочел в «Молве» статью Белинского «Литературные мечтания». Такое утверждение исследователя зиждется на очевидном недоразумении. То, что статьи Пушкина и Белинского посвящены одной теме — мнимой или действительной «ничтожности» русской литературы, несомненно. Но на этом сходство заканчивается. То, на чем настаивает либерал Белинский — «у нас нет литературы» [Белинский, 1953. Т. 1: 22–23], решительно отрицает «аристократ» и консерватор Пушкин — продолжая свой давний спор с Бестужевым и Кюхельбекером. Поэтому говорить о том, что статья Белинского якобы «совпадает» по своему замыслу с статьей Пушкина, значит впадать в грубую ошибку. Отдавая дань своему времени, С. М. Бонди писал: «Прочтя эту статью Белинского, столь совпадающую по основной установке и даже по общему замыслу с начатой им статьей “О ничтожестве

¹ О современном значении полемики насчет мнимой «ничтожности» русской литературы см.: [Захаров].

литературы русской», Пушкин конечно должен был отказаться от своего замысла» [Бонди: 441]. — Ошибочное решение исследователя насчет названия неозаглавленной пушкинской статьи о мнимой бедности отечественной словесности привело ученого к столь же превратным представлениям о характере пушкинского замысла.

На самом деле свою статью <Мнения о ничтожестве литературы русской> Пушкин после выхода в свет «Литературных мечтаний» Белинского отнюдь не «бросил», а, вопреки предположению С. М. Бонди, напротив, стал писать соответствующую критику на «мечтания» начинающего критика — продолжая тем самым многолетний спор с радикалами. Так, Белинский, заявляя, что «у нас нет литературы», задевал в своей статье, кроме Ломоносова, Державина и др., еще одного русского поэта XVIII в. — князя А. Д. Кантемира: «Он был иностранец <...>, не мог сочувствовать народу... <...>Что он был не поэт, этому доказательством служит то, что он забыт» [Белинский, 1953. Т. 1: 41]. Сохранилось два пушкинских отрывка, представляющие собой прямое возражение на это мнение Белинского (см.: [Пушкин, 1949. Т. 11: 495], [Благой: 248]). Ф. Я. Прийма, излагая в 1977 г. суть возражений поэта, писал: «Если для одержимого юношеским рвением критика сатиры Кантемира были литературными экзерсисами не понимающего запросов русской жизни иностранца, то Пушкин видел в них выражение тех требований национальной действительности, которые сохраняли свою общественную важность на всем протяжении XVIII века» [Прийма: 31]. Кроме самого содержания двух пушкинских отрывков — не без оснований помещаемых в собраниях сочинений поэта среди набросков статьи <Мнения о ничтожестве литературы русской> [Пушкин, 1949. Т. 11: 494–496], — на их полемическую связь с «Литературными мечтаниями» Белинского указывают и хронологические данные рукописи. Как отметил Д. Д. Благой [Благой: 248], написаны эти заметки на обороте письма к Пушкину М. П. Бутурлина от 23 мая 1835 г. [Пушкин, 1949. Т. 16: 27], т. е. спустя пять месяцев после выхода в свет статьи Белинского.

Пытаясь как-то аргументировать свое сомнительное заявление о будто бы «совпадении» взглядов Пушкина и Белинского по вопросу о «ничтожестве» русской литературы, С. М. Бонди сделал еще одно «наблюдение», «научность» которого тоже является мнимой. Исследователь утверждал: «Белинского же, как мы теперь знаем, он

<Пушкин> последние годы ценил очень высоко, вел с ним переговоры о работе его в “Современнике” и дал в “Письме к издателю” (за подписью А. Б.) крайне сочувственный (хотя и с оговоркой) отзыв от деятельности молодого критика» [Бонди: 441].

Вся эта фраза представляет собой очевидную дань радикальной эпохе. Известно, что, ведя «переговоры» об участии либерала Белинского в «Современнике», Пушкин приглашал его в журнал, «в качестве рецензента», «только с условием — подчинять свои личные воззрения в статьях тем мнениям, какие скажет ему сам Пушкин» [Виноградов, 2017. Т. 2: 535] (это в итоге и завело переговоры в тупик). Собственную критическую деятельность Белинского консервативно настроенный Пушкин оценивал тогда отнюдь не «крайне сочувственно», а напротив, довольно сдержанно. В «Письме к издателю», напечатанном в 1836 г. в третьем томе «Современника», Пушкин замечал о Белинском: «Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного» [Пушкин, 1836: 327–328]. Точно такую же, в свою очередь смягченную соображениями публичности, оценку деятельности молодого Белинского давал в черновых набросках статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» и Гоголь — единомышленник и «сорработник» Пушкина по «Современнику». (Гоголевская и пушкинская характеристики Белинского настолько схожи, что исследователи высказывали даже мнение, что Пушкин «воспользовался» оценкой Гоголя [Долдобанов, Сидоров: 467].) «Вкус» Белинского Гоголь в своей статье называл «молодым и опрометчивым» — и лишь обещающим «будущее развитие» [Гоголь, 1952. Т. 8: 532–533]. Характеризуя Белинского, Гоголь противопоставлял ему, в той же статье, журнальные статьи всегдашнего оппонента «опрометчивого» критика, тоже москвича, близкого друга Пушкина, С. П. Шевырева: «В них виден везде мыслящий человек...» [Гоголь, 1952. Т. 8: 533]; «Справедливость требует упомянуть о критиках Шевырева, как об утешительном исключении» [Гоголь, 1952. Т. 8: 175]. В сентябре 1836 г. Пушкин вступил в новый спор с Белинским, на этот раз по поводу книги С. Пеллико «Об обязанностях человека» (см.: [Прийма: 42–43], [Долдобанов, Сидоров: 852–854]).

Очевидно, что именно в ответ юным либералам, последователям «волканической» французской словесности (выражение князя П. А. Вяземского; см.: [Гиллельсон, 1966: 128]), Пушкин и задумывал и писал на протяжении более десятка лет свою статью в защиту русской литературы. В незавершенной статье о мнимом «ничтожестве» русской литературы Пушкин так же, как в статьях о Радищеве, вступил в принципиальный спор с своими радикально настроенными современниками. И спор этот был не литературный, а политический, общественный. Даже С. М. Бонди в 1934 г. вынужден был констатировать, что с мнением критиков Бестужева и Кюхельбекера поэт «в большинстве вопросов <...> не соглашался» [Бонди: 423].

IV

Мысль о «самопожирании» зла, воплощенная Данте, Пушкиным и Гоголем в их произведениях, полемика Пушкина и Гоголя с Радищевым по поводу оправдания «тираноубийц», а также спор в защиту Ломоносова и Державина, по поводу кажущейся радикалам «ничтожности» русской литературы, находят дальнейшее развитие в гоголевском творчестве в последовательной апологии монархического правления перед мятежной, исповедующей «законность» цареубийства идеологией.

В оде «Вольность» Радищев с свойственной ему категоричностью утверждал, что реализация творческих способностей человека при самодержавном правлении невозможна — в любых сферах, что под царской властью «плодов златых не возрастет» — «великость там не прозябет» [Радищев: 4]. По мнению Радищева, при монархической власти «всё ума претит стремленью»: «Там нивы запустеют тучны, <...> В сохе уснет ленивый вол, / Блестящий меч померкнет славы, / Минервин храм стал обветшалый...» [Радищев: 4].

Напротив, Гоголь, — судя по всему, непосредственно возражая, вслед за Пушкиным, Радищеву, — не один раз в своих письмах и произведениях подчеркивал, что расцвет талантов достойным образом обеспечивает именно единое правление. Одним из главных аргументов в споре с Радищевым для Гоголя опять-таки стало, как и в вопросе о «тираноборцах», наследие Данте, а именно судьба средневекового поэта в республиканской Италии.

В 1834 г. Гоголь сделал из книги английского историка Г. Галлама «Взгляд на состояние Европы в Средние века» следующую выписку: «В одной из революций, произведенных <...> разветвлением заговоров, Флоренция изгнала из стен своих Данта Алигиери... <...> При начале республик ломбардских их ссоры <...> были ограничиваемы посредничеством императора, и потеря этого влияния <...> была одна из причин, доведших Италию до такого состояния...» [Гоголь, 2009. Т. 8: 260].

Этой выпиской Гоголь прямо воспользовался в 1842 г. при создании второй редакции повести «Портрет». Здесь в уста Императрицы Екатерины II он вложил (памятуя о защите Пушкиным русской словесности XVIII века) рассуждение о том, что «не под монархическим правлением <...> презираются и преследуются творенья ума, поэзии и художеств; что, напротив, одни монархи бывали их покровителями; что Шекспиры, Мольеры процветали под их великодушной защитой, между тем как Дант не мог найти угла в своей республиканской родине; что истинные гении возникают во время блеска и могущества государей и государств, а не во время безобразных политических явлений и терроризмов республиканских, которые доселе не подарили миру ни одного поэта...» [Гоголь, 2009. Т. 3–4: 104].

В 1837 г. Гоголь писал самому Императору Николаю I: «Участь поэтов печальна на земле: им нет пристанища, им не прощают бедную крупицу таланта, их гонят, — но Венценосные Властители становились их великодушными Заступниками» [Гоголь, 2009. Т. 11: 106]. — Добавим, что одновременно в гоголевских воззрениях складывался образ идеального монарха-педагога, чуткого наставника, с любовью замечающего и поддерживающего духовное и профессиональное возрастание его подопечных¹. Это, в свою очередь, было следствием тех личных наблюдений Гоголя, которые он делал, следя в 1830-х гг. за взаимоотношениями Пушкина и власти, за проявлениями монархических убеждений поэта. Кроме того, уже с первых шагов в литературе, начиная с «Ганца Кюхельгартена», Гоголь вступил в тогдашнюю полемику о так называемом «лишнем человеке». (Сам этот термин появился позднее. Гоголь называл подобный тип «огорченным человеком».) Проблему послед-

¹ Виноградов И. А. Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 7–30.

него автор «Тараса Бульбы» видел не в «среде» (как на этом настаивала радикальная критика), а в нежелании самого «лишнего человека» возрастать в назначенном ему Богом и Отечеством служении [Виноградов, 2018].

Итоговую оценку роли самодержавной власти в воспитании талантов в эпоху Екатерины II Гоголь сформулировал в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «В эпоху Екатерины, царствование которой можно назвать блестящей выставкой первых русских произведений, <...> на всех поприщах стали выказываться русские таланты, — с битвами вознеслись полководцы, с учрежденьями внутренними государственные дельцы, с переговорами дипломаты, с академиями словесники и ученые...» [Гоголь, 2009. Т. 6: 158–159].

Вопреки радикальным заявлениям Радищева о пагубности монархического правления, Гоголь, при неизменной критике «тиранов», тем не менее столь же постоянно подчеркивал созидательную роль единодержавия в жизни народа. Кроме уже указанных произведений Гоголя, об этом свидетельствует содержание еще нескольких его статей, написанных в знаменательном 1834 г.

В статье «О Средних веках» Гоголь замечал: «Главный сюжет Средней истории есть — папа. <...> Не стану говорить о злоупотреблении и о тяжести оков духовного деспота. Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость Провидения... <...> ...Власть папам <...> дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали <...> чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна» [Гоголь, 2009. Т. 7: 179].

Говоря о завершении Средних веков — характеризовавшихся объединительными, но недостаточными усилиями папы («...еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленький император...» [Гоголь, 2009. Т. 7: 183]), Гоголь в статье «О преподавании всеобщей истории» продолжал: «Духовная власть пала. Государи становятся сильнее. <...> Государства, народы сливаются плотнее в нераздельные массы. Нет того разъединения власти, как в средние века. Она сосредоточивается более в одном лице. И как оттого сильные характеры становятся виднее, круг государей, министров, полководцев обширнее!» [Гоголь, 2009. Т. 6: 280].

О том же Гоголь писал и в статье «Несколько слов о Пушкине» 1834 г., где подводил итог своих размышлений над отечественной исто-

рией: «Русская история, только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частию был бесцветен...» [Гоголь, 2009. Т. 7: 276].

В еще одной из статей, написанных в 1834 г., «Взгляд на составление Малороссии», Гоголь писал: «Какое ужасно-ничтожное время представляет для России XIII век! Сотни мелких государств, единоверных, одноплеменных, одноязычных... <...> — эти мелкие государства так были между собою разъединены, как редко случается с разнохарактерными народами. <...> ...Это был хаос браней за временное, за минутное — браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманских князьях» [Гоголь, 2009. Т. 7: 160].

Ни пушкинские, ни гоголевские взгляды никогда не имели ничего общего с обличением Радищевым в его стихах «тусклого», якобы «гнетущего» Россию «трона» [Радищев: 3]. По целому ряду фактов, по содержанию самой пушкинской *юношеской* оды «Вольность», а также по глубокому убеждению Гоголя, сугубый «аристократ» Пушкин — чей предок «бранный / Святому Невскому служил» («Моя родословная» [Пушкин, 1948. Т. 3. Кн. 1: 262; Пушкин, 1949. Т. 3. Кн. 2: 873]), даже в первоначальный, «разгульный» период его жизни — результатом которого стала южная ссылка — отнюдь не был вольнодумцем. Согласно гоголевскому объяснению, так называемое юношеское «вольнодумство» Пушкина проистекало вовсе не из политического вольномыслия, но было законной, справедливой оппозицией юности перед косной, мертвящей старостью. Гоголь рассуждал о противостоянии чистой — и в этом смысле «консервативной» — полной сил молодости перед действительно «вольнодумным», либерально-масонским, зараженным с XVIII в. фривольными привычками и умствованиями «старым» обществом [Гоголь, 2009. Т. 7: 709–712]. Даже В. Г. Белинский, характеризуя в 1834 г. в «Литературных мечтаниях» «пушкинский период нашей словесности», замечал: «Лицемерный, развратный, приторный осьмнадцатый век испустил свое последнее дыхание, и с девятнадцатым столетием ум и вкус возродились для новой, лучшей жизни» [Белинский, 1953. Т. 1: 66].

Вообще говоря, размышления о «тиранах» были общим местом в представлениях современников Пушкина и Гоголя. Ничего исключительного, говорящего о «революционном» духе писателей в этом

не заключалось; ничего предосудительного в частых упоминаниях о «тиранах» власть не усматривала. Девиз Молчалиных «не сметь свое суждение иметь» не входил в число принципов внутренней политики русского государства — как ни пытались доказать это позднейшие критики самодержавного правления. (Напротив, — в полной мере этот принцип стал решающим для той модели государства, которое в итоге построили радикальные идеологи.)

Даже в таком важном месте формирования общественного мнения как театр, дежурные «театральные тираны» французских «бесцветных пьес» [Гоголь, 2009. Т. 7: 509, 520] не воспринимались как пропагандистские акции против существующей власти: такие пьесы свободно ставились на *Императорском* театре. Цензура не видела в этих «предостерегающих» образах ничего опасного и общих рассуждений на этот счет не преследовала¹. Неудивительно, что размышления о «тиранах» были в достаточной мере свойственны и Пушкину, и Гоголю.

Так, Гоголь в университетских лекциях, читанных им в Петербурге в первой половине 1830-х гг. в Патриотическом институте и Императорском университете, отмечал, к примеру, в древней истории тех из римских императоров, которые, будучи «тиранами», «недостойны были престола» [Гоголь, 2009. Т. 8: 90]. Размышляя о древней Мидии, он упоминал, как «под правлением собственной тирании» эта страна терпела «неустройство» — от которого, впрочем, избавилась избранием достойного царя — проявившего себя «справедливыми решениями и советами» [Гоголь, 2009. Т. 8: 122]. — Эту же мысль, кстати, ранее воплотил Пушкин в своих «Стансах» (1826): «В надежде славы и добра / Гляжу вперед я без боязни: / Начало славных дней Петра / Мрачили мятежи и казни. / Но правдой он привлек сердца...» [Пушкин, 1948. Т. 3. Кн. 1: 40].

Гоголь указывал также на «тиранство, ужасную нравственную болезнь властителя», короля вандалов Гензериха [Гоголь, 2009. Т. 7: 343]. Переходя к средним векам, он говорил о «жестоких и ненавистных» испанских монархах, «мстивших клятвопреступ<никам> и преду-

¹ Безусловно, были и исключения, в частности, для Москвы. Так, В. П. Андросов 23 сентября 1836 г. жаловался А. А. Краевскому: «...У Вас, в Петербурге, все-таки больше средств и возможности вести журнальное дело, нежели у нас, где цензура не позволяет даже напечатать, что *наша Египетский действует деспотически*» [Долдобанов, Сидоров: 369].

преждавших <их> из боязни измены», в частности, упоминал об «ужасной тирании» короля Кастилии и Лиона Педро I — «Петра Жестокого» [Гоголь, 2009. Т. 8: 207]; размышлял об итальянских городах, которые «несмотря на демократию свою, злоупотребляли и тиранствовали над соседями», об «учреждении мелких тираний на развалинах прав республиканских» этих городов [Гоголь, 2009. Т. 8: 247, 260]. В новой истории Гоголь обращал внимание на «странного и мудрого тирана Людовика XI» (основателя абсолютной монархии во Франции) [Гоголь, 2009. Т. 8: 136] и пр.

Все эти исторические обличительные экскурсы Гоголя в адрес «тиранов» и «тиранства», однако, не мешали писателю оставаться убежденным монархистом. Критические высказывания по поводу недостатков того или иного правления не приводили его в ряды противников трона — куда так настойчиво зачисляли и Гоголя, и Пушкина противники русской государственности. В этом отношении радикальные публицисты наблюдали за русскими писателями бдительней самой цензуры.

Однако все попытки противопоставить Пушкина царю в итоге оказывались тщетными. Даже критикуя «тиранов», Гоголь и Пушкин хорошо представляли последствия, к каким могло привести для государства возвышение оппозиционной боярской аристократии — «споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством», — по словам Пушкина [Пушкин, 1949. Т. 11: 268].

Гоголь, помимо многочисленных примеров из истории удельной Руси, кроме примера из истории Ивана Грозного — «притеснявшего и казнившего», ради единства страны, высокородных бояр [Гоголь, 2009. Т. 6: 47], пагубность местной аристократии отмечал также в истории Италии VI в. — вскоре после утраты ею бывшего римского единства. В одной из университетских лекций 1834 г. Гоголь писал: «...В землях ломбардских произошла аристократическая анархия: 30 герцогов, обративших свое достоинство в наследственное, тиранствовали каждый в своей провинции, <...> установили в больших городах, на место римских префектов, ломбардских графов, <...> и в 10 лет такого правления опустошили города...» [Гоголь, 2009. Т. 8: 197]. «...Наконец, — заключал Гоголь, — наскучив ничтожностью своей беспорядочной аристократии, <они> избрали короля...» [Гоголь, 2009. Т. 8: 183].

В этом же ряду следует упомянуть понимание С. П. Шевыревым «монархического», консервативного — и в то же время всеобъемлюще-

го, «энциклопедического» наследия Данте как явления глубоко *народного*, и по содержанию, и по языку. Это понимание Шевырев изложил в уже упомянутой его обширной диссертации «Дант и его век», публикация которой в московском университетском журнале была завершена в 1834 г. В соответствии с официально провозглашенным тогда представлением о Народности литературы Шевырев, завершая свой труд, называл Данте главным выразителем народной жизни его века — «апофеозом народа» [Шевырев: 391].

Таким образом, Гоголь, вслед за Пушкиным, возражал и Радищеву, заявлявшему о пагубности монархического правления для развития талантов, и Белинскому, который, как отмечалось, тоже писал о том, что «тогдашнее общество только убивало» талант в Державине «и мешало ему развиваться» [Белинский, 1955. Т. 9: 296]. Разделяя монархические убеждения поэта, Гоголь, вопреки мнениям радикалов, указывал на плодотворное сотрудничество писателя и власти.

V

Еще больше консервативного «аристократизма» явил Пушкин в своем поведении и творчестве в 1830-х гг. Помимо обстоятельств личного характера, упрочению «охранительных» взглядов поэта определенно способствовало польское восстание 1830–1831 гг. (см.: [Беляев]; [Ивинский]), а также тот знаменательный поворот, который совершился во внутривнутриполитической жизни страны в последующие годы.

Начинания нового министра народного просвещения Уварова на рубеже 1833–1834 гг., провозглашение отечественной литературы в качестве главной основы Народности являло собой, по сути, прямое предложение к литераторам о сотрудничестве — и оказалось глубоко созвучным современникам, в том числе Пушкину и Гоголю. Этот поворот государственной политики — от недавней космополитической деятельности на ниве просвещения министров А. Н. Голицына и К. А. Ливена, от русского вольтерьянства XVIII в. — органично «совпал» с собственными, внутренними устремлениями Гоголя как писателя, который вступил с конца 1833 г. с Уваровым в открытое сотрудничество, заняв в 1834 г. кафедру истории Петербургского университета и опубликовав в только что основанном министром журнале

четыре статьи. Эти статьи — «План преподавания всеобщей истории», «Отрывок из Истории Малороссии», «О малороссийских песнях», «О Средних веках» — стали основой написанного тогда же «Тараса Бульбы» [Виноградов, 2009: 428].

Проводимый министром правительственный курс существенным образом сказался как в жизни всего русского общества, так и в судьбе его отдельных членов. Вступая в новый, 1834 г., Гоголь писал: «Таинственный, неизъяснимый 1834! Где означу я тебя великими трудами? <...> Я совершу... Я совершу! Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны» [Гоголь, 2009. Т. 7: 155–156].

По-видимому, лирическое воззвание Гоголя и следовавшие вскоре его интенсивные размышления о позитивной роли власти для народной жизни, изложенные в статьях 1834 г., были прямо связаны с инициативами Уварова.

В стороне от провозглашенного нового курса не остался и Пушкин. Само назначение Гоголя в 1834 г. адъюнкт-профессором Императорского университета произошло не без участия Пушкина. Если в 1831 г. свое первое место в качестве преподавателя истории — в Патриотическом институте — Гоголь получил благодаря ходатайству перед императрицей Александрой Феодоровной друга Пушкина, Плетнева, то теперь о поступлении в университет ходатайствовал за Гоголя перед Уваровым сам поэт.

В то время Пушкин находился еще в близких, почти дружеских отношениях с Уваровым. Для Гоголя, в частности, безусловно значимым было совместное посещение 27 сентября 1832 г. Уваровым и Пушкиным Московского университета¹. (Уваров приезжал тогда в Москву в целях обозрения Московского учебного округа.) Годом раньше — в то время, когда Пушкин написал свой известный отзыв о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя, — Уваров перевел на французский язык стихотворение поэта «Клеветникам России» (1831)². В последующие годы, вплоть до начала 1835-го, Пушкин также не прерывал общения

¹ См. письмо А. С. Пушкина к жене от 28–30 сентября 1832 г. [Пушкин, 1948. Т. 15: 33], воспоминания В. С. Межевича 1842 г. [Богаевская: 401], И. А. Гончарова 1887 г. [Гончаров: 253], свидетельство П. И. Бартенева 1863 г. [Бартенева: 304].

² См. письмо С. С. Уварова к А. С. Пушкину от 8 октября 1831 г. и ответ Пушкина от 21 октября того же года: [Пушкин, 1941. Т. 14: 232–233, 236].

с Уваровым. В дневнике поэта, в частности, сохранилась запись от 10 апреля 1834 г.: «Вчера вечер у Уварова — живые картины» [Пушкин, 1949. Т. 12: 325].

Само представление о народности русской литературы, провозглашенное в 1834 г. Уваровым, вынашивалось в пушкинских кругах. Предваряя уваровские начинания, в окружении Пушкина складывался взгляд на писателя как возможного сотрудника Государя в решении общенациональных задач.

В июле 1831 г. сам Пушкин в черновике письма к А. Х. Бенкендорфу писал: «Если Государю Императору угодно будет употребить перо мое [для] политических статей, то постараюсь с точностию и с усердием исполнить волю Его Величества. <...> С радостью взялся бы я за редакцию *Политического и Литературного журнала*, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости — около которого соединил бы писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к Просвещению» [Пушкин, 1941. Т. 14: 283–284].

В. А. Жуковский после запрещения в 1832 г. журнала И. В. Киреевского «Европеец» в письме к Бенкендорфу (лично прочитанном адресату) замечал: «Литература есть одна из главных необходимостей народа, есть одно из сильнейших средств в руках правительства действовать на умы и на их образование. Правительство должно давать литературе жизнь и быть ей другом, дабы она с своей стороны с ним сдружилась и действовала благотворно в его смысле...» [Гиллельсон, 1965: 117–118]. В связи с этим Жуковский писал: «Хороший журнал литературный и политический есть для нас необходимость. <...> Журнал, издаваемый под моим влиянием, обратил бы общее внимание публики... <...> Таким образом, <...> литература получила бы направление более благородное и, будучи в одно время и голосом публики, и голосом правительства, сделалась бы необходимо деятельным способом теснейшего соединения между ими» [Гиллельсон, 1965: 118].

В числе литераторов, которых Жуковский предполагал привлечь к участию в своем журнале, были имена Пушкина, Гоголя, Одоевского, Вяземского, Шевырева, Киреевского, Боратынского, Хомякова, Языкова, Погодина, Крылова и др. [Гиллельсон, 1965: 118]. Многие из упомянутых Жуковским поэтов и писателей позднее сотрудничали в пушкинском «Современнике» [Гиллельсон, 1965: 119].

В конце марта — начале апреля 1833 г. князь П. А. Вяземский, подобно Жуковскому, призывая правительство основать журнал под его, Вяземского, «руководством», в свою очередь, писал: «Число русских читателей увеличивается со дня на день, пресса становится более деятельной... <...> Правительство должно со вниманием отнестись к этому явлению, оно должно овладеть этим умственным движением, дать ему здоровое направление. <...> Все талантливые люди присоединились бы к подобному предприятию... <...> Подобный журнал сразу же парализовал бы все фрондирующие и противоречащие элементы среди молодых литераторов, так как открытое правительством поприще для талантов удовлетворило бы честолюбие всех и дало бы возможность развивать способности на законном основании. <...> Верховная власть должна быть у нас во главе всякой деятельности и развития страны» [Гиллельсон, 1966: 127]. В другой записке Вяземский добавлял: «Мы видели, как Екатерина употребляла литературу орудием своих государственных видов. Журналы, издаваемые под ее наблюдением и в коих она сама участвовала, комедии, писанные ею или приближенными ее, содействовали правительственным мерам и служили часто, так сказать, предисловиями и пополнениями к ее именным повелениям. <...> В России более, нежели где-нибудь, правительство должно иметь литературу союзницею себе, но союзницею добровольною, бескорыстною, благородною. <...> Журнал политический, административный, литературный, образовательный по всем частям, входящим в состав истинной государственной образованности, был бы у нас важное и полезное явление. <...> Ныне русские поставлены между извержениями огнедышащих мнений иноплеменных, между волканическою литературою французскою и замерзлым прудом русской литературы. Нам нужно непременно иметь теплые ключи целительной, живой воды, для избежания невыгод, следующих за двумя крайностями» [Гиллельсон, 1966: 127–128].

Поскольку именно Пушкин ввел Гоголя в круг Уварова, то участие Гоголя в 1834 г. в уваровском журнале было для него столь же органичным, как и последовавшая затем работа в пушкинском журнале. И журнал Уварова, и журнал Пушкина были для писателя единым поприщем «службы царю и земле своей» (по словам Гоголя в статье «Занимающему важное место» [Гоголь, 2009. Т. 6: 147]). «Генеральная линия» развития Гоголя, заданная в школьные годы погодинско-ше-

выревским «Московским Вестником», глубоким изучением в гимназии славянской и мировой истории, нашла законное продолжение в гоголевских публикациях в «Журнале Министерства Народного Просвещения» — а затем получила естественное развитие в литературно-критической деятельности Гоголя в журнале «Современник».

Самому Пушкину также было присуще понимание общности задачи, стоявшей перед ним как издателем «Современника» и самим министерством. Еще в 1831 г., испрашивая у управляющего III Отделением М. Я. фон Фока разрешение на периодическое издание, Пушкин писал: «Могу сказать, что в последнее пятилетие царствования покойного Государя я имел на всё сословие литераторов гораздо более влияния, чем Министерство, несмотря на неизмеримое неравенство средств» [Пушкин, 1941. Т. 14: 280] (см. также: [Долдобанов: 110–111]).

VI

Вся эта почти «идеальная» картина поступательного, органичного развития русской журналистики и литературы в союзе с образовательными инициативами правительства разбивается, однако, одним ударом, который невольно нанес этому позитивному движению сам основатель «Современника» — Пушкин. Готовность пушкинского круга и самого поэта содействовать власти в деле общенационального строительства потерпела разительное крушение от одного необдуманного поступка — памфлета Пушкина против Уварова «На выздоровление Лукулла».

Так уж «совпало», сошлось во времени, что Высочайшее разрешение на издание журнала и пушкинский пасквиль на Уварова явились в Петербурге почти в один день. Стихотворение «На выздоровление Лукулла», где Пушкин выплеснул свое негодование против Уварова, было напечатано в конце декабря в сентябрьской книжке «Московского Наблюдателя» за 1835 г.; в Петербурге номер журнала появился около 15 января 1836 г. Тогда же, около 15 января 1836 г., Пушкин узнал о поступившем 14 января в канцелярию Уварова разрешении Государя на издание журнала «Современник».

В день около 15 января, собственно говоря, все и было решено. Только зарождающийся журнал у самых своих истоков был беспово-

ротным образом лишен широких перспектив развития. И сделал это, «своими руками», сам создатель журнала. В 1836 г. вышел первый номер «Современника», в котором активное участие принимал Гоголь, в продолжение 1836–1837 гг. вышли еще пять номеров, но судьба журнала — как важного общественного и политического издания — была предreshена еще до выхода первого номера.

Написав и отправив в начале декабря 1835 г. в «Московский Наблюдатель» оду «На выздоровление Лукулла», Пушкин 31 декабря 1835 г. обратился к Государю (через графа А. Х. Бенкендорфа) с прошением о новом издании [Пушкин, 1949. Т. 16: 69–70]. Но брошенный в Уварова памфлет еще до зарождения журнала стал препятствием к возрастанию «Современника» в издание, важное для всех слоев русского общества. Размолвка между поэтом и министром превратилась в серьезную преграду к становлению пушкинского журнала как русского периодического издания общенационального культурно-исторического, политического и государственного значения. А что такой потенциал у журнала был, сомневаться не приходится. Вокруг «Современника», благодаря Пушкину, намечалось объединение сил ведущих литераторов страны. Но попытка поднять просвещение России на новый уровень без союза с властью, без тесного сотрудничества министерством просвещения была во многом обречена.

Свой стратегический просчет как журналиста и писателя, свою досадную оплошность вскоре понял — и в полной мере осознал сам Пушкин. Отрезвлению, вероятно, способствовало почти единодушное осуждение поэта за его пасквиль на Уварова. В. А. Жуковский в черновике письма к графу А. Х. Бенкендорфу от февраля-марта 1837 г. замечал, что за публикацию Пушкиным памфлета «На выздоровление Лукулла», «все друзья его жестоко ему упрекали» [Щеголев, 1987: 213]. (Одобрение, как и следовало ожидать, явилось лишь со стороны «врагов Уварова» [Никитенко: 180]. Так, ликовал по поводу пушкинской сатиры либерал А-р И. Тургенев (см.: [Пушкин в неизданной переписке...: 120, 123]), сын уже упомянутого масона И. П. Тургенева, брат Андрея Тургенева, заявившего в 1801 г. о «несуществовании» русской литературы.) Усугубляло дело и то, что сатирическая ода «На выздоровление Лукулла» вызвала неудовольствие Государя, о чем сам Пушкин упоминал в письме к А. Жобару от 24 марта 1836 г.: «Ее опубликование навлекло на меня неудовольствие одного лица, мнением которого я дорожу и пренебречь ко-

торым не могу, не оказавшись неблагодарным и безрассудным» [Пушкин, 1949. Т. 16: 384]. (По жалобе Уварова Император 20 января 1836 г. поручил Бенкендорфу сделать Пушкину выговор, что тогда и было исполнено [Долдобанов, Сидоров: 378, 388–390].)

22 января 1836 г. А. М. Языков писал из Симбирска в Петербург В. Д. Комовскому (Комовский был библиотекарем Императорской Публичной библиотеки и правителем дел в Главном управлении цензуры, находившихся в ведомстве уваровского министерства): «Здесь толкуют о стихах Пушкина, напечатанных в “Наблюдателе”, и видят тут намеки на Уварова; стихи плохи... <...> Уваров все-таки лучше всех своих предшественников; он сделал и делает много хорошего и совсем не заслуживает, чтобы в него бросали из-за угла грязью. Впрочем это наш либерализм, наша свобода тиснения!» [Садовников: 540].

Причина непростых взаимоотношений, которые сложились к тому времени между Пушкиным и Уваровым, — и последовавший вскоре конфликт — объяснялись осложнившимися в 1835 г. для Пушкина обстоятельствами цензурного характера. Поэт, ходатайствовавший ранее, в 1834 г., перед министром за Гоголя, а еще ранее, в 1831 г., предполагавший, как указывалось, употребить свое перо «для политических статей» в духе правительства (см. выше), в 1835 г., вследствие того, что Уваров «подвергнул его сочинения общей цензуре» («Прежде его сочинения рассматривались в собственной канцелярии Государя...» [Никитенко: 179]), стал испытывать против министра все возрастающее раздражение.

В феврале 1835 г. Пушкин записал в дневнике: «Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге <“История Пугачевского бунта”> как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков (дурак и бардаш <бардаш — развратник>) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия Государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкринина был на посылках... Он крал казенные дрова...» [Пушкин, 1949. Т. 12: 337].

Упомянув в своей дневниковой записи от февраля 1835 г. о «разврате» Уварова, Пушкин подразумевал известные сплетни о министре. Эти же сплетни он повторял и в письме к И. И. Дмитриеву от 26 апреля 1835 г., и в эпиграмме на упоминаемого поэтом в той же дневниковой

записи от февраля 1835 г. «клеветы» Уварова, князя М. А. Дондукова-Корсакова, — «В Академии наук заседает князь Дундук» (эпиграмма принадлежит Пушкину; датируется второй половиной апреля или маем-июнем 1835 г.; из-за этой эпиграммы, по преданию, в итоге и вспыхнул конфликт между Пушкиным и Уваровым [Долдобанов, Сидоров: 300–301]). Повод к указанным сплетням, вероятно, дал сам Уваров в написанном им еще в 1820 г. совместно с К. Н. Батюшковым рассуждении «О греческой Антологии». В этой статье, в частности, говорилось: «...Кто не подробно знаком с греками, тот, конечно, с удивлением заметит, что они посреди самых отвратительных заблуждений чувственности сохранили весь свой аттицизм, и, если смею сказать, всю свою *graciu*. Нельзя не думать без удивления, что постыдный порок — которому дали они свое имя — не только не внушал им слов грубых, но внушал самые нежные и красивые выражения» [Уваров, Батюшков: 104].

По свидетельству С. А. Соболевского, Пушкин «жалел об эпиграмме “В Академии наук”, когда лично узнал Дундука» [Соболевский: 14] (это произошло во время подготовки к изданию «Современника»). Точно так же сожалел сам Пушкин — уже в феврале-марте 1836 г. — и о своем стихотворном памфлете на Уварова «На выздоровление Лукулла». К этому времени он уже переменял свое отношение к министру и готов был признать неправоту своих резких против него выпадов. Об этом свидетельствует целый ряд писем Пушкина 1836 г., начиная с февраля: к князю Н. Г. Репнину-Волконскому от 11 февраля («Не могу не сознаться, что мнение Вашего сиятельства касательно сочинений, оскорбительных для чести частного лица, совершенно справедливо. Трудно их извинить, даже когда они написаны в минуту огорчения и слепой досады» [Пушкин, 1949. Т. 16: 84–85]); к А. Жобару, ожесточенному противнику Уварова, от 24 марта («...Вы <...> высказываете намерение напечатать ваш перевод <“На выздоровление Лукулла”> в Бельгии <...>: осмеливаюсь умолять вас <...> отнюдь этого не делать. Мне самому досадно, что я напечатал пьесу, написанную в минуту дурного расположения духа» [Пушкин, 1949. Т. 16: 384]) (в декабре Жобар был выслан из России¹); к князю Н. Б. Голицыну от 10 ноября (где Пушкин называет Уварова «высокопоставленным лицом из числа *моих друзей*»; подчеркнуто Пушкиным [Пушкин, 1949. Т. 16: 394]); к Н. М. Коншину от 21–22 декабря («С Уваровым — увы! я не в таких дружеских сношениях...» [Пушкин, 1949. Т. 16: 202]).

¹ См.: [Никольский]; [Долдобанов, Сидоров: 369].

31 августа 1836 г. А-р Н. Карамзин сообщал брату Андрею, что «накануне» Н. А. Муханов «видел Пушкина, которого он нашел ужасно упавшим духом, раскаивавшимся, что написал свой мстительный пасквиль, вздыхающим по потерянной фаворитке публики» [*Пушкин в письмах Карамзинных...*: 96] [*Долдобанов, Сидоров*: 811].

Лишение Пушкиным своего журнала важных перспектив развития непосредственным образом сказалось тогда в судьбе Гоголя. Уже с первого номера между Пушкиным и Гоголем возникли некоторые разногласия. Не вдаваясь в частности, обозначим главное. Объясняются эти разногласия прежде всего тем, что Гоголь с первых статей, которые он готовил для «Современника», приступил к осуществлению той программы сотрудничества с властью, которая складывалась в пушкинских кругах, с участием самого Пушкина. Со своей стороны Пушкин в 1836 г., напротив, настаивал на том, чтобы его «Современник» был исключительно «литературным» журналом.

В частности, одной из важных задач нового журнала Гоголь считал борьбу с зародившимся тогда в русской литературе так называемым «торговым направлением», во главе с О. И. Сенковским, Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем. Этой полемике посвящена гоголевская статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», которая хотя и была очевидным воплощением того важного поручения, которое поэт дал Гоголю в 1834 г., — написать «Историю русской критики» [*Пушкин, 1949. Т. 12: 324*], однако по исполнению вызвала недовольство Пушкина.

Пушкин, безусловно, хорошо знал, что его неприятель Сенковский был в равной мере неприятелем и Уварова. Однако весной 1836 г., вследствие еще не вполне утихнувшего раздражения, Пушкин, по-видимому, не был расположен, подобно Гоголю, поддерживать министра в борьбе с либеральной партией. Впрочем, зная Уварова, поэт, по-видимому, сознавал, что после нанесенного министру оскорбления это было и невозможно. По словам Греча, Уваров возненавидел Пушкина за его сатиру [*Гоголь в воспоминаниях...* Т. 1: 768]. Возможно, поэтому Пушкин и собирался тогда, по свидетельству Гоголя, едва получив разрешение на журнал, «отказаться» от издания [*Гоголь, 2009. Т. 7: 205*], а поддавшись на уговоры Гоголя, настаивал на том, чтобы его «Современник», который не мог теперь рассчитывать на расположение министра, сохранил свои позиции хотя бы как журнал «литературный».

Но конфликт повлек за собой и другие последствия — в частности, он прямо повел к обострению пушкинской оппозиционности. Тогдашнее поведение Уварова, его жалоба на поэта самому Государю, вероятно, вызвала новое раздражение Пушкина. За несколько дней до выхода в свет первого тома «Современника» (11 апреля 1836 г.) поэт 3 апреля 1836 г. закончил для журнала статью «Александр Радищев», а в мае 1836 г., как указывалось, даже попытался привлечь к сотрудничеству в «Современнике», хотя на ограниченных правах, Белинского. В конце мая — начале июня 1836 г. приглашение участвовать в журнале, с первой книжкой «Современника», поэт отправил также своему лицейскому приятелю, ссыльному В. К. Кюхельбекеру (см.: [Тархова: 454]; [Долдобанов, Сидоров: 651]). Таким образом, по всей видимости, проявлялась «боярская», аристократическая оппозиция Пушкина на давление высокопоставленного чиновника. — В то же время не следует забывать того, что, занимая в отношении к правительственной бюрократии оппозиционный фланг, Пушкин в разгоревшемся конфликте с Уваровым отнюдь не менял своих консервативных убеждений.

Таким образом, несмотря на принципиальное совпадение взглядов Пушкина и Гоголя по общим вопросам, невзирая на то, что самым своим возникновением гоголевская статья «О движении журнальной литературы...» была во многом обязана Пушкину, она вышла у Гоголя, скорее, «уваровской», чем «пушкинской». — Кстати сказать, многозначительным было и поднесение Гоголем через Уварова Императору в марте 1835 г. — в самый разгар конфликта Пушкина с министром — только что вышедшего сборника «Миргород» [Неизданный Гоголь: 426–428]. В тот же период (немного ранее) Гоголь в одной из статей «Арабесок» — «Несколько слов о Пушкине» — выступил также в прямую защиту поэта от обвинений в «вольномудстве», подчеркивая, в соответствии с провозглашенным Уваровым курсом, *народность* поэзии Пушкина (см. выше).

О том, что недовольство Пушкина Гоголем как сотрудником «Современника» объяснялось главным образом соображениями литературной политики — а не заключалось в существе дела (Гоголь и Пушкин продолжали оставаться единомышленниками), косвенно могут свидетельствовать слова прямого пушкинского оппонента, Ф. В. Булгарина, в его появившейся в «Северной Пчеле» в июне 1836 г. статье о «Современнике». Имея в виду первый номер журнала,

Булгарин писал: «Обращаем главное внимание на статью: *О движении Журнальной Литературы* в 1834 и 1835 годах, ибо в этой статье выражаются дух, цель и все будущие намерения Современника. Этот дух, цель и намерения не *новость!* С ними выступали уже на поприще Литературы *Литературная Газета*, под редакцией покойного Барона Дельвига, и *Московский Вестник*, под редакцией Г<-на> Погодина. <...> В Литературной Газете и Московском Вестнике участвовали те же самые сотрудники, что и в Современнике, с малыми переменами» [Булгарин: 506].

Отметим, что пушкинский «Пир Петра Первого», с призывом «с подданным мириться», которым открывался первый номер «Современника», отчасти соответствовал обличительному (против ссор) пафосу гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Выписки Пушкина из «Истории Русов», в том же номере «Современника» — в рецензии на выход в свет собрания сочинений святителя Георгия (Конисского), — оказались, по наблюдению Н. С. Тихонравова¹, именно те, которые использовал ранее Гоголь в «Тарасе Бульбе»; причем от натуралистических сцен казней, заключенных в приведенных Пушкиным фрагментах и оцененных поэтом как проявление «невольного пристрастия» [Пушкин, 1949. Т. 12: 19], Гоголь в «Тарасе Бульбе» — т. е. ранее, еще до пушкинской рецензии, — отказался — предварив, таким образом, пушкинскую критику этих описаний.

Примечательно также, что в высоко оцененной Пушкиным — и даже избранной в качестве программной для второго номера «Современника» статье князя В. Ф. Одоевского «О вражде к просвещению...» [Пушкин, 1949. Т. 16: 100] почти дословно повторялась критика Гоголя в адрес Сенковского, в частности, по поводу фантастических произведений последнего и его подражаний французской литературе. Сам Гоголь при этом назывался в статье Одоевского, в опровержение мнений Сенковского, «лучшим талантом в России» [Одоевский: 214]; [Гиллельсон, Мильчина: 122].

Непосредственно к пушкинской статье <Мнения о ничтожестве литературы русской> восходит, по-видимому, важнейшее представление Гоголя, послужившее впоследствии определению жанра «Мертвых

¹ См.: [Тихонравов: 664]. См. также: [Слюсарь: 51]; [Звянецковский: 260].

душ» как «поэмы». Это неизменная критика Гоголя в адрес европейской схоластики и размышления о глубокой связи поэзии и религии, веры и «лиризма» — о том, что «верховным источником» последнего служит поэту Сам Бог [Гоголь, 2009. Т. 6: 48] [Гоголь, 2009. Т. 14: 376]. В декабре 1833 — марте 1834 г. Пушкин писал: «Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов...» [Пушкин, 1949. Т. 11: 271]. Эта мысль заключена Гоголем в написанной в 1836 г. для пушкинского современника рецензии на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины мира».

Так или иначе, но гоголевским журналистским поведением в первом томе «Современника» Пушкин был все-таки недоволен. Поэт вступил тогда в полемику с Гоголем и в итоге даже не принял в «Современник» целый ряд статей, готовившихся Гоголем для журнала. Все это самым непосредственным образом определило дальнейшую судьбу Гоголя.

Необходимо подчеркнуть, что для всякого другого времени содержание основанного Пушкиным журнала было, безусловно, выдающимся. По своему уровню «Современник» превосходил другие повременные издания. Но для эпохи, в которую по инициативе Государя и его министра решались принципиальные для русского общества задачи, такой уровень был явно недостаточен. Сниженному при самом основании общественно-политическому статусу журнала вполне соответствовала довольно невысокая в целом оценка, вынесенная пушкинскому изданию современниками. Единственной публикацией, достойной уровня *передового* русского журнала, первыми читателями «Современника» была почти единодушно признана лишь статья Гоголя «О движении журнальной литературы...» Таким образом, лишь Гоголь оказался готовым к исключительным требованиям времени. Представители самых разных, даже противоположных партий сошлись во мнении, что серьезного внимания в первом номере «Современника» заслуживает только гоголевская статья.

Так, важнейшей из всех публикаций в первом томе «Современника» статья Гоголя была названа в апреле 1836 г. в газете А. Ф. Воейкова «Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду» [Воейков]. (Воейков ошибочно полагал при этом, что гоголевская статья написана А. А. Краевским; см.: [Долдобанов, Сидоров: 722].) Такое же мнение высказал 4 мая 1836 г. И. И. Дмитриев в письме к князю П. А. Вяземскому:

«Всего же более полюбился мне обзор новой нашей словесности, изложенный с искусством или, по-нынешнему, художественно и с беспристрастием. Чей это, Пушкина или Плетнева?» [Дмитриев: 187]. О том, что во всем первом номере пушкинского журнала «одна» только статья Гоголя привлекла внимание публики, вспоминал И. И. Панаев [*Гоголь в воспоминаниях...* Т. 3: 281]. Благожелательный отзыв был дан в 1836 г. статье Гоголя Белинским (см.: [Белинский, 1836 (а)]; [Белинский, 1836 (б)]). («Самыми интересными» в номере критиком были названы статья «О движении журнальной литературы...» и раздел «Новые книги», также составлявшийся Гоголем: «...В них видны дух и направление нового журнала...» [Белинский, 1953. Т. 2: 180].) В середине апреля 1836 г. начинающий литератор (впоследствии сенатор) К. Н. Лебедев записал в дневнике: «Я получил журнал Пушкина “Современник”. И стоило ждать его три месяца? <...> Что такое 1-й № “Современника”? <...>Замечательного только “Рифма” <арона> Розена и о “Журналистике” самого издателя (имеется в виду напечатанная анонимно статья Гоголя. — И. В.). <...> Не так должно было приниматься за дело; не шуточно-литературный, не просто-литературный должен быть “Современник”. Наше время повыше этого. <...> Посмотрите: что вы поместили в № 1? Повести г. Гоголя (имеется в виду повесть “Коляска” и драматический отрывок “Утро делового человека”. — И. В.): ну можно ли помещать такие повести? Путешествие в Арзрум; ну не совестно ли занять половину книги почтовым дорожником?» [Лебедев: 356–357]. В защиту гоголевской статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» от критики самого Пушкина — которую тот изложил в анонимном «Письме к издателю» в третьем томе «Современника» за 1836 г. — выступил 13 октября 1836 г. П. И. Мартос в письме к самому поэту [Пушкин, 1949. Т. 16: 166].

Уже одно стремление Гоголя объединить в статьях для «Современника» «пушкинское» и «уваровское» свидетельствует о том, что у него были свои представления о направлении журнала. В статье «О движении журнальной литературы...», подразумевая «Библиотеку для Чтения», он замечал: «...Множество помещенных в журнале статей ничего не значит, если журнал не имеет своего мнения и не оказывает в нем направление, хотя даже одностороннее, к какой-нибудь цели» [Гоголь, 2009. Т. 7: 475]. Так или иначе, но успешному начинанию Гоголя отказался содействовать сам редактор «Современника» — Пушкин.

В гоголевской судьбе это отразилось самым крутым, но вполне понятным поворотом. Под влиянием ссоры Пушкина с Уваровым в 1835 г., по причине последовавшей в 1836 г. размолвки поэта с самим Гоголем у последнего постепенно окончательно оформилось давнее, зародившееся еще в школьные годы¹ желание отправиться на продолжительное время за границу. Позиция Пушкина оказала в этом отношении решающее влияние. Помимо последствий частного характера, затронувших поэта лично, Пушкин своим поступком — неожиданным выпадом против Уварова, а затем разногласиями с Гоголем по поводу политической программы «Современника», поставил под сомнение, сделал почти невозможным для участников его журнала сотрудничество с властью в осуществлении общегосударственной, возглавляемой министерством Уварова программы, — программы укрепления начал Православия, Самодержавия, Народности. В первую очередь именно Гоголь этим пушкинским поведением — тем, что своим памфлетом поэт окончательно восстановил против себя Уварова, — был лишен тогда перспективы развития в качестве журналиста в том направлении, к которому стремился. Учитывая отмеченное раскаяние Пушкина по поводу необдуманного выпада против Уварова, можно предположить, что именно этим продиктованы строки — как запоздалое предупреждение, — которые появились в 1836 г. в пушкинской статье «Александр Радищев»: «Он как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием; не лучше ли было бы указать на благо, которое она в состоянии сотворить?» [*Пушкин, 1949*. Т. 12: 36].

Конфликт Пушкина с Уваровым, разногласия поэта с Гоголем о степени содействия «Современника» власти, по-видимому, стали главными причинами того, что надолго отложенные Гоголем, после кратковременной поездки в Германию в 1829 г., мысли о «путешествии по Европе» [*Гоголь, 2009*. Т. 11: 34] вновь появляются у него летом 1835 г., во время пребывания на родине. Неприятности по университету, неожиданное увольнение из Патриотического института, критическое отношение Пушкина к Уварову и — чуть позже — лично к Гоголю, — всё это вместе, несомненно, способствовало возвращению таких мыслей.

В 1835 г. Гоголь выехал из Петербурга в Малороссию 28 апреля [*Долдобанов, Сидоров: 118*]. На протяжении февраля-апреля он, вероятно, лично наблюдал за всё нараставшим раздражением Пушкина

¹ См. подробнее: [*Виноградов, 2017*].

против Уварова, которое отразилось в упомянутых пушкинских материалах: в дневниковой записи от февраля 1835 г., в эпиграмме на князя М. А. Дондукова-Корсакова от второй половины апреля или мая-июня 1835 г.; в письме к И. И. Дмитриеву от 26 апреля 1835 г. Работа над памфлетом «Выздоровление Лукулла» датируется более поздним периодом — ноябрем — началом декабря 1835 г. К тому времени Гоголь уже вернулся в Петербург (из отпуска он приехал 31 августа 1835 г.). С сентября по декабрь Гоголь неоднократно встречался с поэтом; по крайней мере, точно известно о четырех таких встречах.

Окончательное решение ехать за границу, оставив все петербургские дела, прекратив редакторство в «Современнике», было принято Гоголем, судя по фактам, отнюдь не после огорчения, он испытал после премьеры «Ревизора» 19 апреля 1836 г., но гораздо ранее — именно тогда, когда Пушкин в конце февраля — начале марта 1836 г. высказал ему недовольство статьёй «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году». Именно в то время, а именно 7 марта 1836 г., директор Санкт-Петербургских Императорских театров А. М. Геденон в письме к Гоголю, обсуждая форму оплаты за постановку «Ревизора», предложил ему две возможности: поспектакльную плату или единовременное вознаграждение [Гоголь, 2009. Т. 11: 43]. В ответном (не сохранившемся) письме от 7–8 марта Гоголь избрал последнее (см.: [Гоголь в воспоминаниях... Т. 1: 819]). Несмотря на данное полутора месяцами ранее (во второй половине января 1836 г.) обещание Пушкину быть «верным сотрудником» [Гоголь, 2009. Т. 6: 206], единовременную (а не поспектакльную, более выгодную) оплату Гоголь предпочел для того, чтобы в ближайшее время (6 июня 1836 г.) отправиться на длительное время — на «год или полтора» [Гоголь, 2009. Т. 11: 52] — за границу.

Недавно опубликовано еще одно, неизвестное ранее свидетельство о недовольстве Пушкина Гоголем как редактором «Современника». Это недвусмысленное свидетельство, записанное со слов самого Гоголя, оставил в те самые дни февральско-мартовской размолвки между Пушкиным и Гоголем А. В. Назаров, ученик М. П. Погодина по Московскому университету (выпуска 1833 г.). Встретившись 11 марта 1836 г. с Гоголем, Назаров в тот же день в письме к Погодину сообщал: «Гоголь мне сказывал, что <...> Пушкин не знает, что делать с своим Современником; он уже надоел ему, и <Пушкин> гонит его <Гоголя>

отсюда к Вам в Москву» [Долдобанов, Сидоров: 492]. — Отсылая Гоголя «в Москву», к Погодину, Пушкин, вероятно, имел в виду то, что Гоголь «идеально» подошел бы к редакции «Московского Наблюдателя». (23 июня 1836 г. Погодин, откликнувшись на приглашение Пушкина, отправил ему в «Современник» «кипку статей» [Пушкин, 1949. Т. 16: 128]— две статьи и четыре рецензии. Из них в пушкинском журнале была напечатана лишь одна [Долдобанов, Сидоров: 700–701].)

Последняя встреча Пушкина с Гоголем, во время которой поэт уговорил его оставить для «Современника» повесть «Нос», но окончательно отверг четыре гоголевские статьи — «Петербург и Москва», «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору», «Петербургская сцена в 1835–36 г.», «Театральный разъезд после представления новой комедии», — состоялась в период с 26 по 31 мая 1836 г. Ни Пушкин, ни Гоголь тогда не предполагали, что эта встреча станет последней. Вероятно, они договорились встретиться вскоре, 2 июня 1836 г., на вечере у Вяземского в честь дня рождения его сына Павла — и уже там проститься. Жена Вяземского с детьми тоже уезжала за границу 6 июня 1836 г. — на одном пароходе с Гоголем. По позднему свидетельству Гоголя в письме к П. А. Плетневу от 27 сентября 1839 г., с Пушкиным он расстался, «как будто бы разлучаясь на два дни» [Гоголь, 2009. Т. 11: 265].

В конце мая 1836 г. Гоголь завершил работу над первой редакцией «Женитьбы» и познакомил с новой комедией актера И. И. Сосницкого. 2 июня он прочел ее также на вечере у Вяземских, где, по-видимому, намеревался в последний раз увидеться с Пушкиным — заодно представив ему свою комедию. (Ранее, в конце 1834 — 1835 г., Гоголь читал «Женитьбу» на вечере у Жуковского, где, возможно, присутствовал Пушкин; в начале сентября 1835 г. рукопись комедии Гоголь даже оставлял у Пушкина, для замечаний.) Однако Пушкин на вечер к Вяземскому почему-то не приехал.

Расставшись в конце мая 1836 г. «как будто <...> на два дни», Пушкин и Гоголь больше никогда не встречались и даже не переписывались. 6/18 июня 1836 г. Гоголь выехал из Кронштадта за границу, а через десять дней, 16/28 июня, писал В. А. Жуковскому из Гамбурга: «Даже с Пушкиным я не успел и не мог проститься; впрочем, он в этом виноват» [Гоголь, 2009. Т. 11: 61].

В конце концов не имеет смысла гадать, насколько «виноват» или «не виноват» оказался Пушкин в несостоявшемся служении Гоголя на поприще журналиста. Важно то, что от своего призвания «богатыря» [Гоголь, 2009. Т. 6: 50], защитника интересов России — уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность, — Гоголь после 1836 г., безусловно, не отказался. На другом месте и в другой форме он продолжил свой путь.

Именно Гоголь позднее, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», продолжил защиту Пушкина от обвинений в вольнодумстве и пушкинскую полемику о мнимом «ничтожестве» русской литературы — объявляемой радикалами, за оды русских писателей правителям России, несуществующей. В своих статьях о русской поэзии — «О лиризме наших поэтов», «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» — Гоголь со всей определенностью подчеркивал глубокую преемственность творчества Ломоносова, Державина и Пушкина в развитии русской литературы — и не только литературы, но и русской жизни и государственности. Этим Гоголь решительно возражал радикальным критикам — в числе которых был, кстати сказать, не только убежденный западник Белинский, но и оппозиционер-славянофил, бывший друг Белинского, Константин Аксаков, автор весьма критической диссертации о Ломоносове¹. Возражая друзьям и недругам, Гоголь писал: «Поэты наши <...> были не одними казначеями сокровищ наших, но отчасти даже и строителями нашими...» [Гоголь, 2009. Т. 6: 191–192]; «От множества гимнов и од царям поэзия наша, уже со времен Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выражение» [Гоголь, 2009. Т. 6: 41]; «Не говоря уже о Ломоносове и Державине, даже у Пушкина слышится этот строгий лиризм повсюду, где ни коснется он высоких предметов» [Гоголь, 2009. Т. 6: 37–38].

Как и Пушкин, Гоголь еще со школьной скамьи был искренним почитателем ломоносовской и державинской лиры — и, в отличие от Белинского, с уважением относился даже к «устаревшим» литературным понятиям. Примечательно удивление, которое испытал, к при-

¹ См. подробнее: *Виноградов И. А.* Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // *Литературный факт.* 2019. № 2 (12). С. 189–224.

меру, в 1832 г. семидесятилетний поэт И. И. Дмитриев, когда познакомился с Гоголем. В ту пору Гоголь был еще только автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «О-о! Да он-таки смотрит Гоголем... <...> У него и теперь много авторского запаса. Он не говорит *Батёвщина*, *Лагарповщина*. И Лагарп и Батё имели в свое время и всегда будут иметь свое место. <...> Я очень доволен, что его узнал: в нем будет прок» [*Гиллельсон, Мануйлов, Степанов*: 115].

Оде Пушкина против Уварова «На выздоровление Лукулла» — досадной для самого Пушкина (досадной, что не сдержал ослепляющего гнева) — Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» противопоставил стихи поэта, которые, в отличие от минутного пасквиля, составили подлинную славу Пушкина. Имея в виду два ярко «монархических» стихотворения Пушкина 1828 и 1832–1834 гг. «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...») и «К Н***» («С Гомером долго ты беседовал один...»)¹, Гоголь писал: «Только по смерти Пушкина обнаружились его истинные отношения к Государю и тайны двух его лучших сочинений. Никому не говорил он при жизни о чувствах, его наполнявших, и поступил умно. После того как вследствие всякого рода холодных газетных возгласов, писанных слогом помадных объявлений, <...> перестали верить у нас на Руси искренности всех печатных излияний, — Пушкину было опасно выходить: его бы как раз назвали подкупным или чего-то ищущим человеком. Но теперь <...> не отыщется во всей России такого человека, который посмел бы назвать Пушкина льстецом или угодником кому бы то ни было. <...> ...Теперь всяк, кто даже и не в силах постигнуть дело собственным умом, примет его на веру, сказавши: “Если сам Пушкин думал так, то уж, верно, это сушая истина”. Царственные гимны наших поэтов изумляли самих чужеземцев своим величественным складом и слогом» [*Гоголь, 2009*. Т. 6: 49].

Подводя итог размышлениям о монархических убеждениях Пушкина, Гоголь называл еще два проникнутых верноподданническими чувствами стихотворения поэта: «...Гордо затрепетало его сердце, когда услышал он о приезде Государя в Москву во время ужасов холеры...» [*Гоголь, 2009*. Т. 6: 50]. — Гоголь подразумевал посвященное Императору Николаю I стихотворение Пушкина «Герой» 1830 г., ко-

¹ Об адресате этого пушкинского стихотворения подробнее см.: [*Виноградов, 2016*].

торое завершается словами: «Оставь герою сердце! Что же / Он будет без него? Тиран...» [Пушкин, 1948. Т. 3. Кн. 1: 253]. Далее Гоголь цитировал стихотворение Пушкина «Пир Петра Первого», примечательное тем, что этим произведением поэт открыл в 1836 г. первый номер «Современника». Это стихотворение определяло «лицо» журнального предприятия; далее в пушкинском журнале следовала не менее «монархическая» статья П. А. Плетнева «Императрица Мария»¹.

Гоголь писал: «Он <Пушкин> сумел также оценить и другую черту в жизни другого венценосца, Петра. Вспомни стихотворенье “Пир на Неве”... <...> Только один Пушкин мог почувствовать всю красоту такого поступка. Уметь не только простить своему подданному, но еще торжествовать это прощение, как победу наврагом, — это истинно Божеская черта. Только на небесах умеют поступать так» [Гоголь, 2009. Т. 6: 50–51].

Перечислив монархические стихи поэта, Гоголь заключал: «Пушкин был знаток и оценщик верный всего великого в человеке. Да и как могло быть иначе, если духовное благородство есть уже свойственность почти всех наших писателей?» [Гоголь, 2009. Т. 6: 51].

Благородство Пушкина несомненно. К сожалению, такого же благородства не нашлось впоследствии у его радикально настроенных интерпретаторов — нового поколения журналистов «отрицательного» направления, «людей темных, никому не известных, не имеющих мыслей и чистосердечных убеждений» [Гоголь, 2009. Т. 6: 202]. Пушкин, Гоголь, Уваров — все эти трое чрезвычайно важных, выдающихся лиц в истории России — несмотря на то, что их совместное служение на просветительском поприще страны сложилось не так, как могло бы по всем задаткам состояться, — каждый, вследствие разных обстоятельств, пошел своим путем, — тем не менее все трое однозначно являются людьми одного круга, одних идей и убеждений, резко отличающих их от последователей Радищева и Белинского.

¹ О значении статьи П. А. Плетнева «Императрица Мария» для творчества Гоголя см.: *Виноградов И. А.* Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 7–30.

Список литературы

1. <Архипов В. А., Базанов В. Г., Левкович Я. Л.> Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды» // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Издание подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 804–884.
2. <Асеев Н. Н.> Последние статьи Николая Асеева. Вступ. заметка, публикация и коммент. А. Крюковой // Вопросы литературы. 1979. № 4. С. 142–159.
3. <Бартенев П. И.> П. Б. Неизданные стихи А. С. Хомякова // Русский Архив. 1863. Вып. 4. Стб. 303–304.
4. <Белинский В. Г.> В. Б. Несколько слов о «Современнике» // Молва. 1836. Ч. XI. № 7. С. 167–178. (а).
5. <Белинский В. Г.> В. Б. Вторая книжка «Современника» // Молва. 1836. Ч. XII. № 13. С. 3–12. (б).
6. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Москва: изд-во АН СССР, 1953–1959.
 - Т. I: Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829–1835. 1953. 573 с.
 - Т. II: Статьи и рецензии. Основания русской грамматики. 1836–1838. 1953. 567 с.
 - Т. III: Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка. 1839–1840. 1953. 683 с.
 - Т. IV: Статьи и рецензии. 1840–1841. 1954. 675 с.
 - Т. V: Статьи и рецензии. 1841–1844. 1954. 683 с.
 - Т. VI: Статьи и рецензии. 1842–1843. 1955. 799 с.
 - Т. IX: Статьи и рецензии. 1845–1846. 1955. 803 с.
 - Т. XI: Письма. 1829–1840. 1956. 719 с.
 - Т. XII: Письма. 1841–1848. 1956. 596 с.
7. Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 1. 736 с.
8. Беляев Д. М. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. 1827–1832. (Труды Пушкинского дома. Вып. 48). Л., 1927. С. 257–300.
9. Бестужев А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. Издание подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 11–29. (а)
10. Бестужев А. Взгляд на старую и новую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. Издание подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 488–499. (б)
11. Благий Д. Д. Белинский и Пушкин // Белинский — историк и теоретик литературы. Сборник статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 235–271.
12. Богаевская К. П. Из забытых книг // Прометей. М.: Молодая гвардия, 1974. Т. 10. С. 397–401.
13. Бонди С. М. Историко-литературные опыты Пушкина // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 421–442.

14. <Булгарин Ф. В.> Мнение о литературном Журнале: Современник, издаваемом Александром Сергеевичем Пушкиным на 1836 год. Статья 1-я // Северная Пчела. 1836. 6 июня. № 127. С. 506–508.

15. <Бутырский Н. И.> Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского Университета с его округом, по учебной части, за прошедший 1832–1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании университета ординарным профессором оного Бутырским // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. Отд. 2. С. 45–60.

16. <Веневитинов Д. В.> — в. Ответ Г. Полевому // Сын Отечества. 1825. Ч. 103. № 19 / Прибавление к Сыну Отечества. № I. С. 25–39.

17. Веневитинов Д. В. О состоянии просвещения в России // Литературная критика 1800–1820-х годов / Автор статьи, состав, примеч. и подготовка текста Л. Г. Фризмана. М.: Художественная литература, 1980. С. 278–282.

18. Виноградов И. А. Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2000. Вып. 5. С. 84–108.

19. Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 387–656.

20. Виноградов И. А. «Величественная ода». Гоголь о стихотворении Пушкина «К Н***» // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 14. С. 140–154.

21. Виноградов И. А. Путешествие в творчестве Гоголя // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2017. Вып. 6 (23). С. 24–60.

22. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809—1852). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.

Т. 1. 2017. 736 с.

Т. 2. 2017. 672 с.

23. Виноградов И. А. «Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 29–114.

24. Виноградов И. А. Знакомые Н. В. Гоголя в круге общения К. Маркса: к истории одного знакомства // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 1. С. 236–249. (а)

25. Виноградов И. А. Единственный автограф повести Н. В. Гоголя «Вий» // От истории текста к истории литературы. Научное издание / Отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 2. С. 117–162. (б)

26. <Войков А. Ф.?)> Смирнов П. Новые книги // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1836. 29 апр. № 35. С. 279.

27. <Герцен А. И.> Неизданные стихотворения А. Пушкина, К. Рыльева, М. Лермонтова // Полярная Звезда на 1856, издаваемая Искандером. London, 1858. Кн. 2. С. 3–44.

28. Гиллельсон М. Письма Жуковского о запрещении «Европейца» // Русская литература. 1965. № 4. С. 114–124.

29. Гиллельсон М. Неизвестные публицистические выступления П. А. Вяземского и И. В. Киреевского // Русская литература. 1966. № 4. С. 120–134.

30. Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н. Гоголь в Петербурге. Л.: Лениздат, 1961. 307 с.
31. Гиллельсон М. И., Мильчина В. А. Комментарии // Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1987. С. 40–202.
32. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: <В 14 т.>. <Ленинград>: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. VIII: Статьи / Тексты и коммент. подготовили О. Б. Билинчис, Л. М. Лотман, В. Б. Томашевский, Г. М. Фридлендер. 1952. 816 с.
33. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. Москва; Киев: изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
- Т. I–II: Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. 2009. 664 с.
- Т. III–IV: Повести. Комедии. 2009. 688 с.
- Т. VI: Выбранные места из переписки с друзьями. Духовная проза. Критика. Публицистика. 2009. 744 с.
- Т. VII: Юношеские опыты. Первоначальные редакции. 2009. 816 с.
- Т. VIII: Классные сочинения. Лекции и материалы по истории и географии. Заметки о русском быте. 2009. 720 с.
- Т. X: Переписка 1820–1834. 2009. 392 с.
- Т. XI: Переписка 1835–1841. 2009. 488 с.
- Т. XIV: Переписка 1847. 2009. 608 с.
34. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. / Издание подготовил И. А. Виноградов. Москва: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
- Т. 1. 2011. 904 с.
- Т. 3. 2013. 1168 с.
35. Гончаров И. А. Из университетских воспоминаний // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. / Вступ. статья В. Э. Вацура; сост. и примеч. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. Москва: Худож. лит., 1985. Т. 2. С. 253–254.
36. <Дмитриев И. И.> Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому // Старица и Новизна. 1898. Кн. 2. С. 117–263.
37. <Долдобанов Г. И.> Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. В 3 т. 1826–1837. М.: ИМЛИ РАН, 2001. Т. 2. Кн. 1. 1831–1832 / Сост. Г. И. Долдобанов. Научный редактор А. А. Макаров. 424 с.
38. <Долдобанов Г. И., Сидоров И. С.> Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. В 3 т. 1826–1837. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 3. Кн. 1. 1835 — сентябрь 1836 / Сост. Г. И. Долдобанов, И. С. Сидоров. 872 с.
39. Захаров В. Н. Есть ли у нас литература? Концепты *литература* и *словесность* в русской критике // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 14. С. 7–15.
40. Звиняцковский В. Я. Николай Гоголь. Тайны национальной души. Киев: Липней, 1994. 543 с.
41. Ивинский Д. П. К вопросу об адресате стихотворения А. С. Пушкина «Ты просвещением свой разум осветил...» // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1989. № 3. С. 60–65.

42. <Киреевский И. В.> 9.11. Нечто о характере поэзии Пушкина. *Московский Вестник*. 1828. Ч. 8. № 6. С. 171–196.

43. *Киреевский И. В.* Обзорение русской словесности 1829 года // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика / Составление, вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна. М.: Искусство, 1979. С. 55–79.

44. *Курилов А. С.* Державинская составляющая критерия народности русской литературы в аксиологии молодого В. Г. Белинского // *Литературоведческий журнал*. 2016. № 39. С. 78–87.

45. *Кюхельбекер В.* О направлении нашей Поэзии, особенно лирической, в последнее время // *Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая Кн<язем> В. Одоевским и В. Кюхельбекером*. М.: В Типографии Императорского Московского Театра, 1824. Ч. II. С. 29–44. (а)

46. *Кюхельбекер В.* Разговор с Ф. В. Булгариным // *Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая Кн<язем> В. Одоевским и В. Кюхельбекером*. М.: В Типографии Императорского Московского Театра, 1824. Ч. III. С. 157–177. (б)

47. <Лебедев К. Н.> Записки сенатора К. Н. Лебедева // *Русский Архив*. 1910. № 7. С. 333–408.

48. *Лотман Ю. М.* Стихотворение Андрея Тургенева «К отечеству» и его речь в «Дружеском литературном обществе» // *Литературное наследство*. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 323–338.

49. <Межевич В. С.> О народности в жизни и в поэзии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского Дворянского института 1835 года, Декабря 22-го дня, Старшим Учителем *Василием Межевичем*. М., 1835. С. 46–53.

50. *Моро Ж.-Л.* «Глухой глухого звал на суд судьи глухого» // *Многоязычие в образовательном пространстве*. Том 5: К 75-летию Жан-Люка Моро, французского финно-угроведа, переводчика, поэта: сборник научных трудов / Сост. Т. И. Зеленина; ред. Т. И. Зеленина, Ж.-Л. Моро, Н. В. Кондратьева. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. С. 130–157.

51. *Неверов Я.* Обзорение русских газет и журналов за первую половину 1835 года // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. 1836. № 8. С. 428–449.

52. *Неизданный Гоголь* / Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 600 с.

53. *Никитенко А. В.* Дневник. В 3 т. <Без м. изд.>: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 1. 543 с.

54. *Никольский В. В.* Жобар и Пушкин // *Русская Старина*. 1880. № 7. С. 555–564.

55. <Одоевский В. Ф., князь>. С. Ф. О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе // *Современник*. 1836. № 2. С. 206–217.

56. *Плетнев П. А.* О народности в литературе. Рассуждение, читанное в торжественном собрании Императорского С. Петербургского университета профессором оного П. А. Плетневым, 31 августа 1833 года // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. 1834. Ч. 1. № 1. Отд. 2. С. 1–30.

57. <Полевой Кс. А.> К. П. О новом направлении в Русской Словесности // *Московский Телеграф*. 1834. Ч. 56. № 5. С. 118–136.

58. *Прийма Ф. Я.* Пушкин и Белинский // Русская литература. 1977. № 1. С. 30–46.
59. <Пушкин А. С.> А. Б. Письмо к издателю // Современник. 1836. Т. 3. С. 321–329.
60. *Пушкин.* <Собр. соч.> Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгера. СПб.: Издание Брокгауз-Ефрона, 1911. Т. 5. 552 + 80 с.
61. *Пушкин.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва; Ленинград, АН СССР, 1837–1959.
- Т. 3. Кн. 1: Стихотворения, 1826–1836. Сказки / Ред. С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, А. Л. Слонимский, М. А. Цявловский. 1948. 635 с.
- Т. 3. Кн. 2: Стихотворения, 1826–1836. Сказки / Ред. М. А. Цявловский, Т. Г. Цявловская-Зенгер. 1949. 744 с.
- Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834 / Ред. В. В. Гиппиус, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский, С. М. Бонди, Н. В. Измайлов, В. В. Виноградов, Б. С. Мейлах, Б. И. Коплан, А. И. Заозерский. 1949. 600 с.
- Т. 12: Критика. Автобиография / Ред. В. В. Гиппиус, Б. М. Эйхенбаум, Т. Г. Цявловская-Зенгер, Н. Г. Богословский, С. М. Бонди, Г. А. Бялый, Н. В. Измайлов, В. Л. Комарович. 1949. 576 с.
- Т. 13: Переписка, 1815–1827 / Ред. Д. Д. Благой. 1937. 651 с.
- Т. 14: Переписка, 1828–1831. Ред. Л. Л. Домгер, Н. В. Измайлов, Б. Л. Модзалевский, Д. П. Якубович. 1941. 547 с.
- Т. 15: Переписка, 1832–1834 / Ред. Л. Л. Домгер, Н. В. Измайлов, Л. Б. Модзалевский. 1948. 391 с.
- Т. 16: Переписка, 1835–1837 / Ред. Л. Л. Домгер, Н. В. Измайлов, Л. Б. Модзалевский. 1949. 503 с.
62. Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 3–154.
63. Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. Под ред. Н. В. Измайлова. М.; Л., 1960. 433 с.
64. *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. 503 с.
65. *Садовников Д. Н.* Отзывы современников о Пушкине. (К материалам для его биографии) // Исторический Вестник. 1883. Декабрь. С. 520–542.
66. *Слюсарь А. А.* Проза А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Опыт жанрово-типологического сопоставления. Киев; Одесса: Лыбидь, 1990. 188 с.
67. *Соболевский С. А.* Из писем к М. Н. Лонгинову // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. / Вступ. статья В. Э. Вацуро; сост. и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. Москва: Худож. лит., 1985. Т. 2. С. 14–16.
68. *Соловьев В.* Судьба Пушкина // Вестник Европы. 1897. № 9. С. 131–156.
69. <Тархова Н. А.> Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. В 4 т. / Сост. Н. А. Тархова; Т. 4. 1833–1837. М.: Слово/Slovo, 1999. 752 с.
70. *Тихонравов Н.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь Н. В.* Сочинения. 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1. С. 505–709.
71. *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Т. 31–32. С. 1–76.

72. Трубицын Н. Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. (Очерки). СПб., 1912. 593 с.

73. Тургенев А. И. <Речь о русской литературе> // Литературная критика 1800–1820-х годов / Автор статьи, состав, примеч. и подготовка текста Л. Г. Фризмана. М.: Художественная литература, 1980. С. 44–47.

74. <Уваров С. С.> Отчет по обозрению Московского Университета // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 340–370.

75. Уваров С. С., Батюшков К. Н. О греческой Антологии // Арзамас: Сборник. В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 100–115.

76. <Франко И. Я.> Иван Ф. Вій, Шолудивий Буняка і Юда Іскаріотський // Україна. 1907. № 1. С. 50–55.

77. <Шевырев С. П.> Дант и его век. Исследование о Божественной комедии. Соч. Адъюнкт-Профессора С. Шевырева // Ученые Записки Императорского Московского университета. 1834. № 11. Май. С. 365–397.

78. Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1931. 388 с.

79. Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. 3-е изд., доп. М.: Книга, 1987. 550 с.

References

1. Arkhipov V. A., Bazanov V. G., Levkovich Ia. L. Literaturno-esteticheskie pozitsii “Poliarnoi zvezdy” [The literary-aesthetic position of the “Polar Star”]. *Poliarnaia zvezda, izdannaiia A. Bestuzhevym i K. Ryleevym* [*Polar Star, published by A. Bestuzhev and K. Ryleev*], the publication was prepared by V. A. Arkhipov, V. G. Bazanov and Ya. L. Levkovich. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960, pp. 804–884. (In Russ.)

2. Aseev N. N. Poslednie stat'i Nikolaia Aseeva [Recent articles by Nikolai Aseev]. Introductory note, publication and comments A. Kryukova. *Voprosy literatury* [*Questions of literature*], 1979, No 4, pp. 142–159. (In Russ.)

3. Bartenev P. I. Neizdannye stikhi A. S. Khomiakova [Unreleased poems by A. S. Khomyakov]. *Russkii Arkhiv* [*Russian Archive*], 1863, issue 4, column 303–304. (In Russ.)

4. Belinskii V. G. Neskol'ko slov o “Sovremennike” [A few words about the “Contemporary”]. *Molva* [*Rumor*], 1836, part XI, No 7, pp. 167–178. (a). (In Russ.)

5. Belinskii V. G. Vtoraia knizhka “Sovremennika” [The second book of “Contemporary”]. *Molva* [*Rumor*], 1836, part XII, No 13, pp. 3–12. (b). (In Russ.)

6. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [*Complete Works: 13 volumes*]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)

Vol. I. Stat'i i retsenzii. Khudozhestvennye proizvedeniia [Articles and reviews. Works of art]. 1829–1835. 1953. 573 p. (In Russ.)

Tom II. Stat'i i retsenzii. Osnovaniia russkoi grammatiki [Articles and reviews. Foundations of Russian grammar]. 1836–1838. 1953. 567 p. (In Russ.)

Vol. III. Stat'i i retsenzii. Piatidesiatiletanii diadiushka [Articles and reviews. Fifty year old uncle]. 1839–1840. 1953. 683 p. (In Russ.)

Vol. IV. Stat'i i retsenzii [Articles and reviews]. 1840–1841. 1954. 675 p.

Vol. V. Stat'i i retsenzii [Articles and reviews]. 1841–1844. 1954. 683 p.

Vol. VI. Stat'i i retsenzii [Articles and reviews]. 1842–1843. 1955. 799 p.

Vol. IX. Stat'i i retsenzii [Articles and reviews]. 1845–1846. 1955. 803 p.

Vol. XI. Pis'ma [Letters]. 1829–1840. 1956. 719 p.

Vol. XII. Pis'ma [Letters]. 1841–1848. 1956. 596 p.

7. Belinskii V. G. *Sobranie sochinenii: v 9 tomakh* [Collected Works: in 9 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1976, vol. 1. 736 p. (In Russ.)

8. Beliaev D. M. Pol'skoe vosstanie po pis'mam Pushkina k E. M. Khitrovo [The Polish Uprising from Pushkin's Letters to E. M. Khitrovo]. *Pis'ma Pushkina k E. M. Khitrovo* [Pushkin's letters to E. M. Khitrovo]. 1827–1832. (Trudy Pushkinskogo doma [Works of Pushkin House], issue 48). Leningrad, 1927, pp. 257–300. (In Russ.)

9. Bestuzhev A. Vzgliad na staruiu i novuiu slovesnost' v Rossii [A look at the old and new literature in Russia]. *Poliarnaia zvezda, izdannaiia A. Bestuzhevym i K. Ryleevym* [Polar Star, published by A. Bestuzhev and K. Ryleev], the publication was prepared by V. A. Arkhipov, V. G. Bazanov and Ya. L. Levkovich. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960, pp. 11–29. (a) (In Russ.)

10. Bestuzhev A. Vzgliad na staruiu i novuiu slovesnost' v techenie 1824 i nachale 1825 godov [A look at the old and new literature during 1824 and early 1825]. *Poliarnaia zvezda, izdannaiia A. Bestuzhevym i K. Ryleevym* [Polar Star, published by A. Bestuzhev and K. Ryleev], the publication was prepared by V. A. Arkhipov, V. G. Bazanov and Ya. L. Levkovich. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960, pp. 488–499. (6) (In Russ.)

11. Blagoi D. D. Belinskii i Pushkin [Belinsky and Pushkin]. *Belinskii — istorik i teoretik literatury. Sbornik statei* [Belinsky is a historian and theorist of literature. Digest of articles]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, pp. 235–271. (In Russ.)

12. Bogaevskaia K. P. Iz zabytykh knig [From forgotten books]. *Prometei* [Prometheus]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1974, vol. 10, pp. 397–401. (In Russ.)

13. Bondi S. M. Istoriko-literaturnye opyty Pushkina [Pushkin's Historical and Literary Experiments]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1934, vol. 16–18, pp. 421–442. (In Russ.)

14. Bulgarin F. V. Mnenie o literaturnom Zhurnale Sovremennik, izdavaemom Aleksandrom Sergeevichem Pushkinym na 1836 god. Stat'ia 1 ia [Opinion on the literary journal Sovremennik, published by Alexander Sergeevich Pushkin for 1836. Article 1]. *Severnaia Pchela* [Northern Bee], 1836, June 6, No 127, pp. 506–508. (In Russ.)

15. Butyrskii N. I. Kratkoe obozrenie deistvii i sostoianiia Imperatorskogo S. Peterburgskogo Universiteta s ego okrugom, po uchebnoi chasti, za proshedshii 1832–1833 akademicheskii god, chitanoe 31 avgusta 1833 goda v torzhestvennom sobranii universiteta ordinarnym professorom onogo Butyrskim [Brief review of the actions and status of the Imperial St. Petersburg University with its district, in the academic part, for the past 1832–1833 academic year, read on August 31, 1833 in the solemn meeting of the university by the ordinary professor of the Butyrsky]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo*

Prosveshcheniia [Journal of the Ministry of National Education], 1834, No 1, division 2, pp. 45–60. (In Russ.)

16. Venevitinov D. V. Otvet G. Polevomu [Answer to G. Polevoy]. *Syn Otechestva [Son of the Fatherland]*, 1825, part 103, No 19, pribavlenie k Synu Otechestva [addition to the Son of the Fatherland], No I, pp. 25–39. (In Russ.)

17. Venevitinov D. V. *O sostoianii prosveshcheniia v Rossii. Literaturnaia kritika 1800–1820-kh godov [On the state of education in Russia. Literary criticism of the 1800s — 1820s]*, the author of the article, the composition, the note and the preparation of the text of L. G. Frizman. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980, pp. 278–282. (In Russ.)

18. Vinogradov I. A. Povest' N. V. Gogolia "Vii": K istorii zamysla i ego interpretatsii [The story of N. V. Gogol "Viy": On the history of the plan and its interpretation]. *Gogoleznavchi studii. Gogolevedcheskie studii [Gogol Research Studios]*. Nizhin, 2000, issue 5, pp. 24–60. (In Russ. and Ukrain.)

19. Vinogradov I. A. Kommentarii [Comment]. Gogol' N. V. *Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennye izdaniia. Istoriko-literaturnyi i tekstologicheskii kommentarii [Taras Bulba. Autographs, lifetime editions. Historical and literary and textual commentary]*, the publication was prepared by I. A. Vinogradov. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 387–656. (In Russ.)

20. Vinogradov I. A. "Velichestvennaia oda' Gogol' o stikhotvorenii Pushkina "K N***" ["The majestic ode". Gogol on Pushkin's poem "To N ***"]. *Problemy istoricheskoi poetiki [Problems of historical poetics]*, 2016, issue 14, pp. 140–154. (In Russ.)

21. Vinogradov I. A. Puteshestvie v tvorchestve Gogolia [Journey in the works of Gogol]. *Gogoleznavchi studii. Gogolevedcheskie studii [Gogol Research Studios]*. Nizhin, 2017, issue 6 (23), pp. 24–60. (In Russ. and Ukrain.)

22. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809—1852). Nauchnoe izdanie: v 7 tomakh [The Chronicle of the Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852). Scientific publication: in 7 volumes]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018. (In Russ.)

Vol. 1. 2017. 736 p.

Vol. 2. 2017. 672 p.

23. Vinogradov I. A. "Ogorchennye liudi" v tvorchestve N. V. Gogolia ["Grived People" in the Works of N. V. Gogol]. *Problemy istoricheskoi poetiki [Problems of historical poetics]*, 2018, issue 16, No 4, pp. 29–114. (In Russ.)

24. Vinogradov I. A. Znakomye N. V. Gogolia v krugе obshcheniia K. Marksa: k istorii odnogo znakomstva [Gogol's contacts in the circle of Karl Marx: the story of one acquaintance]. *Studia Litterarum*. 2019, vol. 4. No 1, pp. 236–249. (a) (In Russ.)

25. Vinogradov I. A. Edinstvennyi avtograf povesti N. V. Gogolia "Vii" [The only autograph of the novel by N. V. Gogol "Viy"]. *Ot istorii teksta k istorii literatury. Nauchnoe izdanie [From the history of the text to the history of literature. Scientific publication]*, executive editor M. I. Scherbakova. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, issue 2, pp. 117–162. (6) (In Russ.)

26. Voeikov A. F. Novye knigi [New books]. *Literaturnye Pribavleniia k Russkomu Invalidu [Literary Additions to the Russian Invalid]*, 1836, April 29, No 35, pp. 279. (In Russ.)

27. Gertsen A. I. Neizdannnye stikhotvoreniia A. Pushkina, K. Ryleeva, M. Lermontova [Unpublished poems by A. Pushkin, K. Ryleev, M. Lermontov]. *Poliarnaia Zvezda na*

1856, *izdavaemaia Iskanderom* [*Polar Star on 1856, published by Iskander*]. London, 1858, book 2, pp. 3–44. (In Russ.)

28. Gillel'son M. Pis'ma Zhukovskogo o zapreshchenii "Evropeitsa" [Letters of Zhukovsky on the prohibition of the "European"]. *Russkaia literatura* [Russian literature]. 1965. No 4, pp. 114–124. (In Russ.)

29. Gillel'son M. Neizvestnye publitsisticheskie vystupleniia P. A. Viazemskogo i I. V. Kireevskogo [Unknown journalistic speeches of P. A. Vyazemsky and I. V. Kireevsky]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1966, No 4, pp. 120–134. (In Russ.)

30. Gillel'son M. I., Manuilov V. A., Stepanov A. N. *Gogol' v Peterburge* [*Gogol in St. Petersburg*]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1961. 307 p. (In Russ.)

31. Gillel'son M. I., Mil'china V. A. Kommentarii [Comments]. *Sovremennik. Literaturnyi zhurnal, izdavaemyi Aleksandrom Pushkinym* [Literary magazine, published by Alexander Pushkin], appendix to the facsimile edition. Moscow, Kniga Publ., 1987, pp. 40–202. (In Russ.)

32. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: 14 volumes]. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1952, vol. VIII. Stat'i [Articles], the texts and comments were prepared by O. B. Bilinkis, L. M. Lotman, V. B. Tomashevsky, G. M. Friedlander. 1952. 816 p. (In Russ.)

33. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)], compilation, preparation of texts and comments by A. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010. (In Russ.)

Vol. I–II. Vechera na khutore bliz Dikan'ki. Mirgorod [Evenings on a Farm Near Dikanka. Myrgorod]. 2009. 664 p.

Vol. III–IV. Povesti. Komedii [Tale. Comedy]. 2009. 688 p.

Vol. VI. Vybrannye mesta iz perepiski s друз'iami. Dukhovnaia proza. Kritika. Publit-sistika [Selected places from the correspondence with friends. Spiritual Prose. Criticism. Publicism]. 2009. 744 p.

Vol. VII. Iunosheskie opyty. Pervonachal'nye redaktsii [Youth experiences. The original edition]. 2009. 816 p.

Vol. VIII. Klassnye sochineniia. Lektsii i materialy po istorii i geografii. Zametki o russkom byte [Cool essays. Lectures and materials on history and geography. Notes about Russian life]. 2009. 720 p.

Vol. X. Perepiska 1820–1834 [Correspondence 1820–1834]. 2009. 392 p.

Vol. XI. Perepiska 1835–1841 [Correspondence 1835–1841]. 2009. 488 p.

Vol. XIV. Perepiska 1847 [Correspondence 1847]. 2009. 608 p.

34. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistem- aticheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 tomakh* [Gogol in memoirs, diaries, correspondence contemporaries. Full systematic set of documentary evidence. Scientific Critical Edition: in 3 volumes], the publication was prepared by I. A. Vinogradov. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011–2013. (In Russ.)

Vol. 1. 2011. 904 p.

Vol. 3. 2013. 1168 p.

35. Goncharov I. A. *Iz universitetskikh vospominanii* [From university memories]. *A. S. Pushkin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 tomakh* [A. S. Pushkin in his memoirs of contemporaries: in 2 volumes], introductory article by V.E. Vatsuro, compilation and notes by V.E. Vatsuro, M.I. Gillelson, R.V. Iesuitova, Ya. L. Levkovich. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985, vol. 2, pp. 253–254. (In Russ.)
36. Dmitriev I. I. Pis'ma I. I. Dmitrieva k kniazui P.A. Viazemskomu [Letters of I. I. Dmitriev to Prince P.A. Vyazemsky]. *Starina i Novizna* [Old and Novelty]. 1898, book 2, pp. 117–263. (In Russ.)
37. Doldobanov G. I. *Khronika zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina. V 3 tomakh. 1826–1837* [The Chronicle of the Life and Works of A.S. Pushkin. In 3 volumes. 1826–1837], compiled by G. I. Doldobanov, scientific editor A. A. Makarov. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, vol. 2, book 1, 1831–1832. 424 p. (In Russ.)
38. Doldobanov G. I., Sidorov I. S. *Khronika zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina. V 3 tomakh. 1826–1837* [The Chronicle of the Life and Works of A.S. Pushkin. In 3 volumes. 1826–1837], compiled by G. I. Doldobanov, I. S. Sidorov. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, vol. 3, book 1, 1835 — September 1836. 872 p. (In Russ.)
39. Zakharov V. N. Est' li u nas literatura? Kontsepty literatura i slovesnost' v russkoi kritike [Do we have literature? Concepts of literature and literature in Russian criticism]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2016, issue 14, pp. 7–15. (In Russ.)
40. Zviniatskovskii V. Ia. *Nikolai Gogol'. Tainy natsional'noi dushi* [Nikolai Gogol. Secrets of the national soul]. Kiev, Linei Publ., 1994. 543 p. (In Russ.)
41. Ivinskii D. P. K voprosu ob adresate stikhotvoreniia A. S. Pushkina "Ty prosveshcheniem svoi razum osvetil..." [On the question of the addressee of A. S. Pushkin's poem "You enlightened your mind..."]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Moscow State University Bulletin], series 9, Philology, 1989, No 3, pp. 60–65. (In Russ.)
42. Kireevskii I. V. Nechto o kharaktere poezii Pushkina [Something about the nature of Pushkin's poetry]. *Moskovskii Vestnik* [Moscow Herald], 1828, part 8, No 6, pp. 171–196. (In Russ.)
43. Kireevskii I. V. Obozrenie russkoi slovesnosti 1829 goda [The Review of Russian Literature in 1829]. Kireevskii I. V. *Kritika i estetika* [Criticism and aesthetics], drafting, introd. article and footnotes Yu. V. Mann. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 55–79. (In Russ.)
44. Kurilov A. S. Derzhavinskaia sostavliaiushchaia kriteriia narodnosti russkoi literatury v aksiologii molodogo V. G. Belinskogo [Derzhavin's component of the criterion of the nationality of Russian literature in the axiology of the young V. G. Belinsky]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2016, No 39, pp. 78–87. (In Russ.)
45. Kiukhel'beker V. O napravlenii nashei Poezii, osobenno liricheskoi, v poslednee vremia [On the direction of our Train, especially the lyric, lately]. *Mnemozina, sobranie sochinenii v stikhakh i proze, izdavaemaia Kniazem V. Odoevskim i V. Kiukhel'bekerom* [Mnemosyne, collected works in verse and prose, published by Prince V. Odoevsky and V. Kyukhelbeker]. Moscow, V Tipografii Imperatorskogo Moskovskogo Teatra Publ., 1824, part II, pp. 29–44. (a) (In Russ.)

46. Kiukhel'beker V. Razgovor s F. V. Bulgarinym [Conversation with F. V. Bulgarin]. *Mnemozina, sobranie sochinenii v stikhakh i proze, izdavaemaia Kniazem V. Odoevskim i V. Kiukhel'bekerom* [Mnemosyne, collected works in verse and prose, published by Prince V. Odoevsky and V. Kyukhelbeker]. Moscow, V Tipografii Imperatorskogo Moskovskogo Teatra Publ., 1824, part III, pp. 157–177. (6) (In Russ.)

47. Lebedev K. N. Zapiski senatora K. N. Lebedeva [Notes of Senator K. N. Lebedev]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], 1910, No 7, pp. 333–408. (In Russ.)

48. Lotman Iu. M. Stikhotvorenie Andreia Turgeneva “K otechestvu” i ego rech’ v “Druzheskom literaturnom obshchestve” [Andrey Turgenev’s poem “To the Fatherland” and his speech in the “Friendly literary society”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 60, book 1, pp. 323–338. (In Russ.)

49. Mezhevich V. S. O narodnosti v zhizni i v poezii. Rech', proiznesennaia v torzhestvennom sobranii Moskovskogo Dvorianskogo instituta 1835 goda, Dekabria 22-go dnia, Starshim Uchitelem Vasiliem Mezhevichem [On the nation in life and in poetry. Speech delivered at the ceremonial meeting of the Moscow Nobility Institute of 1835, December 22nd of the day, by the Senior Teacher Vasily Mezhevich]. Moscow, 1835, pp. 46–53. (In Russ.)

50. Moro Zh.-L. “Glukhoi glukhogo zval na sud sud’i glukhogo” [“The deaf one who was deaf called upon the judge deaf”]. *Mnogoiazychie v obrazovatel'nom prostranstve. Vol. 5. K 75-letiiu Zhan-Liuka Moro, frantsuzskogo finno-ugroveda, perevodchika, poeta: sbornik nauchnykh trudov* [Multilingualism in the educational space. Volume 5. To the 75th anniversary of Jean-Luc Moreau, a French Finno-Ugricologist, translator, poet: a collection of scientific papers], compiled by T. I. Zelenina, editors T. I. Zelenina, J.-L. Moreau, N. V. Kondratieva. Izhevsk, Udmurt University Publishing House Publ., 2014, pp. 130–157. (In Russ. and in French)

51. Neverov Ia. Obozrenie russkikh gazet i zhurnalov za pervuiu polovinu 1835 goda [Review of Russian newspapers and magazines for the first half of 1835]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of National Education], 1836, No 8, pp. 428–449. (In Russ.)

52. *Neizdannyi Gogol'* [Unpublished Gogol], the publication was prepared by I. A. Vinogradov. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001. 600 p. (In Russ.)

53. Nikitenko A. V. *Dnevnik: v 3 tomakh* [Diary: in 3 volumes]. Without a place of publication, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1955, vol. 1. 543 p. (In Russ.)

54. Nikol'skii V. V. Zhobar i Pushkin [Zhobar and Pushkin]. *Russkaia Starina* [Russian Antiquity], 1880, No 7, pp. 555–564. (In Russ.)

55. Odoevskii V. F., Prince. O vrazhde k prosveshcheniiu, zamechaemoi v noveishei literature [About enmity to enlightenment, seen in the latest literature]. *Sovremennik* [Contemporary], 1836, No 2, pp. 206–217. (In Russ.)

56. Pletnev P. A. O narodnosti v literature. Rassuzhdenie, chitannoe v torzhestvennom sobranii Imperatorskogo S. Peterburgskogo universiteta professorom onogo P. A. Pletnevym, 31 avgusta 1833 goda [On the nationality in the literature. Reasoning, read in a solemn meeting of the Imperial St. Petersburg University by Professor P. A. Pletnev, August 31, 1833]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of National Education], 1834, part 1, No 1, division 2, pp. 1–30. (In Russ.)

57. Polevoi Ks. A. O novom napravlenii v Russkoi Slovesnosti [On the new direction in Russian literature]. *Moskovskii Telegraf* [Moscow Telegraph], 1834, part 56, No 5, pp. 118–136. (In Russ.)

58. Priima F. Ia. Pushkin i Belinskii [Pushkin and Belinsky]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1977, No 1, pp. 30–46. (In Russ.)

59. Pushkin A. S. Pis'mo k izdateliu [Letter to the publisher]. *Sovremennik* [Contemporary], 1836, vol. 3, pp. 321–329. (In Russ.)

60. Pushkin. *Sobranie sochinenii. Biblioteka velikikh pisatelei pod redaktsiei S. A. Vengerova* [Collected Works. Library of great writers, edited by S. A. Vengerov]. Sankt-Peterburg, Brokgauz-Efron Publ., 1911, vol. 5. 552 + 80 p. (In Russ.)

61. Pushkin. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 tomakh* [Complete Works: in 16 volumes]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1837–1959. (In Russ.)

Vol. 3, book 1. Stikhotvoreniia, 1826–1836. Skazki [Poems, 1826–1836. Fairy tales], editors S. M. Bondi, T. G. Zenger, N. V. Izmailov, A. L. Slonimsky, M. A. Tsyavlovsky. 1948. 635 p.

Vol. 3, book 2. Stikhotvoreniia, 1826–1836. Skazki [Poems, 1826–1836. Fairy tales], editorial M. A. Tsyavlovsky, T. G. Tsyavlovskaya-Senger. 1949. 744 p.

Vol. 11. Kritika i publitsistika, 1819–1834 [Criticism and journalism, 1819–1834], editors V. V. Gippius, B. M. Eichenbaum, B. V. Tomashevsky, S. M. Bondi, N. V. Izmailov, V. V. Vinogradov, B. S. Meilah, B. I. Coplan, A. I. Zaozersky. 1949. 600 p.

Vol. 12. Kritika. Avtobiografiia [Criticism. Autobiography], editors V. V. Gippius, B. M. Eichenbaum, T. G. Tsyavlovskaya-Zenger, N. G. Bogoslovsky, S. M. Bondy, G. A. Byaly, N. V. Izmailov, V. L. Komarovich. 1949. 576 p.

Vol. 13. Perepiska, 1815–1827 [Correspondence, 1815–1827], editorial D. D. Blagoy. 1937. 651 p.

Vol. 14. Perepiska, 1828–1831 [Correspondence, 1828–1831], editorial staff L. L. Domger, N. V. Izmailov, B. L. Modzalevsky, D. P. Yakubovich. 1941. 547 p.

Vol. 15. Perepiska, 1832–1834 [Correspondence, 1832–1834], editorial staff L. L. Domger, N. V. Izmailov, L. B. Modzalevsky. 1948. 391 p.

Vol. 16. Perepiska, 1835–1837 [Correspondence, 1835–1837], editorial staff L. L. Domger, N. V. Izmailov, L. B. Modzalevsky. 1949. 503 p.

62. Pushkin v neizdannoi perepiske sovremennikov (1815–1837) [Pushkin in unpublished correspondence of contemporaries (1815–1837)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 58, pp. 3–154. (In Russ.)

63. *Pushkin v pis'makh Karamzinykh 1836–1837 godov* [Pushkin in the letters of the Karamzins of 1836–1837], edited by N. V. Izmailov. Moscow, Leningrad, 1960. 433 p. (In Russ.)

64. Radishchev A. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 3 tomakh* [Complete Works: in 3 volumes]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1938, vol. 1. 503 p. (In Russ.)

65. Sadovnikov D. N. Otzyvy sovremennikov o Pushkine. (K materialam dlia ego biografii) [Reviews contemporaries about Pushkin. (To the materials for his biography)]. *Istoricheskii Vestnik* [Historical Bulletin], 1883, December, pp. 520–542. (In Russ.)

66. Sliusar' A. A. *Proza A. S. Pushkina i N. V. Gogolia. Opyt zhanrovo-tipologicheskogo sopostavleniia* [Prose by A. S. Pushkin and N. V. Gogol. Experience of genre-typological juxtaposition]. Kiev, Odessa, Lybid' Publ., 1990. 188 p. (In Russ.)

67. Sobolevskii S. A. Iz pisem k M. N. Longinovu [From letters to M. N. Longinov]. *A. S. Pushkin v vospominaniiakh sovremennikov: v 2 tomakh* [A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries: in 2 volumes], introductory article by V. E. Vatsuro, compilation and notes by V. E. Vatsuro, M. I. Gillelson, R. V. Jesuitova, Ya. L. Levkovich. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985, vol. 2, pp. 14–16. (In Russ.)

68. Solov'ev V. Sud'ba Pushkina [The fate of Pushkin]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], 1897, No 9, pp. 131–156.

69. Tarkhova N. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina: v 4 tomakh* [Chronicle of the life and work of Alexander Pushkin: in 4 volumes], compiled by N. A. Tarkhova. Moscow, Slovo Publ., 1999, vol. 4. 1833–1837. 752 c. (In Russ.)

70. Tikhonravov N. Primechaniia redaktora i varianty [Editor's notes and variants]. *Gogol' N. V. Sochineniia. Desiatoe izdanie* [Works. Tenth edition], the text is verified with the author's manuscripts and the original editions of his works N. Tikhonravov. Moscow, 1889, vol. 1, pp. 505–709. (In Russ.)

71. Tomashevskii B. V. Pushkin i frantsuzskaia literatura [Pushkin and French literature]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1937, vol. 31–32, pp. 1–76. (In Russ.)

72. Trubitsyn N. N. *O narodnoi poezii v obshchestvennom i literaturnom obikhode pervoi treti XIX veka. (Ocherki)* [On folk poetry in public and literary use of the first third of the XIX century. (Essays)]. Sankt-Peterburg, 1912. 593 p. (In Russ.)

73. Turgenev A. I. Rech' o russkoi literature [Speech about Russian literature]. *Literaturnaia kritika 1800–1820-kh godov* [Literary criticism of the 1800s — 1820s], the author of the article, the composition, notes and preparation of the text of L. G. Frizman. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980, pp. 44–47. (In Russ.)

74. Uvarov S. S. Otchet po obozreniiu Moskovskogo Universiteta [Report on a review of Moscow University]. *Dopolnenie k Sborniku postanovlenii po Ministerstvu Narodnogo Prosveshcheniia. 1803–1864* [Addition to the Collection of resolutions on the Ministry of National Education. 1803–1864]. Sankt-Peterburg, 1867, column 340–370. (In Russ.)

75. Uvarov S. S., Batiushkov K. N. O grecheskoi Antologii [On the Greek Anthology]. *Arzamas: Sbornik: v 2 knigakh* [Arzamas: Collection: in 2 books]. Moscow, 1994, book 2, pp. 100–115. (In Russ.)

76. Franko I. Ia. Vii, Sholudivii Buniaka i Iuda Iskariots'kiii [Vii, Sholudii Bunyak and Judas Iskariote]. *Ukraina*, 1907, No 1, pp. 50–55. (In Ukrain.)

77. Shevyrev S. P. Dant i ego vek. Issledovaniia o Bozhestvennoi komedii [Dante and his century. Studies on the Divine Comedy]. *Uchenye Zapiski Imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Scientists Notes of the Imperial Moscow University]. 1834, No 11, May, pp. 365–397. (In Russ.)

78. Shchegolev P. E. Iz zhizni i tvorchestva Pushkina. Tret'e izdanie [From the Life and Works of Pushkin. Third edition]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1931. 388 p. (In Russ.)

79. Shchegolev P. E. *Duel' i smert' Pushkina. Issledovanie i materialy. Tret'e izdanie, dopolnennoe* [Duel and Pushkin's Death. Research and materials. Third edition, enlarged]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 550 p. (In Russ.)

Лев Толстой в работе над романом «Декабристы»

Аннотация: Целью настоящей статьи является реконструкция истории создания романа «Декабристы» Л. Н. Толстого в 1870-е гг. Впервые этапы создания этого произведения рассмотрены целостно, с подробным анализом становления всех ключевых сюжетных линий и образной системы. Сначала зародилась переселенческая линия (зима 1874–1875, март 1877), затем в центр выдвинулась тема трудовой крестьянской жизни (май — октябрь 1877); позднее с ними слились размышления о декабристах с темой судебной тяжбы между крестьянами и помещиком за землю (ноябрь 1877–1878). Проблема взаимоотношений дворянского героя с народом стала главным связующим фактором этих частей. Новый ракурс она приняла в сюжете с исчезнувшим лицом, повествующем о трагической смерти отца будущего декабриста, князя Гагарина (декабрь 1878 — январь 1879). Свое влияние на проблематику произведения оказали и религиозно-философские искания писателя, подготовившие обращение к «Исповеди» в конце 1879 г. Образная система романа формировалась на основе архивных документов (историческая тема) и личных наблюдений автора (крестьянская тема). Исследование работы Толстого над историческим романом о декабристах по представленному плану позволило всесторонне изучить объемный документальный, биографический и рукописный материал, ответить на главный вопрос: почему замысел монументального исторического полотна не состоялся и роман был оставлен на пике творческих исканий. Решающую роль в этом сыграл отход Толстого в данный период от уже освоенных форм художественного творчества. В жизни писателя наступала пора «Исповеди», религиозно-философских трактатов и народной литературы.

Ключевые слова: Лев Толстой, роман «Декабристы», философия истории, творческий поиск, формы художественного творчества, мировоззренческий кризис, проблематика произведения.

Информация об авторе: Сизова Ирина Игоревна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: u_sizova@bk.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 06.04.2019

Дата публикации статьи: 27.07.2019

Для цитирования: Сизова И. И. Лев Толстой в работе над романом «Декабристы» // Два века русской классики. 2019. №1. С. 104–117.

DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-104-117

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Irina I. Sizova
Moscow, Russia

Leo Tolstoy in the novel “The Decembrists”

Abstract: The purpose of this article is to reconstruct the history of the novel “Decembrists” by L. N. Tolstoy in the 1870s. For the first time the stages of creation of this work are considered holistically, with a detailed analysis of the formation of all the key storylines and imagery. First the idea of the resettlement line was born (winter 1874–1875, March 1877), then the subject of the employment of peasant life were in the center (May — October 1877); later the topics of litigation between peasants and landowner for the land and the Decembrists merged (united) with them (November 1877–1878). The problem of relations between the noble hero and the common people became the main connecting factor of these parts. This problem took a new angle in the story of the disappeared face, which is about the tragic death of the father of the future Decembrist, Prince Gagarin (December 1878 — January 1879). The religious and philosophical searches of the writer that prepared the address to “Confession” at the end of 1879, had the influence on the subject matter of this work also. The figurative system of the novel was formed on the basis of archival documents (historical theme) and the personal observations of the author (country theme). The study of Tolstoy’s work on the historical novel about the Decembrists according to the presented plan made it possible to study comprehensively the voluminous documentary, biographical and handwritten material and to answer the main question: why the plan of the monumental historical canvas did not take place and the novel was left at the peak of creative searches? A decisive role in this was played by the departure of Tolstoy from the already mastered forms of artistic creativity, which was outlined in this period. A new road was laid in the life, work and outlook of the writer. It was a time for “Confession”, religious and philosophical treatises and folk literature.

Keywords: Leo Tolstoy, the novel “Decembrists”, the philosophy of history, creative search, forms of artistic creativity, ideological crisis, the problems of the work.

Information about the author: Irina I. Sizova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: u_sizova@bk.ru

Received: April 06, 2019

Published: July 27, 2019

For citation: Sizova I. I. Leo Tolstoy in the novel “The Decembrists”. Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, no 1, pp. 104–117. (In Russ.)

DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-104-117

В 1870-е гг. интерес Л. Н. Толстого к декабристской эпохе возобновился с ноября 1877 г. (письма к Н. Н. Страхову от 11... 12 и 26... 27 ноября). В замыслах произведений о царствовании Николая I и о Федоре Щетинине (ноябрь 1877 — январь 1878) ощутимо слияние исторической и переселенческой тем. С первых чисел января 1878 г. писатель начал активно собирать исторический материал для романа о декабристах. 13 января 1878 г. в записную книжку были внесены первые заметки.

Философия истории Толстого сложилась уже в период создания «Войны и мира». Ход истории уподобляется волнению огромного моря с исторической поверхностью и глубиной. На гребни исторических волн выносятся волей случая государственные лица: императоры, министры, дипломаты, иные власть имущие, но их значительность мнима. Только народная жизнь — историческая глубина — зарождает подлинно великие победы и перемены. Народ движет историю. Поэтому целостная динамика замысла романа о декабристах в 1870-е гг. сочетает широкие обзоры российской и европейской истории 1820-х гг. со сценами из крестьянской жизни.

Эта творческая концепция оформилась к 8 января 1878 г. и не менялась на протяжении работы над произведением с 1878 г. по февраль 1879 г. Народ, трудовое крестьянство (земледельцы) представлялись Толстому идеалом общественной жизни и главным положительным героем. Развитие линии дворянского героя предполагало поиск путей сближения с народом. Отрыв правящего сословия («Олимп», «Юпитер с богами» в лице Николая I) от народа виделся главной болезнью российского общества: «И это у меня будет происходить на Олимпе, Николай Павлович со всем этим высшим обществом, как Юпитер с богами, а там где-нибудь в Иркутске или в Самаре переселяются мужики, и один из участвовавших в истории 14 декабря попадает к этим переселенцам — и “простая жизнь в столкновении с высшей”» [Толстая: 505].

Эстетическую формулу соразмерности в художественном освещении

исторических событий выразил тезис: «...Смотреть на историю 14 декабря, никого не осуждая, ни Николая Павловича, ни заговорщиков, а всех понимать и только описывать». По свидетельству жены, писатель искал «фон для узора», и этим «фоном» могло явиться его религиозное настроение. На вопрос Софьи Андреевны: «Как же это?» — Толстой ответил: «Если б я знал — как, то и думать бы не о чем» [Толстая: 506].

Основной образ положительного героя-дворянина, способного по убеждениям противостоять правящему «Олимпу», «богам» во главе с «Юпитером» Николаем Павловичем, определился за короткий период — с января по февраль 1878 г. Сначала это был тип В.А. Перовского (<«Князь Федор Щетинин»>). Затем на передний план выдвинулись декабристы, в оценке автора — лучшие представители передового дворянства. На разных стадиях создания романа намечались два типических характера. Первый — это молодой человек, случайно вовлеченный в заговор. Ко второму был отнесен представитель декабристского круга, не состоявший в тайных обществах, но близко знавший мятежников. Толстой остановил свой выбор на рядовых представителях движения, а не на ключевых его фигурах. Поэтому главные герои происходят из семей Сомовых, Карцовых, Самойловых, Загорецких, Бурцовых, Одоевских, Чернышевых и Гагариных.

Архивный фонд романа о декабристах 1870-х гг. включает двадцать две сохранившиеся рукописи, четыре из которых — конспективные записи и планы [Описание: 252–258]. Все автографы не датированы; тринадцатый имеет авторскую помету «6 мая» (1878). Большинство из них не озаглавлено, за исключением пятого — «Борисовка», одиннадцатого и двенадцатого — «Пути жизни», двадцать пятого — «1818 год. Пролог». Заглавие «Декабристы» появилось в 1884 г.

В феврале — марте 1878 г. (8–11 февраля, 4–12 марта) Толстой направился в Москву и Петербург за историческими материалами и архивными делами о переселении. «Список дел me fait venir l'eau à bouche»¹, — пишет он в конце февраля — первых числах марта В. А. Иславину, члену Совета министра государственных имуществ [Толстой. Т. 62: 392]. Уже 12 марта из столицы в Ясную Поляну были доставлены пять переселенческих дел. 14 марта писатель благодарил В. А. Иславина за ценные материалы. По его предположению, П. А. Берс мог бы отобрать в архиве Министерства государственных имуществ дела о

¹ Заставляет у меня слюнки течь (фр.).

переселении крестьян из центральных губерний в Оренбургский край и в Сибирь за 1820-е гг. В тот же день он просил Л. А. Берс разрешить П.А. Берсу заняться выполнением своего поручения.

12 апреля переселенческие дела от Иславина получил С. А. Берс. 13 апреля Иславин извещал Толстого, что подготовил для него в архиве двадцать переселенческих дел. Десять дел — за период с 1809 по 1825 гг. — он передал С. А. Берсу. Л. А. Берс переслала их по почте в Ясную Поляну. Другие десять дел Иславин оставил пока у себя, но составил к ним сопроводительный обзор. Из материалов следовало, что передвижение народа из средних губерний России на восток, в Оренбургскую и особенно в Саратовскую губернию, заметно усилилось в 1826, 1827, 1828 гг.

Толстого привлек документ о переселении крестьян из Тамбовской губернии в Оренбургский край под заголовком: «Дело по прошению Усманской округи села Крутчина однодворца Брыкина, о переселении верителей его в числе 334-х душ в Оренбургскую губернию. С 12 ноября 1815 <по> 31 дек. 1825. Всего на 85 листах» [Гессен: 217]. Речь в нем идет о крестьянах, переселяющихся из нескольких сел Тамбовской губернии, в том числе из села Излегощи. Следы отражения этого документа в тексте романа: тема переселения, совпадение времени действия (1818 год), фамилии исторического лица (Михаил Брыкин) и литературного героя (Иван Брыкин), названия села (Излегощи).

14 марта 1878 г. датируются три письма Толстого, раскрывающие разные стороны творческого процесса. А. А. Толстой: «...Весь погрузился в тот мир, в котором я живу. Надобно, чтоб не было виноватых» [Толстой. Т. 62: 397].

Брату С. Н. Толстому: «...Много занимаюсь для будущего писания» [Толстой. Т. 62: 397].

Н. Н. Страхову: «...Весь ушел в свою работу и чувствую приливы радости и восторга» [Толстой. Т. 62: 398].

Но уже 28 марта 1878 г. С. А. Толстая объявила Т. А. Кузминской о слабости и вялости мужа, о его безучастности ко всему. Толстой не может писать и работать, и это отравляет ему жизнь.

Крестьянская сходка (15 человек) весной 1818 г. возле дома Федора Резунова (первоначально — Ивана Брыкина) описана в <Третьем начале> романа (рукопись № 10) [Описание: 253–254]. Мужики — Федор Резунов, Митрий Храмов, Митрий Макарычев, старик Базыкин, Ры-

жий Влас, Иван Брыкин, печник Пелагеюшкин, Гаврюха Болхин (позже добавлен старшина) — спорят о том, пахать или не пахать отбитую у них помещиком Сомовым Грецовскую пустошь. Обстоятельства судебного разбирательства: земля отписана на помещика Сомова и подано прошение в Сенат.

Прототипами крестьян в этом начале (как и во всем романе) Толстой выбрал жителей деревни Ясная Поляна, которые были ему хорошо знакомы. Подлинно и название спорной пустоши: писатель владел деревней Грецовкой в десяти верстах от Ясной Поляны. Имя и фамилия Федора Резунова могут восходить к Федору Николаевичу Резунову (1803–1861), наиболее известному представителю рода Резуновых в первой половине XIX в. Склад его характера и наружность запечатлевает пятая глава рассказа «Поликушка»: «Резун-плотник был <...> человек высокий, черный, буйный, пьяный, смелый и особенно ловкий в спорах и толках на сходках, на базарах, с работниками, купцами, мужиками или господами» [Толстой, 2001: 143].

Сначала состав крестьянской сходки складывается иначе. По раннему варианту к Ивану Брыкину подходит сосед Митрий Храмков. Вероятно, на начальном этапе планировалось описать в этом образе Якова Андреевича Фролкова (1817–1877), исполняющего в 1850-х гг. обязанности старосты в Ясной Поляне. Тип «первого бедняка в селе» [Толстой. Т. 17: 269] Митрия Макарычева воссоздает черты Дмитрия Макаровича Макарова, старшего брата Севостиана Макаровича Макарова (1821–1898). Фигура старика Базыкина связывается с семьей Базыкиных, принадлежащей к древнейшему крестьянскому роду Зябровых. Предок Власовых — Влас Кириллович Власов (1801–1881), крестьянин Волконских, позднее Толстых. Портретная зарисовка Власа обогащается яркой деталью его внешности (Рыжий). Было: «Влас, увидав мужиков...» [Толстой. Т. 17: 269]. Позже изменено: «Рыжий Влас, увидав вилки, перешел с той стороны улицы» [Толстой. Т. 17: 269]. Спустя год, в записной книжке 1879 г. 13 марта Толстой вновь подчеркнет рыжий цвет волос крестьянина: «Влас 80 лет, горбатый, слепой, плюгавый, рыжий, длинные космы» [Толстой. Т. 48: 311].

Характер печника Пелагеюшкина отображает облик Степана Михайловича Пелагеюшкина (Полина). 30 октября 1884 г. Толстой пишет о нем Софье Андреевне с глубоким сочувствием: «Пришел старик Степан Кривой; я побеседовал с ним. Нужда, нужда мужицкая, нужда в

первых потребностях — хлеба, молока, дров и сверх того подати» [Толстой. Т. 83: 450]. 4 октября 1905 г. Д. П. Маковицкий отметил: «Меня поражает память Л. Н.: сколько он помнит и знает лиц, семей, связей семейных. Рассказывал про яснополянских Болхиных. Их деды шалили. Были очень сильные. Воровали, тащили возы в лес» [Маковицкий: 417]. В двенадцатом начале «Декабристов» (рукопись № 20) [Описание: 256–257] повествователь представляет Гаврюху Болхина «отчаянной головой» [Толстой. Т. 17: 286]. Прототип этого героя — Гавриил Ильич Болхин (1831–1885), частый фигурант на страницах дневника и записных книжек Толстого (1856, 1879, 1881); его трагическая гибель отозвалась в описании убийства «ловкого, смелого и успешного конокрада» Ивана Миронова в повести «Фальшивый купон» [Толстой. Т. 36: 22].

С образом помещика Сомова связывается развитие темы декабризма в романе. На данном этапе работы Сомов видится автору отцом будущего декабриста. Фамилию для своего героя Толстой может заимствовать у писателя Ореста Михайловича Сомова (1793–1833), занимавшего в 1824–1826 гг. должность столоначальника в правлении Российско-американской компании. Ночью 14 декабря 1825 г. он был арестован, так как жил в одном доме и близко общался с К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым.

Следствием установлено, что членом тайных обществ О. М. Сомов не состоял. Выписка из «Алфавита членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному Высочайше учрежденною 17 декабря 1825 года Следственной Комиссией» (1827): «Сомов, Орест Михайлов. Известный по сочинениям. Взят был по подозрению в принадлежности к Обществу и участию в мятеже, потому что жил в одном доме с Рылеевым и Александром Бестужевым. Но по изысканию Комиссии оказалось, что он не участвовал ни в том, ни в другом и не знал, как о существовании Общества, так и о замыслах на 14-ое декабря. Содержался в крепости с 15-го декабря. По Высочайшему повелению, вследствие доклада Комиссии, 7 января освобожден с аттестатом» [Восстание декабристов. Материалы: 179]. «Полагаю выпустить». Такую резолюцию оставляет Николай I на полях «Записки о XIX заседании Тайного комитета 4 генваря 1826 года» возле текста: «Милосердие сие распространить и на дворянина Сомова, который также, как по исследованию оказывается, ни обществу не принадлежал и ни на Сенатской площади во время возмущения, ни в

заговоре не был» [Восстание декабристов. Документы: 234].

Заглавие «Пути жизни», важный элемент художественного решения концепции Толстого о единении дворянского героя с народом, появилось в <Четвертом начале> (рукопись № 11) [Описание: 254]. Подзаголовок «1818 год» обозначает главу или вступительную часть (пролог).

Эпиграф из Евангелия от Иоанна «Аз рек: Бози есте» подчеркивает социальный аспект романа и проясняет позицию автора: критику судебной и управленческой структур власти и сочувственное отношение к бесправному положению народа. Тридцать четвертый стих из десятой главы Евангелия от Иоанна восходит к шестому стиху восьмьдесят первого псалма, где повествуется о Божием суде над сонмом богов: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд: “Доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицепрятие нечестивым? Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость; избавляйте бедного и нищего, исторгайте его из рук нечестивых!” Не знают, не разумеют, во тьме ходят! все основания земли колеблются. Я сказал: “Вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы; но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей!”».

Именем Бога представителям органов правосудия указывается, в каком случае они могут именоваться сынами Всевышнего, как бы богами: если будут по правде судить бедного и сироту и оказывать справедливость каждому угнетенному и нищему, если будут избавлять бедных и нищих от притеснений со стороны «нечестивых». «Те из органов <...> власти, которые ничего этого не разумеют и ходят во тьме, так что от их злодеяний колеблются все основания земли и все основы общежития, — все погибнут, несмотря на то, что названы богами» [Гладков: 459].

Вначале рукопись открывалась так: во время весенней пахоты 1818 г. мужики села Излегощи Орловской губернии с раннего утра собрались на работы. Старик Михайла Фоканов, возвращаясь с водопоя, куда он с внуком Тараской гонял лошадей, присоединяется к сходке у избы Ивана Брыкина. Мужики толкуют о том, что пора запахивать и начинать надо с Девкиного верху на спорной пустоши. Затем этот зачин целиком вычеркивается.

В новом зачине старик Михайла Фоканов возвращается уже с поля, куда он ходил смотреть, обсохла ли земля. В эпизоде сходки крестьяне принимают решение запахивать землю. Поворот событий поясняется

репликой Ивана Брыкина о том, что нижним земским судом пустошь утверждена за мужиками.

Работа прервалась на эпизоде утра пахотного дня. Было создано два его наброска. Первый, куда входит сцена моления старой крестьянки (жены Михайлы), оставлен автором. В центр второго выдвигается трудовая крестьянская жизнь. На стыке эскизов слева на полях продуман вероятный план развития действия: «Враг Михайлы. Наем пастуха. Делить землю. Если» [Толстой. Т. 17: 535]. Помета сделана более темными чернилами, следовательно, позднее основного текста. Она соотносится с заметкой из неопубликованного дневника яснополянского крестьянина А. Р. Бочарова, который был начат по просьбе Толстого и охватывает период с 12 апреля по 20 августа 1878 г. Среди событий 18 апреля Бочаров описывает сходку, собранную старостой возле кабака. Крестьяне говорили про пастуха; в пастухи наняли Петра Курносова за семьдесят рублей.

Заметка в дневнике А. Р. Бочарова от 18 апреля, возможно, напомнила Толстому происшествие летних месяцев 1872 г., когда бык заporол насмерть пастуха (крестьянина Матвея Афанасьева), и писатель намеревался отразить это в романе. История с быком вызвала в нем острую критику судебной системы. П. Богословский, исполняющий обязанности судебного следователя Крапивенского уезда, полагал в постановлении от 18 августа, что Толстой «может обвиняться в противозаконном деянии» по делу о «ненадлежащем содержании животных, приведших к смерти человека» [Парамонова: 301, 297]. Как вспоминает С. А. Толстая, аналогичный случай, но без судебных разбирательств, произошел в 1873 г. перед отъездом в Самару. Новый молодой бычок придавил рогами к стене отвязывавшего его скотника. «Послали за доктором, Лев Николаевич сам три дня ходил за больным, но спасти его не удалось, и скотник умер через три дня» [Толстая. Моя жизнь: 216].

В ходе итоговой правки были исключены заглавие к задумываемому роману, эпиграф, название главы или вступительной части («1818 год»).

Прототипы старика Михайлы и его внука Тараски в <Четвертом начале> «Декабристов» легко угадываются по фамилии. От крестьянина Фоки Петровича (1694–1746) происходит старейший и многочисленный крестьянский род Фокановых. Михаил Максимович Фоканов (1791–1873), крестьянин Волконских и Толстых, видимо, послужил

прообразом «богатого старика» Михайлы. Писатель оставил подлинную фамилию Фокановых и отразил приметку внешнего облика М. М. Фоканова, его хромоту. Позднее, в тринадцатом начале (рукопись № 21) [Описание: 257] будет создан портретный эскиз крестьянина: «Михайла был росту небольшого и согнутый. Лопатки у него выдавались. Видно было, что он много через силу работал. Волоса у него, пока были не бритые, прямые, густые, висели наперед, глядел он исподлобья, и нога одна была кривая. Он в молодых упал с воза и нарезался на косу» [Толстой. Т. 17: 288].

На протяжении долгих лет Толстой тепло относился к Тарасу Карповичу Фоканову (1852–1924), внуку М. М. Фоканова, одному из лучших учеников яснополянской школы шестидесятых годов. Он часто упоминается в педагогических работах, подготовленных писателем для журнала «Ясная Поляна» (1862): в статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» и в приложении «Дневник яснополянской школы за 1862 год». Под именем Тараски Резунова крестьянин выведен в рассказе «Ягоды». В последние годы жизни Толстой часто встречался и подолгу беседовал с ним, что отразилось в дневниковых записях 1909 г. После смерти писателя Т. К. Фоканов стал сторожем его могилы.

В новом сюжетном ключе спор крестьян за землю с бригадиром Сомовым показывает <Пятое начало> романа (рукопись № 12) [Описание: 254]. В марте 1818 г. в селе Маховом у дома небогатого помещика Криницына ожидают императора Александра I. Распоряжается приемом враг мужиков Сомов в блестящем отставном мундире с орденами. Два крестьянина из села Излегощи намереваются подать Александру I «просьбу» в ту минуту, как он ступит на крыльцо. Мотив подачи прошения царю будет использован и в дальнейшем. Толстой восстановит заглавие «Пути жизни» и эпиграф «Аз рек: Бози есте» (Ин 10, 34).

Описание проезда Александра I учитывает действительный исторический факт. 21 февраля 1818 г. император отбыл из Москвы в Варшаву, где 15 марта произнес речь при открытии первого Польского сейма. Затем он совершил длительное путешествие по югу России, вернувшись в Москву 1 июля [Николай Михайлович: 714].

Образ помещика на этой ступени создания произведения связывается с декабристским окружением. Из документов известно, что четверо братьев Криницыных (Криницыных) привлекались следствием по делу декабристов.

Александр Николаевич Креницын 1-й (1801–1865), поэт, прапорщик 18 егерского полка, с сентября 1812 г. воспитывался в Пажеском корпусе, откуда, за оскорбление гувернера, в июне 1820 г. переведен рядовым в 18 егерский полк; с 1823 г. — прапорщик, в 1828 г. вышел в отставку в чине подпоручика. По показанию декабриста А. С. Гангблова, состоял в обществе «квилков» в Пажеском корпусе. Комиссия установила, что членом тайных обществ декабристов А. Н. Креницын не был. «...Не принадлежал к Обществу. Об оном уведомлен главнокомандующий», — отмечено в следственном документе [Восстание декабристов. Материалы: 104].

Владимир Николаевич Креницын 2-й и Николай Николаевич Креницын 3-й, прапорщики лейб-гвардии Измайловского полка, подозревались в знании о существовании тайного общества и в намерении не присягать Николаю I. Следственный комитет оставил это без внимания: «...О Креницыных главные члены отозвались, что они не принадлежали к Обществу и о намерении на 14-е декабря не знали» [Восстание декабристов. Материалы: 104].

Павел Николаевич Креницын 4-й в 1818 г. из Пажеского корпуса выпущен корнетом в Глуховский кирасирский полк, в 1819 г. переведен в лейб-гвардии Уланский полк, в 1823 г. получил чин поручика; уволен со службы штаб-ротмистром в 1827 г. О нем приведены такие сведения: «14 декабря по Высочайшему повелению он был арестован за то, что, будучи не по форме одет, остановился на Дворцовой площади у Преображенского и Измайловского полков. Сверх того подозревался в участии в мятеже. Но по изысканию Комиссии оказалось, что он находился здесь по болезни, не принадлежал к Обществу и не знал о намерениях оною на 14-е число. По Высочайшему повелению освобожден» [Восстание декабристов. Материалы: 103].

Таким образом, с первой половины марта (после 12) по 28 марта 1878 г. могли быть написаны три начала декабристского романа, третье, четвертое и пятое. Датировать крайние хронологические пределы работы над ними позволяют указания в письмах Толстого от 14 марта к А. А. Толстой, к брату С. Н. Толстому и к Н. Н. Страху, а также в письме С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 28 марта. На данном этапе обдумывались детали судебного разбирательства между помещиком и крестьянами, состав героев, их портретные зарисовки и повороты духовной жизни. Прототипы крестьянских образов узнаваемы в пред-

ставителях семей деревни Ясная Поляна, хорошо знакомых Толстому: Резуновых, Фролковых, Макаровых, Базыкиных, Власовых, Пелагеюшкиных, Болхиных, Фокановых. Развитие линии героя-декабриста связывалось в тот период с О. М. Сомовым, не состоявшим в тайных обществах, и с братьями Креницынами (Криницынами), привлекавшимися Следственной комиссией по делу 14 декабря. Впервые появились новое заглавие («Пути жизни») и эпиграф («Аз рек: Бози есте»), выделившие социальный срез произведения.

Мартовские автографы рождались в период тяжелого душевного состояния, пошатнувшего в Толстом стимулы не только к творчеству, но и к жизни. Муки творчества и души приоткрыты в трех его письмах от 6 апреля.

С. А. Рачинскому: «Планы есть, но для забавы — любоваться ими, но, кажется, уже нет ни сил, ни времени приводить их в исполнение. Планы одни личные <...> — спасти душу» [Толстой. Т. 62: 404].

А. А. Фету: «...Нет интереса в жизни <...> я <...> не в духе» [Толстой. Т. 62: 408].

А. А. Толстой: «...Я ничем не занят <...> и вообще думаю, что из моих начинаний ничего не выйдет <...> я, мне кажется, уж отписался» [Толстой. Т. 62: 408–409].

8 апреля С. Н. Толстому: «Я чувствую себя <...> плохим и старым» [там же, с. 412].

«А мне все приходит в голову: не напрасные ли затеи и не пора ли перестать напрягаться?» [Толстой и Страхов: 421] — спрашивает Толстого 6 апреля Н. Н. Страхов, переживающий в то время сходные чувства. «Отчего *напрягаться*? Отчего вы сказали такое слово?» — последовал живой отклик из Ясной Поляны 8 апреля. «Я очень хорошо знаю это чувство — даже теперь последнее время его испытываю». Для того чтобы творить, исполнять свою земную обязанность, писателю недоставало внутреннего стимула: толчка веры в себя, в важность дела, энергии заблуждения, земной стихии энергии, которую, по его словам, выдумать нельзя.

Толстой-художник предельно строг и требователен к себе: «...Нельзя начинать. Если станешь *напрягаться*, то будешь не естественен, не правдив, а этого нам с вами нельзя» [Толстой. Т. 62: 410–411].

Не вызывает сомнений, что богатство исторического материала об эпохе декабризма изумляло и вдохновляло Толстого. Поэтому на на-

чальном этапе тема казалась вполне решаемой. Однако предзнаменование художественной неудачи проходит лейтмотивом уже в письме к А. А. Толстой от 27 января 1878 г. Толстой сравнивает себя с поваром, который «пришел на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мясо, рыбы, мечтает о том, какой бы он сделал обед!..» [Толстой. Т. 62: 384]. С одной стороны, несомненный испытываемый им творческий подъем в обдумывании того, что и как он будет писать («обмывать провизию, раскладывать — ужасно весело!»), с другой — ощутимо некоторое смущение на подступах к работе («готовить трудно и страшно») и вкравшееся опасение ее «испортить»: «Уж как пережаришь рябчиков, потом ничем не поправишь» [Толстой. Т. 62: 384].

Список литературы

1. Восстание декабристов. Документы. Т. XVI. Журналы и докладные записки следственного комитета. М.: Наука, 1986. 399 с.
2. Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII. М.–Л.: Государственное издательство, 1925. 432 с.
3. *Гессен Л. А.* Работа Л. Н. Толстого над архивными материалами // Исторический архив. 1958. № 3. С. 216–218.
4. *Гладков Б. И.* Толкование Евангелия. Репринтное издание. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2002. 776 с.
5. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. Оттава: Университет Оттава, 2003. Т. I. 488 с.
6. *Маковицкий Д. П.* У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90: в 4 кн. М.: Наука, 1979. Кн. 1. 544 с.
7. *Николай Михайлович*, Вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. С.-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. Т. 2. 745 с.
8. Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого. М.: Издательство АН СССР, 1955. 634 с.
9. *Парамонова И. Ю.* Л. Н. Толстой и «дело быка» // Яснополянский сборник-2006. Тула. С. 297–304.
10. *Толстая С. А.* Дневники: в 2 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. I. 608 с.
11. *Толстая С. А.* Моя жизнь: в 2 т. М.: Кучково поле, 2011. Т. 1. 608 с.
12. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. (Юбилейное издание). М.; Л.: Художественная литература, 1928–1958.
13. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 100 т. М.: Наука, 2000 –. Т. 4. М.: Наука, 2001. 376 с.

References

1. Vosstanie dekabristov. Dokumenty. T. XVI. Zhurnaly i dokladnye zapiski sledstvennogo komiteta [Decembrist uprising. Documentation. Vol. XVI. Journals and reports of the investigative Committee]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 399 p. (In Russ.)
2. Vosstanie dekabristov. Materialy. T. VIII [Decembrist uprising. Materials. Vol. VIII]. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1925. 432 p. (In Russ.)
3. Gessen L. A. Rabota L. N. Tolstogo nad arkhivnymi materialami [The Work of L. N. Tolstoy on archival materials]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical archives]. 1958. no 3, pp. 216–218. (In Russ.)
4. Gladkov B. I. Tolkovanie Evangeliiia [Interpretation of The Gospel]. Sviato-Troitskaia Sergieva Lavra Publ., 2002. 776 p. (In Russ.)
5. L. N. Tolstoi i N. N. Strakhov. Polnoe sobranie perepiski: v 2 t. [L. N. Tolstoy and N. N. Strakhov. The complete collection of the correspondence: in 2 volumes]. Ottava, Universitet Ottava Publ., 2003. V. I. 488 p. (In Russ.)
6. Makovitskii D. P. U Tolstogo. 1904–1910. Iasnopolianskie zapiski [In Tolstoy. 1904–1910. Yasnaya Polyana notes]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 90: v 4 kn.* [Literary heritage. Vol. 90: in 4 books]. Moscow, Nauka Publ., 1979. B. 1. 544 p. (In Russ.)
7. Nikolai Mikhailovich, Vel. kn. Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovaniia: v 2 t. [Historical research experience: in 2 volumes]. S.-Peterburg, Ekspeditsiia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag Publ., 1912. V. 2. 745 p. (In Russ.)
8. Opisanie rukopisei khudozhestvennykh proizvedenii L. N. Tolstogo [Description of manuscripts of works of art L. N. Tolstoy]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1955. 634 p. (In Russ.)
9. Paramonova I. Iu. L. N. Tolstoi i «delo byka» [L. N. Tolstoy and «the bull's business»]. *Iasnopolianskii sbornik-2006* [Yasnaya Polyana collection-2006]. Tula, pp. 297–304. (In Russ.)
10. Tolstaia S. A. Dnevnik: v 2 t. [Diaries: in 2 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1978. V. I. 608 p. (In Russ.)
11. Tolstaia S. A. Moia zhizn': v 2 t. [My life: in 2 volumes]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011. V. 1. 608 p. (In Russ.)
12. Tolstoi L. N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. (Iubileinoe izdanie) [Complete works: in 90 volumes (Anniversary edition)]. Moscow; Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1928–1958. (In Russ.)
13. Tolstoi L. N. Polnoe sobranie sochinenii: v 100 t. [The complete works: in 100 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 2000 —. V. 4. Moscow, Nauka Publ., 2001. 376 p. (In Russ.)

Новый перевод И. С. Тургенева в новом журнале

Аннотация: Автор статьи рассказывает о журнале «Новое обозрение», в котором в 1881 году вышел в свет перевод имеющихся глав романа Г. Флобера «Бувар и Пекюше». В статье приводятся важные сведения об автографе романа Флобера, на основании анализа данных о рукописи и месте ее хранения, о взаимоотношениях Тургенева и Флобера, о языковом своеобразии переводного текста, доказывается, что перевод был осуществлен И. С. Тургеневым. Автор приводит интересные факты о задумке Тургенева по установке памятника Флоберу и на нескольких показательных примерах иллюстрирует реакцию общественности (как обывателей, так и литераторов) на задумку Тургенева. В статье частично затронута проблема сотрудничества Тургенева и Г. де Мопассана. Автор рассуждает об анонимной статье «Alexandre III» («Александр III»), о которой Тургенев писал редактору «La Revue politique et littéraire» Эжену Юнгу. Тургенев отмечал, что сущность этой статьи была продиктована им Мопассану. На основании данной информации в статье ставится и проблема сходства убеждений и политических идей русского и французского писателей.

Ключевые слова: Тургенев, Флобер, «Бувар и Пекюше», роман, журнал, «Новое обозрение», переводы.

Информация об авторе: Звигильский Александр Яковлевич – музей И. С. Тургенева, ул. Ивана Тургенева, д. 16, г. Буживаль, Франция

E-mail: musee.tourgueniev@wanadoo.fr

Дата поступления статьи в редакцию: 28.03.2019

Дата публикации статьи: 27.07.2019

Для цитирования: Звигильский А. Я. Новый перевод И. С. Тургенева в новом журнале // Два века русской классики. 2019. №1. С. 118–127.

DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-118-127

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Aleksandr Ya. Zvigil'skiy
Buzhivale, France

The new translation of I. S. Turgenev in the new magazine

Abstract: The author of article tells about the Novoye Obzreniye magazine that published the translation of the available chapters of the novel of G. Flaubert “Buvar and Pekiushhe” in 1881. Important data on the autograph of the novel of Flaubert, on the basis of the analysis of data on the manuscript and the place of its storage, about Turgenev and Flaubert’s relationship, about a language originality of the translated text are provided in article. It is proved that this translation was made by I. S. Turgenev. The author gives the interesting facts about Turgenev’s idea on installation of a monument to Flaubert and on several indicative examples illustrates the reaction of the public (both inhabitants, and writers) to Turgenev’s idea. The issue of cooperation of Turgenev and G. de Maupassant is partially touched in the article. The author discusses an anonymous article “Alexandre III” (Alexander III) about which Turgenev wrote to the editor of “La Revue politique et littéraire” Eugène Jung. Turgenev noted that the essence of this article was dictated to him by Maupassant. On the basis of this information the problem of similarity of beliefs and political ideas of the Russian and French writers was also put in the article.

Keywords: Turgenev, Flaubert, “Buvar and Pekiushhe”, novel, magazine, “New review”, translations.

Information about the author: Aleksandr Ya. Zvigil'skiy, I. S. Turgenev’s museum, Ivana Turgeneva st. 16, Buzhivale, France

E-mail: musee.tourgueniev@wanadoo.fr

Received: March 28, 2019

Published: July 27, 2019

For citation: Zvigil'skiy A. Ya. The new translation of I. S. Turgenev in the new journal. Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, no 1, pp. 118–127. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-118-127

В письме к князю Александру Ивановичу Урусову от 1 (13) декабря 1880 г. Тургенев писал: «Я не обойду Вашего журнала». Это загадочная фраза, значение которой упустила публикатор этого письма в первом Полном собрании сочинений и писем Тургенева — покойная Наталья Николаевна Мостовская, которая утверждала, что в «Новом обозрении» Тургенев свои произведения не печатал.

Что это за журнал или журнальчик, который издавался только с января по март 1881 г. ? Такие издания французы называют «feuille-dechou» («лист капусты»). Издателем был адвокат и публицист Владимир Иванович Жуковский (1838–1899), а редактором — писатель, антрополог Дмитрий Андреевич Кропчевский (1842–1903). Фамилии этих людей, по существу, не известны тургеневодам, однако имя Кропчевского фигурирует в разных биографических словарях «Русские писатели», причем в некоторых из них отмечается, что Кропчевский в 1878–1880 гг. был редактором научно-литературного журнала «Слово», в 1881 — журнала «Новое обозрение» [*Роголина*].

Авторы, печатавшиеся в «Новом обозрении», нам тоже в общем мало известны. Разумеется, кроме Гюстава Флобера. Именно в приложении к этому недолговечному журналу был напечатан русский перевод его незавершенного из-за скоропостижной смерти романа «Бувар и Пекюше». В первую книжку попали глава первая и начало второй; во вторую — конец второй и начало третьей; в третью — конец третьей и начало четвертой главы. Роман о двух чудаках, которые взялись за изучение всех наук и ремесел, состоял из десяти глав. В итоге вышла в свет лишь треть романа.

Название журнала «Новое обозрение» является дословным переводом названия французского журнала Жюльетты Адан «La Nouvelle Revue», в котором тот же роман печатался одновременно на языке оригинала. Параллелизм названий и совпадение дат бросаются в глаза. Сложившийся во времена Тургенева обычай — издавать романы одно-

временно во Франции и в России, причем в России даже чуть раньше, чтобы французские произведения являлись новинками, строго соблюдены.

Возникает вопрос: с чего переводился Тургеневым роман Флобера? Ведь тогда не существовало фотокопий. Но мы знаем, что Тургенев переводил повести Флобера «Иродиада» и «Легенда о святом Юлиане Милостивом» по копиям, предоставленным ему самим автором. Располагал ли переводчик романа такой огромной копией, ведь она должна была насчитывать примерно 300 листов? Вряд ли. До сих пор известна единственная рукопись произведения, в публикации которой во Франции сыграл большую роль именно Тургенев.

Тогда ему пришлось проявить недюжинную дипломатичность, чтобы свести двух женщин и заключить между ними контракт: Каролину Комманвиль — племянницу Флобера и его единственную наследницу — Жюльетту Адан — редактора «*La Nouvelle Revue*». Полвека тому назад, во втором томе «Неизданной переписки» Тургенева нами был опубликован написанный рукой Тургенева договор между ними, согласно которому наследница Флобера получала 7500 франков за право публикации в указанном журнале романа «Бувар и Пекюше». При этом в пункте 4 договора оговаривалось, что перевод или перепечатка последнего произведения Флобера может иметь место только после публикации в «*La Nouvelle Revue*».

Известно, что рукопись романа, которую Каролина передала в 1914 г. в библиотеку Руана, находилась в руках Тургенева. Повторяю, что другой рукописи романа «Бувар и Пекюше» не существовало. В таком случае никто кроме Тургенева не мог перевести на русский язык этот текст. Доступ к рукописи вряд ли был возможен постороннему лицу, в особенности учитывая характер Каролины. В то же время мы знаем, что она давно поддерживала хорошие отношения с лучшим другом дяди, переписывалась с ним и читала его произведения.

Важно, что при составлении договора, в том же пункте 4 Тургенев учел возможность публиковать перевод романа постепенно, по мере того как он выходил в свет в «*La Nouvelle Revue*». Так и было сделано в действительности в «Новом обозрении», по крайней мере, до середины четвертой главы. А сразу после, в марте 1881 г., роман вышел отдельным изданием у Альфонса Лемерра в Париже.

Тургенев с трудом переживал неожиданную смерть своего лучшего французского друга. Обычно он посвящал некрологические статьи тем французам, которых он больше всего любил и ценил, например, Просперу Мериме или Жорж Санд. Что касается Флобера, то тут Тургенев оставил идею написать о нем некрологическую статью и счел более уместным соорудить ему памятник. Подписка во Франции под руководством Виктора Гюго, к которому Тургенев лично обратился с таким предложением (письмо хранится в нашем музее Тургенева в Буживале), увенчалась успехом. А в России, как известно, из истории с подпиской получились только неприятности. Но памятник — это ещё не всё. Тургенев, зная, какое значение Флобер придавал своему последнему произведению, решил опубликовать его в России, в стране, к которой автор «Бувар и Пекюше» был сердечно привязан. Некролога же Тургенев так и не написал.

При этом и Флоберу, и Тургеневу досталось от русской прессы. Сейчас трудно представить, сколько ненависти и оскорблений было высказано в их адрес, когда появилось извещение о подписке. Русские патриоты возмущались, что объявлялся сбор денег на памятник иностранному писателю, тогда как в России еще не было памятника ни Лермонтову, ни Грибоедову, а люди умирали с голода. Одной жительнице Одессы, которая писала Тургеневу, чтобы узнать, почему он собирает деньги на Флобера, он ответил 11 (23) декабря 1880 г.: «Тот, кто не пошлет своего гроша на памятник талантливого писателя — какой бы он нации ни был, не даст ничего ни голодному, ни на памятник Гоголю — а только ухватится за этот предлог — причем еще будет иметь возможность высказать свое благородное негодование. Скупцы, которые не подают бедным чужим, говоря, что у них есть *свои бедные*, обыкновенно не дают ничего и своим» [Тургенев].

Князь Урусов пишет: «Один из моих знакомых, человек образованный, но равнодушный к литературе, спрашивал у меня на днях, что означает подписка, предложенная Тургеневым на памятник какому-то Флоберу. Кто этот Флобер? Что он сделал и за что ему памятник? Такое же недоразумение вызвал Тургенев в чуждых литературе сферах. Одна московская газета сочла нужным оспаривать подписку, предложенную Тургеневым, на том основании, что у нас де и своих памятников мало...» [Венгерова: 13].

Тургенев — Я. Полонскому 10 (22) декабря 1880 г.: «Ругательные статьи во всех газетах, град анонимных писем и пр. осязательно доказали мне, что, обращаясь к российской публике за несколькими грошами в пользу памятника моему другу Флоберу, я сделал глупость. И потому остается мне просить тебя и тех из твоих литераторов приятелей, которые не полагают, что я сукин сын, отдать келейно свою лепту Стасюлевичу, который мне их перешлет. А я беру небо в свидетели, что я не положу этих денег себе в карман, как можно заключить из некоторых намеков моих корреспондентов» [Тургенев].

Один благородный Анненков заступился за Тургенева: «Не понимаю — чем Вы провинились перед отечеством, приглашая желающих участвовать в памятнике Флобера. Ведь это простая *международная* учтивость, никого не обязывающая и ничего не выражающая, кроме благовоспитанности. Но в малоразвитых странах слова понимаются в их простом, голом значении. Коль говорите о сочувствии — Вы ничего другому и не сочувствуете, и т. д.» [Анненков].

Тургенев решил отомстить по-своему за такую клевету. Мечь его похожа на реакцию Флобера и его ярость против общества, высказанную в романе «Бувар и Пекюше». А! Вы не знаете, кто такой Флобер, читайте же его новый роман, где он высмеивает человеческую глупость, «нечто вроде энциклопедии современной глупости», по словам самого автора. Но чтобы доказать, что Тургенев действительно автор перевода этого произведения, необходимо изучить его стиль. Перейдем к самой скучной, но и, пожалуй, к самой убедительной части статьи.

Язык «Бувар и Пекюше» изобилует особыми флоберовскими оборотами, провинциализмами родной Нормандии, а также словами, находящимися в многочисленных специализированных книгах, к которым обращался писатель во время работы над романом. Современному французу, чтобы разобрать их смысл, приходится пользоваться аннотированным изданием романа. Мы взяли за изучение карманного издания (*Livre de Poche*) известного флобертиста Пьера-Марка де Биизи, сравнивая русский текст, напечатанный в «Новом обозрении», с французским подлинником. В большинстве случаев (а их больше ста) перевод точен. Не будем в рамках данной статьи приводить все сложные и специфические термины, с которыми сталкивался переводчик в конце XIX века. Укажем лишь некоторые из них:

un pantalon à grandpont	— панталоны с гульфиком
roquentin	— старый повеса
des rideaux depercale	— коленкоровые занавески
legloria	— кофе со спиртом — в пере- воде — пунш
quenouilles	— деревья карлики
vigneau	— искусственный пригорок
gobes	— комки теста
bouillerie	— прачечная
cavée	— ложбина
louchet	— заступ
marmottesd'indienne	— ситцевые платки
costume de basin	— костюм из капифаса
andains	— ряды скошенного сена
râfleu ranglais	— английские грабли
turneps	— брюква
ils puchaient	— они черпали
repassage	— отточенный ножик
banneau	— корзинка
marcottage	— отводки
mulets	— помеси
réforçaient — это нормандизм	— поддерживали.

Русский переводчик не мог без помощи осведомленного француза добиться такого великолепного результата. Кто мог быть этим французом? Только близкий Флоберу человек — скорее всего, даже самый близкий — Ги де Мопассан. К тому же Мопассан был единственным среди современников Флобера, кто признал новаторство этого романа и подчеркнул те аспекты, которые в наши дни находятся на первом плане.

Следует обратить внимание на включение во второй выпуск «Нового обозрения», где печатался роман Флобера, — перевода стихотворения Мопассана «Дикие гуси» («Les oies sauvages»), взятого из только что вышедшего в Париже сборника стихов «Desvers» с посвящением Флоберу:

A Gustave Flaubert
A l'illustre et paternel ami
que j'aime de toute ma tendresse,
à l'irréprochable maître
que j'admire avant tous¹.

О сотрудничестве Тургенева с Мопассаном в эти годы известно давно. Но мы в данном случае имеем в виду новое открытие, связанное с анонимной статьей «Alexandre III» («Александр III»), о которой Тургенев писал редактору «La Revue politique et littéraire» Эжену Юнгу: «Вот обещанная статья об Александре III. Я продиктовал сущность ее Мопассану, и он с этим справился. Мое имя не должно появляться, как мы с Вами договорились». Основываясь на этих материалах можно поднять и интересный вопрос о сходстве политических идей у того и другого писателя, в частности, о проблеме принадлежности России к числу европейских стран. Но в рамках данной статьи подчеркнем лишь таинственный характер записки к Юнгу.

Тургенев был сам скрытным человеком и не в первый раз утаивал свое авторство. Напомню о переводах Пушкина и Гоголя, сделанных им самим с лингвистической и стилистической помощью Луи Виардо, который, не зная русского языка, подписывал переводы своим именем. Не всем тургениведам известно, что переводчиком «Дубровского» Пушкина был Тургенев, а не Луи Виардо. То же произошло, на мой взгляд, и с французским переводом «Отцов и детей», который Людмила Серёжкина недавно приписала Тургеневу в сотрудничестве с Луи Виардо. В буживальском музее хранится заключительный лист рукописи неизвестного перевода «Бирюка» на французский язык, написанный рукой Тургенева и подписанный им, что доказывает его прямую причастность к переводу.

Мы много еще не знаем о переводах Тургенева с русского на французский. А в перечень обратных переводов, кроме двух сказок Перро, двух рассказов Флобера, необходимо добавить и часть романа «Бувар и Пекюше». Молчание Тургенева по этому поводу заслуживает особого внимания и расшифровки.

¹ «Гюставу Флоберу, / Прославленному старшему другу, / Которого я люблю со всей нежностью, / Непревзойденному мастеру, / Которым я восхищаюсь более всех» (франц.).

Список литературы

1. *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу: в 2 т. Т. 2. 1875–1883. — СПб.: Наука, 2005. — 426 с.
2. *Венгерова З. В.* Парижский архив А.И. Урусова // Литературное наследство. Т. 33–34. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1939. — 1043 с.
3. *Рогалина Е. А.* Коропчевский Д. А. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3.
4. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. — М.: Наука, 1978–2014.

References

1. *Annenkov P. V. Pis'ma k I. S. Turgenevu* [Letters to I.S. Turgenev]: v 2 t. T. 2. 1875–1883. — SPb.: Nauka, 2005. — 426 s. (In Russ.)
2. *Vengerova Z. V. Parizhskii arkhiv A.I. Urusova* [Parisian archive of A.I. Urusov] // *Literaturnoe nasledstvo* [Literary inheritance]. Т. 33–34. — М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1939. — 1043 s. (In Russ.)
3. *Rogalina E. A. Koropchevskii D. A.* // *Russkie pisateli 1800–1917* [Russian writers 1800–1917]. *Biograficheskii slovar'* [Bibliographic dictionary]. М., 1994. Т. 3. (In Russ.)
4. *Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. ipisem* [Complete works and letters]: v 30 t. — М.: Nauka, 1978–2014. (In Russ.)

О бытовании формулы « $2 \times 2 = 4$ » в русской классике и о ее возможных истоках

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-012-90043 «Анализ, интерпретации и понимание
как методологические установки в изучении наследия Достоевского»*

Аннотация: Формула $2 \times 2 = 4$ воспринимается как некая элементарная «научная» истина и поныне. Вместе с тем, сомнения в непреложности этого примера появились уже в XIX в.: у Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, В. Ф. Одоевского и других. Возможными истоками бытования этой формулы в русской литературе могли быть католическая схоластика, имеющая богатые традиции доказательства бытия Божия через математические истины; немецкая классическая философия, также склонная основывать идеализм на рационализме; французский материализм, в котором, напротив, «математика» вытесняет божественное, делая его «излишним». Но эти направления влияли на русскую классику скорее «от противного», создавая поле для полемики. Истоки же ее иррациональной «арифметики», зачастую предпочитающей очевидности $2 \times 2 = 4$ парадоксальное $2 \times 2 = 5$, следует искать в Евангелии и православной грибнице русской культуры. Анализ произведений русских писателей показывает, что $2 \times 2 = 4$ становится для них символом рациональности; $2 \times 2 = 5$ — тем нарушением очевидности, за которым скрывается иррациональное восприятие мира, вера в Божий промысел о человеке. По сути своей эта оппозиция имеет глубокие корни в русской культуре и восходит к представлениям о Законе и Благодати.

Ключевые слова: $2 \times 2 = 4$, $2 \times 2 = 5$, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, В. Ф. Одоевский, рациональное и иррациональное, Закон и Благодать.

Информация об авторе: Сытина Юлия Николаевна, ORCID 0000-0001-6334-4722 — кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный областной университет, ул. Радио, д. 10а., 105005, г. Москва, Россия

E-mail: yulyasytina@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 07.05.2019

Дата публикации статьи: 27.07.2019

Для цитирования: Сытина Ю. Н. О бытовании формулы « $2 \times 2 = 4$ » в русской классике и о ее возможных истоках // Два века русской классики. 2019. №1. С. 128–147. DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-128-147

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Yuliya N. Sytina
Moscow, Russia

The formula “two times two is four” in the Russian classics and its possible origins

*The research is executed with financial support of the RFBR,
project No. 18-012-90043 “The analysis, interpretations and understanding as
methodological installations in studying of heritage of Dostoyevsky”*

Abstract: The formula $2 \times 2 = 4$ is considered to be the basic “scientific” truth till now. However, doubts about the immutability of this example already appeared in the XIX century. F. Dostoevsky, I. Turgenev, V. Odoevsky and others expressed these doubts. Possible origins of this formula in Russian literature are Catholic scholasticism (it has a rich tradition of proving the existence of God with the help of mathematical facts), German classical philosophy (it often bases idealism on rationalism), French materialism (instead, it denies religion with the help of mathematics). But these directions have had a contradictory impact on Russian classics, creating the theatres for polemics. The “two times two is four” becomes a symbol of rationality in Russian literature. The opposite to it is the formula “two times two is five”. It is a symbol of irrational perception of the world, Faith in God’s Providence. The opposition of these formulas has deep roots in Russian culture and goes back to Gospel and the opposition of Law and Grace.

Keywords: $2 \times 2 = 4$, $2 \times 2 = 5$, F. Dostoevsky, I. Turgenev, V. Odoevsky, the rational and the irrational, Law and Grace.

Information about the author: Yuliya N. Sytina, PhD in Philology, Associate Professor, Moscow Region State University, Radio st. 10a, 105005, Moscow, Russia

E-mail: yulyasytina@yandex.ru

Received: May 7, 2019

Published: July 27, 2019

For citation: Sytina Yu. N. The formula “two times two is four” in the Russian classics and its possible origins. Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, no 1, pp. 128–147. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-128-147

Формула $2 \times 2 = 4$ и сегодня воспринимается в массовом сознании как некая элементарная «научная» истина, и потому всякие сомнения на ее счет выглядят странно и вызывающе. Став своего рода эмблемой «рационального» и логического сознания, она порою приводится в укор «иррациональной», лишенной подобной «однозначности» вере, как это делает, например, Владимир Познер в беседе с протоиереем Максимом Козловым в рамках передачи «Не верю! Разговор с атеистом» на телеканале «Спас» [*«Не верю!..»:web*].

Однако сомнения в универсальной истинности $2 \times 2 = 4$ появились уже давно. Как отмечает Э. В. Ильенков в работе, адресованной широкому кругу читателей еще в 1977 г., за «очевидностью» в данном случае кроется «поистине диалектическое коварство»: «чем “абсолютнее”, чем “безусловнее” и “самоочевиднее” та или другая “абстрактная истина”, тем более серьезного подвоха надо ждать с ее стороны». В частности, $2 \times 2 = 4$ верно лишь тогда, когда «умножению (сложению) подвергаются абстрактные единицы (одинаковые значки на бумаге) или “вещи”, более или менее на них похожие, <...> непроницаемые друг для друга тела. Сложите вместе две и две капли воды — и вы получите всё, что угодно, но не четыре». Тем более сомнительны подобные выводы в мире человеческих отношений: «Любой реальный — конкретный — процесс, будь то в природе или в обществе, всегда представляет собой сложнейшее переплетение различных тенденций, выражаемых различными законами и формулами науки» [*Ильенков: web*].

Замечено это было уже в XIX в., но тогда еще не представлялось столь самоочевидным. Так, В. Ф. Одоевский в «Русских ночах» пишет о ложности «искусственных систем, которые, подобно гегелизму, начинают науку не с действительного факта, но, например, с *чистой* идеи, с *отвлечения отвлечения*» [*Одоевский, 1975: 136; курсив Одоевского. — Ю.С.*]. В конце XIX в., когда неевклидова геометрия перевернула прежние представления о мире, а затем уже в XX в. с развитием теории

относительности прежняя «рациональность» оказалась подорванной, что привело к массовому отходу от казавшихся ранее незыблемыми «очевидностей». Например, об абстрактности, и потому условности, научных «истин» размышляет А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа», говоря о «мифологичности» науки и заявляя, что «мифологична» «не только “первобытная”, но и всякая» наука [Лосев: 45]. Для русского философа открытый Эйнштейном «принцип относительности», помимо прочего, «снова делает возможным <...> чудо» [Лосев: 48].

Возвращаясь к истокам вопроса, нужно отметить, что проблема связи математики и философии возникла еще до нашей эры, ярчайшим ее представителем стал Пифагор, в античные времена к ней обращался Плиний Старший. В христианской культуре к математическим формулам в их связи с доказательством бытия Божия прибегали Фома Аквинский [Фома Аквинский: 95], Николай Кузанский [Николай Кузанский: 64–66], Аврелий Августин, Рене Декарт и другие мыслители [см.: Бубнов; Неклюдова]. Для французского философа Н. Мальбранша, как отмечает К. А. Баршт, именно $2 \times 2 = 4$ «было доказательством бытия Бога, и, одновременно, реальности существования Истины» [Баршт: 97]. В. А. Губайловский пишет, что «и Спиноза, и Декарт, и Лейбниц, и Шеллинг предпринимали попытки сведения философского рассуждения к математической форме», но эти пробы, по мнению исследователя, «выглядят не слишком убедительно», в частности по причине, уже отмеченной выше: «объекты, которыми оперируют философы, — содержательны», а «если в доказательство включается содержательная интерпретация, это сразу приводит к парадоксу» [Губайловский: 54].

В целом традиция доказательства бытия Бога через незыблемость математических исчислений характерна именно для католицизма. Православию же больше свойственна иррациональность, выход за пределы формальной логики. Показательно, например, что Николай Кузанский — пусть не прямо, но косвенно — выступил против томизма, «вышел за пределы аристотелевской логики, а также космологии и физики» [Тажуризина: 13], именно благодаря тому, что «побывал в православной Византии, где имел возможность читать греческие рукописи и познакомился с неоплатонизмом» [Бубнов: 34].

«Математика» и строгая детерминированность «закона» оказываются чужды русской ментальности, сформировавшейся под ключевым влиянием Православия. Существует немало высказываний писателей

XIX в. на этот счет [см.: *Виноградов; Есаулов, 2004; Сытина; Тарасов*]. Например, М. П. Погодин пишет: «Все западные государственные учреждения основаны на законе оппозиции, <...> а коренные русские учреждения предполагают совершенную полюбовность. Там все подчиняется форме, и форма преобладает, а мы терпеть не можем никакой формы. Всякое движение хотят там заявить и заковать в правило, а у нас открыт всегда свободный путь изменению по обстоятельствам» [*Погодин*: 386]. Этот пункт станет одним из центральных для славянофилов, которые «раговали за глубинную сущность явлений против мертвящего формализма; против казенных юридических норм и законов общества за естественные народные обычаи и народное мнение; против знаковости за живую первозданность» [*Егоров*: 268].

Что до формулы $2 \times 2 = 4$, то в русской литературе, судя по всему, она начинает бытовать в 1830-е гг. В частности, она появляется у В. Ф. Одоевского (в повестях «Княжна Мими», «Привидение», «Косморама», в романе «Русские ночи»), возникая как антитеза рационалистической философии. Одоевский был последовательным и непримиримым критиком рационализма и позитивизма — как в науке, так и в жизни, его размышления на этот счет прорастут и в XX в., например, у А. Ф. Loseва [*Тахо-Годи*: 115]. В «Русских ночах», о чем уже говорилось выше, Одоевский с иронией пишет о философии, претендующей на разрешение всех вопросов бытия, — жизнь оказывается сложнее любых силлогизмов. Непререкаемая вера в $2 \times 2 = 4$ становится у писателя метафорой ограниченности мышления, принципиально важным для Одоевского оказывается утверждение поэтического начала в жизни, необходимость «бесполезного», полезное же ($2 \times 2 = 4$) воспринимается им как могильная плита позитивизма и рационализма, угрожающая гибелью человечеству.

Наиболее яркий пример развенчания непреложности $2 \times 2 = 4$ у Одоевского встречается в повести «Косморама» (1840). Композиционно она делится на рукопись молодого человека, в которой тот рассказывает необычайные мистические происшествия своей жизни, и на предисловие «издателя» этой рукописи. Именно в предисловии оборотистый журналист, стремящийся угодить вкусу «просвещенной» публики, пишет: «Спешу порадовать читателей известием, что я готовлю к рукописи до *четырехсот* комментариев, из которых *двести* уже окончены. В сих комментариях все происшествия, описанные в рукописи, объяснены как *дважды два* — *четыре*, так что читателям не остается ни

малейших недоразумений» [Одоевский, 1840: 34; курсив мой. – Ю.С.]. Комментарии эти так никогда и не будут написаны, более того, едва ли они и предполагались Одоевским. Претензия «издателя» на полное «ученое» объяснение жизни оказывается смешной и неисполнимой, и свидетельствует, прежде всего, о пошлости и ограниченности подобного рационалистического взгляда на мироздание. Одоевский явно иронизирует над издателем, что подчеркивается игрой чисел (200 комментариев из 400 — как $2 \times 2 = 4$).

Другим источником $2 \times 2 = 4$ у Одоевского оказывается вольтерьянство и шире — французский материализм, где традиция бытования формулы развивается в ином, отнюдь не идеалистическом аспекте. Герой фантастической повести Одоевского «Приведение», «вольтерьянец старого века», любил говаривать: «я верю только в то, что дважды два четыре» [Одоевский, 1838: 781]. Однако затем сам стал свидетелем необычайных событий, убедившись на практике в несводимости жизни к рациональным выкладкам.

Во французской литературе $2 \times 2 = 4$ появляется, например, в «Дон Жуане» Ж. Б. Мольера. Рассуждая о «математической проблеме» в этой комедии, М. С. Неклюдова исследует возможные источники (предсмертную шутку Морица Оранского и другие) выражения Дон Жуана «Я верю, что дважды два — четыре, Сганарель, а дважды четыре — восемь» [Мольер: 538]. Как убедительно пишет исследовательница, эта формула в устах Дон Жуана однозначно свидетельствует об его атеизме: «Утверждая, что “дважды два — четыре”, он указывает на наличие в природе законов, для объяснения которых не обязательно прибегать к идее божественного Провидения» [Неклюдова: 27]. Однако, рассуждая в целом о бытовании этой формулы в мировой культуре, Неклюдова отмечает, что она в иных случаях, например, «будучи помещенной в картезианский контекст, может, хотя и с некоторой натяжкой, быть интерпретирована как выражение рационалистической веры (раз дважды два — четыре, следовательно, Бог есть)» [Неклюдова: 28]. Исследовательница кратко обращается и к русской литературе, в частности, к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя, и делает вывод, что «выражение “дважды два – четыре” вольно или невольно приводит в действие определенный ход рассуждений, неизбежно подводящий к вопросу о существовании Бога <...> “дважды два” соседствует с утверждениями “Бог есть” или “Бога нет”» [Неклюдова: 35].

В начале 1840-х гг. $2 \times 2 = 4$ появляется в разговорах и переписке И. С. Тургенева и В. Г. Белинского. Как отмечает венгерская исследовательница А. Дуккон, насущная для русской мысли этого времени проблема соотношения действительности и мечты формулируется Тургеневым и Белинским «как “ $2 \times 2 = 4$ или $2 \times 2 = 5$ ”, под чем следует понимать “реализм” и “романтизм” в широком смысле слова» [Дуккон, 1994: 60]. Белинский, о чем ранее писал и Л. Шестов [Шестов: 20], негодовал против генерализации, умаления и растворения отдельной личности перед Всеобщим. Однако он же воспринимал систему Гегеля, а затем идеи французских утопистов как истину, вынося жестокий приговор уже самому себе. Что до Тургенева, то он употребляет эту формулу по-разному. В статье 1844 г. о переводе «Фауста» Гёте он с пренебрежением пишет о «самолюбивой, робкой или ограниченной критике людей, которым не хочется быть просто непосредственными натурами и между тем страшно или тяжело дойти до результатов собственных размышлений, — людей, которые целый век твердят дважды-два и никогда не скажут четыре или скажут, наконец, пять и будут хитро и многословно доказывать, что оно иначе и быть не могло» [Тургенев, 1978. Т. 1: 198–199]. Дуккон усматривает в этом высказывании намек на непоследовательную критику Белинского, но отмечает, что у самого Тургенева «несколькими страницами ниже <...> меняется положение вышеупомянутой формулы, и иллюстрирует она теперь не такую уж положительную черту характера» [Дуккон, 1994: 64], а именно — простоту и посредственность Гретхен. По мнению исследовательницы, «молодой Тургенев то решает вопрос в пользу “реализма” ($2 \times 2 = 4$), то как раз наоборот, формула сигнализирует у него посредственность, прозаическую ограниченность или боязнь жизни и любви» [Дуккон, 1994: 61].

В «Отцах и детях» Тургенев вновь обращается к $2 \times 2 = 4$: здесь эта формула становится эмблемой теории Евгения Базарова. Убеденный нигилист утверждает: «Важно то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки» [Тургенев, 1981. Т. 7: 43]. Другие герои спорят с ним, говорят о значении искусства, любви, веры, но тот не принимает их доводов. Главным оппонентом Базарова становится сама жизнь. Полюбив Анну Одинцову, он вдруг по-новому открывает для себя мир, который больше не укладывается в $2 \times 2 = 4$.

Однако следует ли из этого, что теперь Тургенев окончательно отказывается от истинности $2 \times 2 = 4$? Как представляется, двойственность

позиции, отмеченная А. Дуккон, все еще остается характерной для писателя. $2 \times 2 = 4$ для Тургенева — еще и залог равновесия и стабильности, которые он так ценил в западноевропейском мире. Швейцарский ученый Ф. Ф. Ингольд в статье «Дважды два равно пять» [*Ingold:web*] с подзаголовком «о причудливой арифметике “русской души”» отмечает, что русское отношение к формулам $2 \times 2 = 4$ и $2 \times 2 = 5$ и тому, что они подразумевают, «отлично от западного: русский, в отличие от европейца, предпочитает иррациональный способ мышления» [*Кузнецов: 401*]. Европейскому же сознанию дорого $2 \times 2 = 4$ и не понятно $2 \times 2 = 5$. Дороги рациональность и планомерность были и «западнику» Тургеневу.

Только в позднем творчестве, вновь обратившись к формуле $2 \times 2 = 4$, писатель выскажется на ее счет однозначно. В «Молитве» 1881 года он пишет: «О чем бы ни молился человек — он молится о чуде. Всякая молитва сводится на следующую: “Великий Боже, сделай, чтобы дважды два не было четыре!”» [*Тургенев, 1982. Т. 10: 172; курсив мой. – Ю.С.*]. Доказывая непреложность того, что возможно нарушение $2 \times 2 = 4$, Тургенев обращается к Шекспиру («Есть многое на свете, друг Горацио...») и к Евангелию — к словам Пилата: «Что есть истина?», и ответному молчанию Христа, Который как Сын Божий и есть воплощенная Истина. Истина Нового Завета, где утверждается превосходство Благодати над Законом, чуда над «реальностью».

Христоцентризм — важнейшая составляющая русской культуры в целом [см.: *Есаулов, 1998; Есаулов, 2004; Захаров, 2001*]. В Евангелии немало примеров нарушения математических расчетов и «законничества» — притчи о виноградарях, о талантах, о блудном сыне. Именно в Евангелии — корни миропонимания Достоевского, в том числе и его отношения к «арифметике». Пожалуй, самое яркое и провокационное неприятие $2 \times 2 = 4$ появляется именно у этого писателя — в размышлениях «человека из подполья».

Подпольный парадоксалист с возмущением опровергает доводы «положительной» науки и «здорового смысла»: «Уж как докажут тебе, например, что от обезьяны произошел, так уж и нечего морщиться, принимай как есть» [*Достоевский, 1973. Т. 5: 105*]. Однако он отказывается примириться с этой «каменной стеной»: «Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже всё хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещьца» [*Достоевский, 1973. Т. 5: 119*]. Сам подпольный человек как живой парадокс и нарушение всех раци-

ональных представлений о homo sapiens служит лучшей иллюстрацией принципа: $2 \times 2 = 5$. Противно всякой «бытовой, эгоистической логике» [Топоров: 143], которая в мире Достоевского соотносима с «эвклидовым» разумом и рациональным $2 \times 2 = 4$, ведут себя и другие его герои: Прохарчин, Раскольников, Мышкин, Дмитрий Карамазов...

В бунте подпольного человека проступают возражения самого Достоевского рационалистам, прежде всего, по мнению Л. Шестова, И. Канту и Г. В. Ф. Гегелю: «Там, где умозрительная философия усматривает “истину”, <...> там Достоевский видит “нелепость нелепостей”. Он отказывается от водительства разума и не только не соглашается принять его истины, но <...> обрушивается на наши истины; откуда они пришли, кто дал им такую неограниченную власть над человеком?» [Шестов: 22]. О неприятии Достоевским философской генерализации и «представления об истине как об рационалистической объективации» пишет Т. Горичева, отмечая, что если Гегель за «статистический закон больших чисел, за общее против фрагментарного и исчезающего», то Достоевский — напротив, «за бесконечно малое органической жизни» [Горичева: 41].

Исследователи находят связь между бунтом подпольного человека Достоевского и исканиями Белинского. По мнению А. Дуккон, обращение к формуле « $2 \times 2 = 4$ » свидетельствует, что «каприз подпольного человека и бунт его против окончательной, безапелляционной правды явно восходят к Белинскому: Достоевский бессознательно воспроизводит сущность духовных исканий Белинского» [Дуккон, 2013: 15]. Ссылаясь на польского литературоведа Гжегожа Пшебинду, А. Дуккон констатирует, что в критике Белинского «влияние эстетической системы Гегеля» сочетается с «наличием евангельского начала», и именно в последнем — корень интереса Белинского к «единственности», уникальности каждого отдельного человека» [Дуккон, 2013: 7].

Формула $2 \times 2 = 4$ в качестве эмблемы материалистических взглядов на природу человека — сквозной мотив романа «Преступление и наказание». Как известно, Раскольников придумывает теорию, согласно которой можно совершить преступление во благо общества: цель оправдывает средства. Он «арифметически», то есть как $2 \times 2 = 4$, доказывает себе ее, хотя «предприятию» героя оказывает сопротивление само его человеческое естество» [Тихомиров: 26]. Н. Нейчев размышляет на этот счет: «<...> “отходя” от Бога, герой теряет внутреннюю духовную

опору, впадает под идейное влияние рассудочного — самую коварную область, где “дважды два — четыре”, где нет чувств, нет веры, а только сухая арифметика “эвклидоваго разума” — особый дьявольский периметр, дающий уверенность и силу человеку превратиться в мерную единицу “всех вещей в мире”, жить без Бога» [Нейчев: 232].

О невозможности делать подобные расчеты прямо говорит Раскольникову Соня Мармеладова: «И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?» [Достоевский, 1973. Т. 6: 313]. Раскольникову такие вопросы представляются наивными, он зовет Соню с собой, очень логично разворачивая передней ее безрадостное будущее («три дороги»: «броситься в канаву, попасть в сумасшедший дом, или... или, наконец, броситься в разврат» [Достоевский, 1973. Т. 6: 247]), да и будущее Полечки. На все рациональные соображения Раскольникова у Сони есть только один — иррациональный — довод: «Бог, Бог такого ужаса не допустит!» [Достоевский, 1973. Т. 6: 246]. По сути, это те же слова Тургенева в «Молитве»: «Великий Боже, сделай, чтобы дважды два не было четыре!». И в художественном мире романа оказывается именно так: Бог не попускает. Соню и Раскольникова «воскресила любовь» [Достоевский, 1973. Т. 6: 421]. Таким образом, при всех разногласиях в «малом времени», в главном Достоевский и Тургенев, в конечном счете, оказываются согласны — и согласие это прорывается именно в «большом времени» русской культуры.

Особую роль в судьбе Раскольникова и в сделанном им выборе играет следователь Порфирий Петрович. Разговаривая с Раскольниковым, он напирает на математику, в его речи трижды встречается формула $2 \times 2 = 4$ («такую уличку достать, чтоб на дважды два — четыре пошло!» [Достоевский, 1973. Т. 6: 260]; «наделает чего-нибудь, что уже на дважды два походить будет» [Достоевский. Т. 6: 261]; «математическую штучку, вроде дважды двух, приготовит» [Достоевский, 1973. Т. 6: 262; курсив мой. — Ю.С.]). Однако у Порфирия Петровича эта настойчивая декларация важности «арифметики» оказывается притворной «игрой слов» [Тихомиров: 302]. Как отмечает Г. Мейер, «в разговорах Порфирия с идейным убийцей важна не выставленная напоказ, обильно украшенная психология, служащая для сути дела всего лишь необходимой декорацией, но первостепенно в них то, что обретается за нею: уходящее в глубь веков духовное знание России и мучительная тревога за ее будущее» [Мейер: 276]. Порфирий Петрович делает вывод о вино-

вности Раскольников не на рациональных уликах, но на чем-то неуловимом, интуитивном, на знании природы человеческой и остром чувстве опасности мировоззренческих сдвигов своего времени — именно на $2 \times 2 = 5$. Сам Раскольников также попадает не на $2 \times 2 = 4$, но именно на $2 \times 2 = 5$ — берет свое его натура, совесть, герой «безуспешно пытается “арифметически” подчинить себе трагически противостоящую ему действительность» [*Тихомиров*: 54].

Нежелание принимать $2 \times 2 = 4$ за истину в последней инстанции служит прекрасной иллюстрацией реализма «в высшем смысле» Достоевского. В. Н. Захаров, рассматривая отношение писателя к этой формуле, приходит к выводу: «Достоевский отрицал традиционную поэтику, которая основана на непреложности закона “дважды два четыре”. Дважды два пять — один из тех принципов его поэтики, который позволял ему выражать и доводить до читателя заветные идеи, в том числе возглашать осанну в горниле сомнений, утверждать вековечный идеал вопреки “математическим” опровержениям свободы, Бога, Христа» [*Захаров, 2011*: 113]. В мире Достоевского $2 \times 2 = 4$ становится символом рациональности; $2 \times 2 = 5$ — тем нарушением очевидности, за которым скрывается иррациональное восприятие мира, вера в Божий промысел о человеке. По сути своей, как уже было отмечено, эта оппозиция имеет глубокие корни в русской культуре и восходит к представлениям о Законе и Благодати [*Есаулов, 2017*: 13–42].

Однако было бы неверно обобщать и делать вывод о неприятии $2 \times 2 = 4$ как о национальной русской черте, поскольку не для всякого русского сознания приемлемо $2 \times 2 = 5$. В. Н. Захаров, размышляя об «арифметическом измерении» философских споров Достоевского и Н. Н. Страхова, отмечает, что, «казалось бы, праздный вопрос, сколько будет дважды два, рассорил Достоевского и Страхова на всю жизнь» [*Захаров, 2011*: 110]. Страхову $2 \times 2 = 4$ было дорого; этот принцип представлялся ему основополагающим и необходимым: «Верите ли вы в непреложность чистой математики? Убеждены ли вы в том, что эти и подобные истины справедливы всегда и везде, и что сам Бог, как говорили в старые времена, не мог бы сделать дважды два пять, не мог бы изменить ни одной из таких истин? Я убежден в этом, и полагаю, что и вы убеждены; так что, как ни любопытно и важно разъяснение того, на чем основано это убеждение, можно покамест отложить это разъяснение» [цит. по: *Захаров, 2011*: 112]. Следует заметить, что и исследовате-

ли, в целом комплементарные мировоззрению Достоевского, не всегда принимают формулу $2 \times 2 = 5$. Так, Г. С. Померанц, размышляя о том, что известные слова Достоевского о Христе и об истине соотносимы с оппозицией земного «эвклидовского» сознания и высшего, «неэвклидовского» иконического постижения бытия, полагает, что «на пути к иррациональной истине Целого очень легко спотыкнуться: $2 \times 2 = 5$, в качестве общего правила, пожалуй, хуже, чем $2 \times 2 = 4$ » [Померанц: 198].

Также нужно заметить, что способность сомневаться в $2 \times 2 = 4$ в русской литературе порою появляется в ироничном контексте выступает не как признак гибкости и широты ума, но как иллюстрация женской логики. Так, герой романа Тургенева «Рудин» женоненавистник Пигасов размышляет: «Мужчина может сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиною, а женщина скажет, что дважды два — стеариновая свечка» [Тургенев, 1980. Т. 5: 214]. Есть такой пример и у Достоевского: «Спорить с этой барыней было невозможно: дважды два для нее никогда ничего не значили» [Достоевский, 1974. Т. 9: 26], — характеризует рассказчик «Вечного мужа» «роковую женщину». Подобные высказывания встречаются и в западноевропейской литературе. Например, у Дж. Элиот: «Женщина верит, что дважды два будет пять, если хорошенько поплакать и устроить скандал» [Элиот:web].

В неоднозначный контекст помещает формулу $2 \times 2 = 4$ Ап. Григорьев. В статье, написанной как письмо Тургеневу, он размышляет: «Резонансность решительно противно всякому, чье мышление осиливает истины хоть немного более сложные, чем $2 \times 2 = 4$. Есть мышления, да и не женские только, <...> в которых 2×2 дают не 4, а стеариновую свечку» [Григорьев: 29]. Тем самым, признавая за формулой $2 \times 2 = 4$ некоторую «истинность», критик не считает ее исчерпывающей и ратует за «истины хоть немного более сложные, чем $2 \times 2 = 4$ », то есть выходящие за математическое измерение жизни.

В заключение стоит привести, пожалуй, самый радикальный пример отношения к 2×2 , когда отвергается вообще всякая математика. Так, в повести Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» юный герой размышляет: «Вместе с прочими науками одна честь была у меня и пресловутой арифметике, которую доmine Галушкинский уверял, что сочинил какой-то китаец Пифагор, фамилии не припомню. Если бы, говорит, он не изобрел таблицы умножения, то люди до сих пор не знали бы, что $2 \times 2 = 4$. Конечно, доmine Галушкинский говорил по-у-

ченому, как учившийся в высших школах; а я молчал да думал: к чему трудился этот пан Пифагор? К чему сочинял эти таблицы, над которыми мучились, мучатся и будут мучиться до веку все дети человеческого племени, когда можно вернее рассчитать деньги в натуре, раскладывая кучками на столе?» [*Квитка-Основьяненко*: 86]. Такого же мнения о науках придерживается и сердобольная маменька Халявского. Однако и этих, по-своему ограниченных и недалеких героев, преобразует *иррациональное* искусство.

Таким образом, в русской литературе отношение к формуле $2 \times 2 = 4$ становится сложным философским вопросом, имеющим онтологический, сущностный характер. По-видимому, как традиции, в которых бытие Бога подкрепляется незыблемостью математических истин (католическая схоластика, немецкая классическая философия с присущим ей рационализмом), так и «математическое» отрицание бытия Божия (французский материализм) оказали влияние на развитие «арифметики» русских писателей, но влияние по большей части «от противного», создав поле для размышлений и полемики. Доминантным для русской культуры следует признать неприятие «законничества» формулы $2 \times 2 = 4$. Это неприятие в основе своей восходит к Евангелию, к новозаветному предпочтению Благодати перед Законом, к убежденности в первостепенной важности веры и милосердия, а не рационального научного познания и непреклонной «законнической» логики. Причем неприятие $2 \times 2 = 4$ в русской культуре воспринимается не как *разрушение* иерархии и торжество энтропии над космосом, а напротив — как *созидание* космоса и гармонии, торжество Благодати.

В XX в. отношение к $2 \times 2 = 4$ изменится — тоталитаризм отметит непреложность этой формулы, и тогда уже она станет той чаемой элементарной истиной, знание которой — залог верности себе. А. И. Солженицын, критикуя советский «научный» подход к изучению почвенников и славянофилов, полемически замечает в скобках: «Ах, не смешили б вы кур “вашей наукой”! — дважды два сколько назначит Центральный Комитет...» [*Солженицын*: 272] Напротив, $2 \times 2 = 5$ вместо возвышения над «эвклидовым» разумом станет восприниматься как его искажение, так как деформирована будет сама действительность [*Есаулов*, 2015: 445–458]. Именно в таком ключе появляется $2 \times 2 = 4$ в романе Дж. Оруэлла «1984» (как отмечают исследователи, обращение к этой формуле вызвано советским лозунгом

«пятилетка в четыре года» [*Дважды два — пять*:web]), где формула $2 \times 2 = 5$ как бы переводится на «новояз» по принципу «Война — это мир! Свобода — это рабство! В невежестве — сила!» [*Оруэлл*: 13]. И то, что у Достоевского является актом свободной воли и независимой мысли, у Оруэлла становится навязанной «старшим братом» абсурдностью, подчинением воле своего рода «Великого инквизитора» (благодарю за эти примеры Н. Т. Ашимбаеву и И. А. Есаулова — Ю.С.). Так банальное в «обычном» мире $2 \times 2 = 4$ в эпоху тотального господства определенной идеологии обретет статус желаемой истины. Возможно, и современная приверженность этой формуле, о которой говорилось в начале статьи, также обусловлена подсознательным отталкиванием от «новоязовских» «истин».

Список литературы

1. «Не верю! Разговор с атеистом» на телеканале «Спас» [Электронный ресурс]. // Телеканал «Спас» URL: <https://m.youtube.com/watch?v=IDnwPZLff1Q> (дата обращения 25.04.2019).
2. Баршт К. А. Имя и философия Николая Мальбранша в черновых записях и произведениях Достоевского // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 94–105.
3. Бубнов Е. С. Эвристическое влияние этики Ф.М. Достоевского на исследовательскую деятельность А. Эйнштейна // Инновационное образование и экономика. 2014. № 16(27). С. 32–35.
4. Виноградов И. А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. М.: Вече, 2018. 320 с.
5. Горичева Т. М. Достоевский — русская «феноменология духа»... // Достоевский в конце XX века: Сб. статей. М.: Классика плюс, 1996. С. 31–47.
6. Григорьев Ап. Сочинения. Вып. 11. О национальном значении творчества А. Н. Островского: (две статьи). М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1915. 61 с.
7. Губайловский В. Геометрия Достоевского. Тезисы к исследованию // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М.: Наука, 2007. С. 39–69.
8. Дважды два — пять [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B2%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D1%8B_%D0%B4%D0%B2%D0%B0_%E2%80%94%D0%BF%D1%8F%D1%82%D1%8C (дата обращения 25.04.2019).
9. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

10. Дуккон А. Дважды два четыре или пять? Проблемы «романтизма» и «реализма» в понимании молодого Тургенева и Белинского // И. С. Тургенев. Жизнь, творчество, традиции. Budapest, 1994. С. 60–68.

11. Дуккон А. Диалог текстов: «голос» В. Г. Белинского в «записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Культура и текст. 2013. №1 (14). С. 4–28.

12. Егоров Б. Ф. Славянофильство, западничество и культурология // Ученые записки Тартуского университета. 1973. Вып. 308. С. 268–275.

13. Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 349–362.

14. Есаулов И. А. Постсоветские мифологии: структуры повседневности. М.: Академика, 2015. 608 с.

15. Есаулов И. А. Оппозиция Закона и Благодати магистральный путь русской словесности // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М.: Индрик, 2017. С. 13–42.

16. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Круть, 2004. 560 с.

17. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 5–20.

18. Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109–114.

19. Ильенков Э. В. Учитесь мыслить смолоду [Электронный ресурс] // Лит-Мир: электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=121922&p=1> (дата обращения 25.04.2019).

20. Квитка-Основьяненко Г. Ф. Пан Халявский. Ч. 1–2, СПб.: Тип. Фишера, 1840. 166 с.

21. Кузнецов С. А. Рецепция русской классической литературы в немецкоязычных славистических изданиях и прессе конца XX–начала XXI веков // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / коллектив авторов под ред. И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова. М.: Индрик, 2017. С. 385–427.

22. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.

23. Мейер Г. А. Свет в ночи (О «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. Frankfurt/Main: Посев, 1967. 515 с.

24. Мольер Ж. Б. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 2. М.–Л.: Academia, 1937. 745 с.

25. Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. 316 с.

26. Неклюдова М. С. Дважды два четыре, или Математическая проблема в «Дон Жуане» Мольера // Arbor Mundi (Мировое древо). М.: РГГУ, 2007. № 13. С. 9–40.

27. Николай Кузанский. Об ученом незнании // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т. 1.: Перевод / Общ. ред. З. А. Тажуризиной. М.: Мысль, 1979. С. 48–185.

28. Одоевский В. Ф. Привидение // Литературные прибавления к «Русскому ин-валиду». 1838. № 40. С. 781–784.
29. Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Издательство «Наука», 1975. 320 с.
30. Одоевский В. Ф. Косморама // Отечественные записки. 1840. Т. 8. Отд. 3. С. 34–81.
31. Оруэлл Дж. 1984. М.: Прогресс, 1984. 257 с.
32. Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 832 с.
33. Померанц Г. С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М.: Советский писатель, 1990. 384 с.
34. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Paris: YMCA-PRESS, 1975. 630с.
35. Сытина Ю. Н. Соотношение России и Европы как центральная проблема саморефлексии русской литературы в первой половине XIX века // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / коллектив авторов под ред. И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова. М.: Индрик, 2017. С. 91–140.
36. Тажуризина З. А. Николай из Кузы // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Перевод / Общ. ред. З. А. Тажуризиной. М.: Мысль, 1979. С. 5–46.
37. Тарасов Б. Н. Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции). СПб.: Алетейя, 2001. 348 с.
38. Тахо-Годи Е. А. Творчество А. Ф. Лосева и литературно-философские искания В. Ф. Одоевского // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 113–121.
39. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
40. Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. С. 193–258.
41. Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12 т. М.: Наука, 1978–1982.
42. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Книга вторая. Перевод и примечания Т. Ю. Бородай. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. 584 с.
43. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс — Гнозис, 1992. 311 с.
44. Цитаты и высказывания Джорджа Элиота // Цитаты и афоризмы. [Электронный ресурс] — URL: <http://citaty.su/citaty-i-vyskazyvaniya-dzhordzha-eliota> (дата обращения –28.12.2018).
45. Ingold F.P. Über die seltsame Arithmetik der «russischen Seele». Zwei mal zwei gleich fünf // Neue Zürcher Zeitung. 10.01.2016. [Электронный ресурс] — URL: <http://>

www.nzz.ch/feuilleton/zwei-mal-zwei-gleich-fuenf-1.18674049 (дата обращения — 28.12.2018).

References

1. "Ne veriu! Razgovor s ateistom" na telekanale "Spas" ["I don't believe! A conversation with an atheist" on the TV channel "Spas"]. Telekanal "Spas" URL: <https://m.youtube.com/watch?v=IDnwPZLff1Q> (data obrashcheniia 25.04.2019). (In Russ.)
2. Barsht K. A. *Imia i filosofii Nikolia Mal'bransha v chernovykh zapisiakh i proizvedeniakh Dostoevskogo* [The name and philosophy of Nicolas Malebranche in Dostoevsky's drafts and works]. *Voprosy filosofii*. 2015. № 2. pp. 94–105. (In Russ.)
3. Bubnov E. S. *Evristsicheskoe vliianie etiki F. M. Dostoevskogo na issledovatel'skuiu deiatel'nost' A. Einšteina* [Heuristic influence ethics F. M. Dostoevsky's research activities of A. Einstein]. *Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika*. 2014. № 16(27). pp. 32–35. (In Russ.)
4. Vinogradov I. A. *Strasti po Gogoliiu. O dukhovnom nasledii pisatel'ia*. [Passion for Gogol. About writer's spiritual heritage] Moscow. Veche Publ., 2018. 320 p. (In Russ.)
5. Goricheva T. *Dostoevskii — russkaia fenomenologiiia dukha...* [Dostoevsky is Russian «phenomenology of spirit»...]. *Dostoevskii v kontse XX veka: Sb. statei*. Moscow. Klassika plus Publ., 1996. pp. 31–47. (In Russ.)
6. Grigor'ev Ap. *Sochineniia. Vyp. 11. O natsional'nom znachenii tvorchestva A. N. Ostrovskogo: (dve stat'i)* [Works. Vol. 2. About A. N. Ostrovsky's national significance (two articles)]. Moscow. Tip. t-va I.N. Kushnerev i K° Publ., 1915. 61 p. (In Russ.)
7. Gubailovskii V. *Geometriia Dostoevskogo. Tezisy k issledovaniuu* [Dostoevsky's Geometry. The thesis of the study]. Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy": sovrem. sostoianie izucheniia, pod. red. T. A. Kasatkinoi; In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo RAN. Moscow. Nauka Publ., 2007. pp. 39–69. (In Russ.)
8. *Dvazhdy dva — piat'* [Two times two is five]. *Vikipediia*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Dvazhd...> (data obrashcheniia 25.04.2019). (In Russ.)
9. *Dostoevskii F. M. Polnoesobr. soch.: V 30 t.* [Full composition of writings] Leningrad. Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
10. Dukkon A. *Dvazhdy dva chetyre ili piat'? Problemy "romantizma" i "realizma" v ponimanii molodogo Turgeneva i Belinskogo*. [Two times two is four or five? The problems of "romanticism" and "realism" in understanding of young Turgenyev and Belinsky] I. S. Turgenyev. Zhizn', tvorchestvo, traditsii. Budapest, 1994. pp. 60–68. (In Russ.)
11. Dukkon A. *Dialog tekstov: "golos" V.G. Belinskogo v "zapiskakh iz podpol'ia" F. M. Dostoevskogo* [The dialogue between texts: Vissarion Belinsky's «voice» in Fyodor Dostoyevsky's «Notes from the underground»]. *Kul'tura i tekst*. 2013. №1 (14). pp. 4–28. (In Russ.)
12. Egorov B. F. *Slavianofil'stvo, zapadnichestvo i kul'turologiia* [Slavophilism, Westernism and Cultural Studies]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*. 1973. Vyp. 308. pp. 268–275. (In Russ.)
13. Esaulov I. A. *Paskhal'nyi arkhetyv v poetike Dostoevskogo* [The Easter Archetype in Dostoevsky's Poetics]. *Problemy istoricheskoi poetiki*. 1998. № 5. pp. 349–362. (In Russ.)

14. Esaulov I. A. *Postsovetskie mifologii: struktury povsednevnosti* [Post-Soviet Mythology — structure of the everyday life]. Moscow. Akademika Publ., 2015. 608 p. (In Russ.)
15. Esaulov I. A. *Oppozitsiia Zakona i Blagodatii magistral'nyi put' russkoi slovesnosti* [The opposition of Law and Grace and the main path of Russian literature]. Russkaia klassicheskaia literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste. Moscow. Indrik Publ., 2017. pp. 13–42. (In Russ.)
16. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoi slovesnosti* [Paskhal'nost' of Russian Literature]. Moscow. Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
17. Zakharov V. N. *Khristianskii realizm v russkoi literature (postanovka problemy)* [Christian realism in Russian literature (to the problem statement)]. Problemy istoricheskoi poetiki. 2001. № 6. pp. 5–20. (In Russ.)
18. Zakharov V. N. *Skol'ko budet dvazhdy dva, ili neochevidnost' ochevidnogo v poetike Dostoevskogo* [What is Two Times Two? Or When the Obvious Is Anything but Obvious in Dostoevsky's Poetics]. Voprosy filosofii. 2011. № 4. pp. 109–114. (In Russ.)
19. Il'enkov E. V. *Uchites' myslit' smolodu* [Learn to think from an early age]. LitMir: elektronnaia biblioteka. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=121922&p=1> (data obrashcheniia — 28.12.2018) (In Russ.)
20. Kvitka-Osnov'ianenko G. F. *Pan Khaliavskii* [Pan Khalyavsky]. Ch. 1–2, Sankt-Petersburg. Tip. Fishera Publ., 1840. 166 p. (In Russ.)
21. Kuznetsov S. A. *Retseptsiiia russkoi klassicheskoi literatury v nemetskoiazychnykh slavisticheskikh izdaniiax i presse kontsa XX–nachala XXI vekov* [The reception of Russian classical literature in the German-language Slavic publications and in the press of the end of the 20th — beginning of the 21st centuries]. Russkaia klassicheskaia literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste, kollektiv avtorov pod red. I. A. Esaulova, Iu. N. Sytinoi, B. N. Tarasova. Moscow. Indrik Publ., 2017. pp. 385–427. (In Russ.)
22. Losev A. F. *Dialektikamifa* [The Dialectic of Myth]. Moscow. Mysl' Publ., 2001. 558 p. (In Russ.)
23. Meier G. A. *Svet v nochi* (O “Prestuplenii i nakazanii”). *Opyt medlennogo chteniia* [Light in the night (On “Crime and Punishment”). The experience of slow reading.]. Frankfurt/Main: Posev Publ., 1967. 515 p. (In Russ.)
24. Moľer Zh. B. *Sobranie sochinenii: V 4-kh t.* [Composition of writings] T. 2. Moscow–Leningrad. Academia Publ., 1937. 745 p. (In Russ.)
25. Neichev N. *Tainstvennaia poetika F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's mysterious poetics]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2010. 316 p. (In Russ.)
26. Nekliudova M. S. *Dvazhdy dva chetyre, ili Matematicheskaia problema v “Don Zhuane” Moľera* [Two times two is four, or the Mathematical Problem in Moliere's “Don Juan”]. Arbor Mundi (Mirovoe drevo). Moscow. RGGU Publ., 2007. № 13. pp. 9–40. (In Russ.)
27. Nikolai Kuzanskii. *Ob uchenom neznanii* [About scientific Ignorance]. Nikolai Kuzanskii. Sochineniia v 2-kh t. T. 1.:Perevod, Obshch. red. Z. A. Tazhurizinoi. Moscow. Mysl' Publ., 1979. pp. 48–185. (In Russ.)
28. Odoevskii V.F. *Prividenie* [Ghost]. Literaturnye pribavleniia k “Russkomu invalidu”. 1838. № 40. pp. 781–784. (In Russ.)

29. Odoevskii V. F. *Russkie nochi* [*Russian nights*]. Leningrad. Izdatel'stvo Nauka Publ., 1975. 320 p. (In Russ.)
30. Odoevskii V. F. *Kosmorama* [*Kosmorama*]. Otechestvennye zapiski. 1840. T. 8. Otd. 3. pp. 34–81. (In Russ.)
31. Oruell Dzh. 1984. Moscow. Progress Publ., 1984. 257 p. (In Russ.)
32. Pogodin M. P. *Vechnoe nachalo. Russkii dukh* [*The eternal beginning. Russian spirit*]. Moscow. Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2011. 832 p. (In Russ.)
33. Pomerants G. S. *Otkrytosť bezdne: Vstrechi s Dostoievskim* [*The openness of the deep: Meeting with Dostoevsky*]. Moscow. Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 384 p. (In Russ.)
34. Solzhenitsyn A. I. *Bodalsia telenok s dubom* [*The Oak and the Calf*]. Paris: YMCA-PRESS Publ., 1975. 630 p. (In Russ.)
35. Sytina Iu. N. *Sootnoshenie Rossii i Evropy kak tsentral'naia problema samorefleksii russkoi literatury v pervoi polovine XIX veka* [*The ratio of Russia and Europe as the Central problem of self-reflection of Russian literature in the first half of the XIX century*]. Russkaia klassicheskaia literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste, kolektiv avtorov pod red. I. A. Esaulova, Iu. N. Sytinoi, B. N. Tarasova. Moscow. Indrik Publ., 2017. pp. 91–140. (In Russ.)
36. Tazhurizina Z. A. *Nikolai iz Kuzy* [*Nicholas from Cuza*]. Nikolai Kuzanskii. Sochineniia v 2-kh t. T 1. Perevod, Obshch. red. Z. A. Tazhurizinoi. Moscow. Mysl' Publ., 1979. pp. 5–46. (In Russ.)
37. Tarasov B. N. *Kuda dvizhetsia istoriia? (Metamorfozy idei i liudei v svete khristianskoi traditsii)* [*Where Is the Story Going? (Metamorphosis of Ideas and People in the Christian Tradition)*]. Sankt-Petersburg. Aleteiia Publ., 2001. 348 p. (In Russ.)
38. Takho-Godi E. A. *Tvorchestvo A.F. Loseva i literaturno-filosofskie iskaniiia V.F. Odoevskogo* [*A.F. Losev's work and V.F. Odoevsky's literary-philosophical quest*]. Literaturovedcheskii zhurnal. 2011. № 28. pp. 113–121. (In Russ.)
39. Tikhomirov B. N. *“Lazar’! griadi von’. Roman F. M. Dostoievskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii* [*«Lazarus! Come away». F. M. Dostoevsky's «Crime and Punishment» in modern reading: the Book-comment*]. SPb.: Serebrianyi vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
40. Toporov V. N. *O strukture romana Dostoievskogo v sviazi s arkhaiskimi skhemami mifologicheskogo myshleniia (“Prestuplenie i nakazanie”)* [*On the structure of Dostoevsky's novel in connection with the archaic schemes of mythological thinking (“Crime and Punishment”)*]. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo. Moscow. Izdatel'skaia gruppa “Progress” — “Kul'tura” Publ., 1995. pp. 193–258.
41. Turgenev I. S. *Sobr. soch.: V 12 t.* [*Composition of writings*] Moscow. Nauka Publ., 1978–1982 (In Russ.)
42. Foma Akvinskii. *Summa protiv iazychnikov* [*Programming against the pagans*]. Kniga vtoraiia. Perevod i primechaniia T.Iu. Borodai. Moscow. Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2004. 584 p. (In Russ.)
43. Shestov L. *Kirgegard i ekzistentsial'naia filosofiiia (Glas vopiiushchego v pustyne)* [*Kirgegard (Kierkegaard) and existential philosophy. Voice crying in the wilderness*]. Moscow. Progress — Gnozis Publ., 1992. 311 p. (In Russ.)

44. *Tsitaty i vyskazyvaniia Dzhordzha Eliota* [George Eliot's Quotes]. Tsitaty i aforizmy. URL: <http://city.su/citay-i-vyskazyvaniya-dzhordzha-eliota> (data obrashcheniia — 28.03.2019). (In Russ.)

45. Ingold F.P. Über die seltsame Arithmetik der «russischen Seele». Zwei mal zwei gleich fünf // Neue Zürcher Zeitung. 10.01.2016. URL: <http://www.nzz.ch/feuilleton/zwei-mal-zwei-gleich-fuenf-1.18674049> (data obrashcheniia — 20.04.2019)

К вопросу о русско-сербских литературных пересечениях

Рецензия на сборник научных статей «Классики и современность»:

Гоголь, Тургенев, Горький. Сост. А. [Александра] Вранеш,
Л. [Лиляна] Маркович, А. [Алла Геннадьевна] Шешкен». Белград,
Москва, Тюмень, Воронеж: Белпак, 2018. — 315 с.

Аннотация: В рецензии рассматриваются «славянские» статьи научного сборника «Классики и современность: Гоголь, Тургенев, Горький» (Белград, Москва, Тюмень, Воронеж, 2018). Их разбор позволяет прояснить отдельные темы сербской литературы XX в. (идейно-художественные особенности творчества крупнейшего сербского поэта минувшего столетия Йована Дучича и Нобелевского лауреата, писателя Иво Андрича), а также осветить некоторые аспекты русско-сербских культурных взаимосвязей XIX–XX вв. Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные творчеству Н. В. Гоголя и восприятию его творческого наследия в славянском мире (статьи В. А. Воропаева, Е. В. Сартакова). Вместе с тем критический разбор небесспорной по своим выводам статьи С. Н. Мещерякова позволяет поставить вопрос о гоголевской традиции в сербской литературе. Немалый интерес представляют собой работы сербских авторов о творчестве А. М. Горького (статьи Б. Чурича, А. Вранеш и Л. Маркович, С. Т. Брашневич), поскольку позволяют поставить ряд важных вопросов о русско-сербских культурных и общественных взаимосвязях рубежа XIX — начала XX в.

Ключевые слова: Русско-сербские культурные и литературные взаимосвязи, рецензия русской классики в сербской литературе, двуединство сербской традиции.

Информация об авторе: Осипова Елена Аркадьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: osipovv@rambler.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 23.05.2019

Дата публикации статьи: 27.07.2019

Для цитирования: Осипова Е. А. К вопросу о русско-сербских литературных пересечениях // Два века русской классики. 2019. №1. С. 148–157.
DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-148-157

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Elena A. Osipova
Moscow, Russia

To a question of the Russian-Serbian literary crossings

Review of the collection of scientific articles «Classics and modernity: Gogol, Turgenyev, Gorky. Comp. A. [Alexander] Vraneš, L. [Lilly] Markovic, A. [A. G.] Seskin». Belgrade, Moscow, Tyumen, Voronezh, 2018. — 315 p.

Abstract: The review examines the “Slavic” articles of the scientific collection “Classics and modernity: Gogol, Turgenyev, Gorky” (Belgrade, Moscow, Tyumen, Voronezh, 2018). Their analysis makes it possible to clarify certain topics of Serbian literature of the XX century, particularly, the ideological and artistic features of the work of the largest Serbian poet of the last century, Jovan Ducic and the Nobel laureate, writer Ivo Andric. As well it allows to highlight some aspects of the Russian-Serbian cultural relations of the XIX–XX centuries. Special attention should be paid to the work devoted to N. V. Gogol and the perception of his creative heritage in the Slavic world (articles by V. A. Voropayev, E. V. Sartakov). However, a critical analysis of the article by S. N. Meshcheryakov allows us to raise the question of Gogol’s tradition in Serbian literature. The works of Serbian authors about the work of A. M. Gorky are of considerable interest (article Curica B., Vraneš and L. A. Markovich, S. T., Bruskevitz), because they give possibility to put a number of important questions on Russian-Serbian cultural and public relations of XIX — beginning of XX century.

Keywords: Russian-Serbian cultural and literary relations, reception of Russian classics in Serbian literature, the duality of the Serbian tradition.

Information about the author: Elena A. Osipova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: osipovv@rambler.ru

Received: May 23, 2019

Published: July 27, 2019

For citation: Osipova E. A. To a question of the Russian-Serbian literary crossings. Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, no 1, pp. 148–157. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-148-157

Издание названного сборника подготовлено на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова трудами российских и сербских исследователей; он посвящён исследованию русской литературы, а также различным аспектам русско-сербского культурного диалога двух последних столетий. Книга вышла в преддверии 210-летия со дня рождения Н. В. Гоголя, в год 200-летнего юбилея И. С. Тургенева и 150-летия А. М. Горького, что во многом и определило её содержание. Этот объёмный труд — плод серьёзной исследовательской работы отечественных и зарубежных коллег. Читатели, несомненно, найдут в нём немало ценного для характеристики и оценки творчества исследуемых писателей, что позволяет достойно оценить его в целом.

Особенное внимание в сборнике привлекают исследования, посвященные славянской проблематике. Открывает его «программная» статья крупнейшего отечественного гоголеведа В. А. Воропаева «Гоголь и славянский мир. Гражданин земли Русской», в которой личность великого писателя, ревностного христианина и горячего патриота своего Отечества и всего славянства, раскрывается в полном соответствии с духом сербской традиции с присущим ей принципом неразрывного двуединства веры и крови. Наиболее красноречивым свидетельством в пользу данного утверждения являются приводимые в работе слова самого Гоголя из его письма к графу А. П. Толстому: «Не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу не спасетесь вам» [Воропаев: 26]. Несомненно, что подобная настроенность писателя явилась одной из главных направляющих широкой популярности его творчества (в том числе и составленной им «Молитвы ко Пресвятой Богородице») в славянском мире. Неслучайно Гоголя называли в известном смысле даже предтечей славянофилов. Один из ведущих специалистов по изучению наследия великого пи-

сателя И. А. Виноградов, неоднократно отмечал, что формирование такого направления отечественной духовно-философской мысли, как славянофильство, было во многом предвосхищено и стимулировано произведениями Гоголя [*Виноградов*: 145]. По мнению исследователя, особенную роль здесь сыграла его знаменитая повесть «Тарас Бульба» (1835), «восторженно встреченная не только Шевыревым и Погодиным, но и молодым Белинским; впоследствии она прямо способствовала становлению национального самосознания славянства» [*Виноградов*: 145].

В статье Е. В. Сартакова «Первые сведения о Гоголе в сербской печати (1838–1849)», в сущности поддерживается это мнение, в частности, подчеркивается, что автор «Мертвых душ» и «Тараса Бульбы» в среде зарубежных славян был вторым по популярности русским писателем после Пушкина и других европейских классиков [*Сартаков*: 161]. Работа эта особенно интересна тем, что в ней вниманию читателей представлен ранее неизвестный или малоизвестный материал об особенностях восприятия творчества Гоголя, главным образом, в сербской и хорватской периодической печати указанного периода, данный в широком историко-культурном контексте. Как показал автор статьи, источником для публикуемых сведений в югославянской печати и критике стали переводные немецкие, а затем и русские материалы, послужившие впоследствии появлению и собственно сербских публикаций. Попутно обратим внимание на один любопытный факт, приводимый Е. В. Сартаковым: первым прижизненным переводом Гоголя стал чешский перевод повести «Тарас Бульба», опубликованный в 1839 г. в журнале «Kwety» («Цветы») [*Сартаков*: 162]. Это ещё раз подтверждает правоту исследователей, отметивших, что стремление к всеславянскому единству, названному впоследствии «панславизмом», первоначально зародилось в среде зарубежных славян, и прежде всего в западнославянских землях Австрийской империи.

Нельзя, однако, не отметить среди материалов сборника и неосновательную идейную неоднородность в оценке гоголевского наследия. Это касается прежде всего статьи С. Н. Мещерякова «Современность классики: о художественном мире Гоголя и Павича». Её автор ставил целью выявить некие общие типические черты в творчестве великого русского писателя и балканского литературоведа Милорада Павича, который не столько творил, повинувшись вдохновению, сколько констру-

ировал свои тексты, заимствуя определенные жанрово-стилистические черты литературных произведений, в основном эпохи барокко, составлявшей область его литературоведческих изысканий. Указание на это есть и в самой названной статье. Как признавался сам Павич, «особо» он был обязан «сербским, русским, греческим и украинским церковным проповедникам эпохи барокко»: «У них я научился строить предложения, предназначенные для восприятия на слух, а не для чтения» [Мещеряков: 136].

Таким образом, в работе прослеживается явно постмодернистское прочтение Гоголя — в духе самого Павича, — с присущей ему болезненной эстетикой и надломленностью (что не удивительно, если вспомнить, что он, будучи индифферентным в вопросах веры, демонстративно порвал со своими сербскими корнями, «перейдя в католичество»). Поэтому мысль о том, что Павич является последователем гоголевской традиции в литературе, является в значительной мере неадекватной (гораздо более правомерно говорить о его игровой имитации данной традиции).

Подлинно гоголевское влияние на сербских авторов сказалось, в первую очередь, на творчестве таких самобытных писателей XIX века, как Стеван Сремац и Милован Глишич (тем более что последний ещё и успешно переводил произведения Гоголя на сербский язык). Поэтому весьма сомнительным представляется и приводимое в статье утверждение об «огромном успехе М. Павича в России» [Мещеряков: 136] (равно как и иногда встречающаяся мысль о его якобы небывалой популярности у себя на родине). Скорее, можно говорить об искусственно создаваемом авторитете упомянутого автора в рамках внелитературного медийно-политического проекта, о чем уже приходилось писать современным исследователям: «Вопреки расхожему мнению, Павич не является ни самым читаемым автором в собственной стране, ни обладателем самых больших тиражей (и это несмотря на то, что на него еще несколько десятилетий назад сделали ставку международные финансовые круги)» [Числов: 538].

Автор романа «Хазарский словарь», Павич — один из представителей постмодернистской среды, призванный «вывернуть наизнанку сербское сознание и заразить мужественный и свободолюбивый народ бактериями пораженчества и бессилия» [Числов: 538]. Не иначе как недоразумением можно назвать неумеренные похвалы в адрес это-

го автора, прозвучавшие со страниц газеты «Завтра» из уст критика Владимира Бондаренко. С. Н. Мещерякову, размышляющему «о художественном мире Гоголя и Павича», следовало отразить неоднозначный, небесспорный характер восприятия произведений М. Павича у сербского и русского читателя.

Примером основательного, объективного разбора является в рецензируемом сборнике статья Милы Стойнич «Йован Дучич: стихотворения в прозе в рамках жанра (Бодлер, Тургенев, Бунин, Дучич)». В ней подробно рассмотрены особенности жанра каждого из указанных авторов, равно как и последующая трансформация их наследия в произведениях И. А. Бунина и Йована Дучича — крупнейшего сербского поэта XX века. Известно, что возникновение такого литературного жанра, как «стихотворение в прозе», связано с именем французского поэта-символиста Шарля Бодлера, в то время как в русской литературе он успешно развивался И. С. Тургеневым. При этом исследовательница подчеркивает, что если их произведения можно считать определёнными вершинами, как бы двумя полюсами в становлении и развитии «стихотворения в прозе», то творения Дучича не уступают художественным достоинствам упомянутых авторов. Продолжая данную мысль, можно отметить и то, что Дучич, являясь личностью весьма цельной, будучи крепче связан с традицией, родовыми корнями и обладая мощным поэтическим дарованием, в известной мере даже превосходит их.

С точки зрения традиционалистов, Бодлер, обладавший огромным талантом, в значительной мере злоупотреблял им (особенно, если говорить о духовной стороне его творчества). В то же время Тургенев, не являясь такой органичной фигурой, как Дучич, всё же был носителем русского православного мировосприятия, составлявшего неотъемлемую часть его славянской души («на каждом его сочинении лежит печать всегда узнаваемой русскости», как справедливо замечает исследовательница И. А. Беляева) [Беляева: 224]. Интересно в связи с этим, что именно в стихотворениях и публицистике Дучича получил яркое выражение упомянутый нами принцип двуединства веры и крови, героизма и мученичества [Дучич: 6].

М. Стойнич справедливо отмечает наличие в произведениях Дучича «необычного поэтического мира, который обладает таинственностью и переходит из границ реальности в фантастику, чтобы реальность показалась благодаря этому ещё реальнее» [Стойнич: 275].

Исследовательница подчёркивает удивительную музыкальность его прозы, так что, по ее мнению, «в музыкальном отношении Дучич опережал свою эпоху» [*Стойнич:* 282]. Несомненно, что одна из причин тому — «подпитка» его творчества мощной эпической традицией, благодаря чему сербские народные песни ещё в XIX веке хорошо знали и высоко ценили не только в славянском мире, но и в западной Европе [*Осипова:* 39]¹.

Статья сербской исследовательницы изобилует многочисленными примерами из разных произведений поэта в их соотносённости с символикой тех или иных образов, художественными обобщениями и т.д. Вместе с тем, стоило бы, возможно, подробнее сосредоточиться на меньшем количестве текстов, но при этом разобрать их более глубоко и основательно, во избежание ощущения некоей перенасыщенности излагаемого материала.

Несколько статей сборника посвящены Максиму Горькому и его широкой прижизненной популярности в Сербии, а затем и в Югославии. Очевидно, что на восприятие Горького сербским читателем повлияла не только общемировая известность и несомненное художественное дарование писателя, но и тот факт, что в глазах сербов он был представителем братской славянской России. (Хотя сам Горький, как известно, призвал порвать «со старым миром»). Кропотливо исследуется судьба драматических произведений Горького на сцене Белградского театра в разные годы (работа Бобана Чурича «Максим Горький на сцене Белградского национального театра между двумя мировыми войнами») и их успех у зрителей, стимулированный гастролями русского Художественного театра, — знаменитого актерского коллектива, повлиявшего на формирование югославской театральной школы. Возможно, этим объясняется и то, что, как показано в статье А. Вранеш и Л. Маркович «Максим Горький в сербской периодике» и в работе С. Т. Брашнёвич «Харизматичный и в газетах Максим Горький в сербских периодических изданиях (с 1900 по 1943)», идеи писателя в трактовке ряда литературных критиков сербской печати отождествлялись с борьбой за социальную справедливость и абстрактно понимаемую свободу. Напомним, что все это происходило на фоне деятельно-

¹ Подробнее см.: Осипова Е.А. Русская литература 1800–1860-х гг. и сербская эпическая традиция. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2016. С. 39.

сти сербских социалистов, последователей импульсивного Светозара Марковича (1846–1875), некритично воспринявшего благие, как ему казалось, теории, во многом лишь потому, что заимствованы они им были из России.

В этом отношении судьба и творческий путь Горького до некоторой степени перекликаются с жизнью и творчеством крупнейшего югославского писателя XX в., Нобелевского лауреата Иво Андрича. Блестящий стилист, Андрич обладал при этом достаточно мрачным мироощущением, что в рамках сербской традиции может быть рассмотрено скорее как периферийное явление («темный вилайет» и т.п.). Показательно, что сам Андрич в ранние годы считал Горького своим идеалом и даже подражал его творческой манере; на это он указывал в своем эссе «Моя первая встреча с произведениями Максима Горького» [Брашнёвич: 307].

Рецензируемый сборник собрал под своей обложкой обстоятельные научные статьи с широким охватом разноплановых тем, побуждающих к дальнейшему научному поиску, а иногда — к дискуссии из-за спорности некоторых утверждений. Привлечение славянского контекста делает его особенно интересным и актуальным для читателей и ученых-славистов.

Список литературы

1. *Беляева И. А.* Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»: «Мир прекрасных чувств национального бытия» // *Классики и современность: Гоголь, Тургенев, Горький.* Белград, Москва, Тюмень, Воронеж, 2018. — С. 223–257.
2. *Брашнёвич С. Т.* Харизматичный и в газетах Максим Горький в сербских периодических изданиях (с 1900 по 1943) // *Классики и современность: Гоголь, Тургенев, Горький.* Белград, Москва, Тюмень, Воронеж, 2018.
3. *Виноградов И. А.* «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // *А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX в. М., ИМЛИ РАН, 2016.* — С. 141–183.
4. *Воропаев В. А.* Гоголь и славянский мир. Гражданин земли Русской // *Классики и современность: Гоголь, Тургенев, Горький.* Белград, Москва, Тюмень, Воронеж, 2018. — С.7–38.
5. *Дучич Йован.* Ave Serbia // *Сербия в сердце моем... Юбилейный выпуск к пятилетней годовщине конкурса сербской поэзии и песни.* М.: Паломник, 2015. — 32 с.
6. *Мещеряков С. Н.* Современность классики: о художественном мире Гоголя и

Павича // Классики и современность: Гоголь, Тургенев, Горький. Белград, Москва, Тюмень, Воронеж, 2018. — С. 121–142.

7. Осипова Е. А. Русская литература 1800–1860-х гг. и сербская эпическая традиция. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: ИМЛИ РАН, 2016. — 258 с.

8. Сартаков Е. В. Первые сведения о Гоголе в сербской печати (1838–1849) // Классики и современность: Гоголь, Тургенев, Горький. Белград, Москва, Тюмень, Воронеж, 2018. — С. 161–184.

9. Стойнич Мила. Йован Дучич: стихотворения в прозе в рамках жанра (Бодлер, Тургенев, Бунин, Дучич) // Классики и современность: Гоголь, Тургенев, Горький. Белград, Москва, Тюмень, Воронеж, 2018.

10. Числов И. М. Послесловие к роману Л. Х. Джурович «Игра Ангелов». М., Паломник, 2010. — 543 с.

References

1. Beliaeva I. A. Roman I. S. Turgeneva «Dvorienskoe gnezdo», «Mir prekrasnykh chuvstv natsional'nogo bytiia» [Belyaeva I. A. I. S. Turgeneva's novel «Dvoryanskoe Gnezdo»: «World of wonderful senses of national life»]. *Klassiki i sovremennost': Gogol', Turgenev, Gor'kii. Belgrad, Moskva, Tiumen', Voronezh, 2018.* pp. 223–257. [Classics and modernity: Gogol, Turgenev, Gorky. Belgrade, Moscow, Tyumen, Voronezh, 2018]. (In Russ.)

2. Brashnevich S. T. Kharizmatichnyi i v gazetakh Maksim Gor'kii v serbskikh periodicheskikh izdaniiah (s 1900 po 1943) [Beresnevich, S. T. Charismatic in newspapers Maxim Gorky in Serbian periodicals (from 1900 to 1943)]. *Klassiki i sovremennost': Gogol', Turgenev, Gor'kii. Belgrad, Moskva, Tiumen', Voronezh, 2018.* [Classics and modernity: Gogol, Turgenev, Gorky. Belgrade, Moscow, Tyumen, Voronezh, 2018]. (In Russ.)

3. Vinogradov I. A. «Istoriia gosudarstva Rossiiskogo v tvorcheskome nasledii Gogolia. A. P. Sumarokov i N. M. Karamzin v literaturnom protsesse Rossii XVIII — pervoi treti XIX v. [Vinogradov I. A. “History of the Russian state” in Gogol's creative heritage]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2016. pp. 141–183. (In Russ.)

4. Voropaev V. A. Gogol' i slavianskii mir. Grazhdanin zemli Russkoi [Voropaev V. A. Gogol and the Slavic world. Citizen of the Russian land]. *Klassiki i sovremennost', Gogol', Turgenev, Gor'kii. Belgrad, Moskva, Tiumen', Voronezh, 2018.* [Classics and modernity: Gogol, Turgenev, Gorky]. Belgrade, Moscow, Tyumen, Voronezh, 2018. pp. 7–38. (In Russ.)

5. Duchich Iovan. Ave Serbia . Serbiia v serdtse moem... Iubileinyi vypusk k piatiletnei godovshchine konkursa serbskoi poezii i pesni [Ducic Jovan. Ave Serbia. Serbia in my heart... the Anniversary edition of the five-year anniversary of the Serbian poetry and song contest] Moscow: Palomnik Publ., 2015. 32 p. (In Russ.)

6. Meshcheriakov S. N. Sovremennost' klassiki: (o khudozhestvennom mire Gogolia i Pavicha [Meshcheryakov S. N. Modernity of classics: about the artistic world of Gogol and Pavich]. *Klassiki i sovremennost', Gogol', Turgenev, Gor'kii. Belgrad, Moskva, Tiumen',*

Voronezh [Classics and modernity: Gogol, Turgenev, Gorky. Belgrade, Moscow, Tyumen, Voronezh]. 2018. pp. 121 - 142 (In Russ.)

7. Osipova E. A. Russkaia literatura 1800–1860-kh gg. i serbskaia epicheskaia traditsiia. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. [Osipova E. A. Russian literature of the 1800s-1860s and Serbian epic tradition. Thesis for the degree of candidate of philological Sciences]. Moscow, 2016. 258 p. (In Russ.)

8. Sartakov E. V. Pervye svedeniia o Gogole v serbskoi pechati (1838–1849) [Sartakov E. V. First information about Gogol in the Serbian press (1838-1849)]. *Klassiki i sovremennost', Gogol', Turgenev, Gor'kii. Belgrad, Moskva, Tiumen', Voronez* [Classics and modernity: Gogol, Turgenev, Gorky. Belgrade, Moscow, Tyumen, Voronezh]. 2018. pp. 161–184. (In Russ.)

9. Stoinich Mila. Iovan Duchich: stikhotvoreniia v proze v ramkakh zhanra (Bodler, Turgenev, Bunin, Duchich) [Stojnic Mila. Jovan Ducic: poems in prose within the genre (Baudelaire, Turgenev, Bunin, Ducic)]. *Klassiki i sovremennost', Gogol', Turgenev, Gor'kii. Belgrad, Moskva, Tiumen', Voronezh, 2018*. [Classics and modernity: Gogol, Turgenev, Gorky. Belgrade, Moscow, Tyumen, Voronezh]. 2018 (In Russ.)

10. Chislov I. M. Posleslovie k romanu L.Kh. Dzhurovich "Igra Angelov" [*Chislov I. M. Afterword to the novel "the Game of Angels" by L. H. Dzhurovich*]. Moscow. Pilgrim Publ. 2010. 543 p. (In Russ.)

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

Научный журнал
Два века русской классики / Two centuries of the Russian classics

Два века
РУССКОЙ
КЛАССИКИ

2019 — Т. 1 — № 1

Учредитель и издатель
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук

Главный редактор
Щербакова Марина Ивановна
доктор филологических наук, профессор,
заведующая отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН

Дизайн обложки и макет журнала **Компьютерная верстка**
Д. К. Бернштейн А. З. Бернштейн

Корректор
Л. В. Прохоренко

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: Эл № ФС 77-76366 от 02.08.2019 г.

Адрес учредителя, редакции и издателя:
121069, Москва, ул. Поварская, 25а

Тел.: (495)690-50-30

E-mail: jornal_ork@mail.ru

Сайт журнала: www.rusklassika.ru

Дата размещения сетевого издания в сети Интернет
на официальном сайте <http://rusklassika.ru> 27.07.2019 г.

При перепечатке ссылка обязательна

16+